

ФИЛОСОФИЯ
ИСТОРИИ

ЯНАГИДА КЭНДЗЮРО

歴史哲学

柳田謙十郎著

歷史哲學

刊行 創文社

ЯНАГИДА КЭНДЗЮРО

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Перевод с японского
Л. Ш. Шахназаровой

Вступительная статья
М. М. Розенталя и Л. Ш. Шахназаровой

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА,
1969

Редакция литературы по вопросам философии и права

1-5-1

Б327—69, пор. № 3-а

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Предлагаемая вниманию советского читателя книга известного японского философа-марксиста Янагида Кэндзюро «Философия истории» представляет собой очерк исторического материализма, материалистического понимания истории, противопоставляемого автором различным идеалистическим концепциям. Этот труд имеет большое общественное значение; он написан крупным философом, проделавшим нелегкий путь от идеализма к диалектическому материализму. Его ценность и особый колорит заключаются в том, что автор, открывший для себя в марксистской философии великую истину, отстаивает и развивает ее здесь со всей страстью своей души и своего разума. Поэтому «Философия истории» читается с большим интересом. В ней много живых фактов современной буржуазной действительности, взятых автором не из литературных источников, а из личных наблюдений. Цепно в книге и то, что известные марксистские истины излагаются здесь свежо и оригинально.

Ранее опубликованные в СССР работы Янагида Кэндзюро¹ вызвали среди советских читателей большой интерес. Новая книга позволит нашей научной общественности ознакомиться с дальнейшим развитием творческой

¹ «Эволюция моего мировоззрения», М., 1957; «Философия свободы», М., 1958; «10 лет по пути материализма», М., 1961; «Японская философия сегодня», «Вопросы философии», № 7, 1957; «Прогресс философии и развитие истории», «Вопросы философии», № 5, 1963, и др.

мысли этого видного ученого-борца и общественного деятеля Японии.

В историческом материализме Янагида Кэндзюро видит единственно научную теорию, правильно объясняющую ход и развитие исторического процесса. На огромном фактическом материале, охватывающем самые различные этапы всемирной истории, в том числе и истории Японии, автор доказывает истинность и плодотворность материалистического, марксистского понимания истории. Он не просто излагает основы исторического материализма, а оригинально и творчески показывает, как применение этого учения к реальным историческим фактам дает возможность решать с позиций науки самые сложные вопросы общественного развития.

«Философия истории» сочетает строгий академизм в исследовании проблем исторического материализма со страстным призывом к тем, кому она адресована, понять, что только марксистская методология исторического анализа может помочь, как выражается автор, «найти пути, могущие вывести японский народ из того тяжелого положения, в котором он оказался в результате пагубной политики последних десятилетий» (стр. 13 настоящего издания). Со страниц этой книги звучит голос мыслителя, твердо и непоколебимо осознавшего, по какому пути нужно идти, чтобы решить назревшие объективные задачи современного исторического развития.

* *
*

Свое изложение основ материалистического понимания истории автор начинает с вопроса об историческом познании. Он убедительно показывает, что подлинно историческое познание не есть простое описание фактов, что только то познание, которое проникнуто пониманием объективных закономерностей общества, способно представить историю не как произвольный конгломерат фактов и событий, а как закономерный процесс. С этой точки зрения Янагида Кэндзюро подвергает критике различные идеалистические концепции истории — прагматизм, религиозные взгляды, позитивизм и т. п. Из всех домарксистских теорий он выделяет взгляды Гегеля, оценивая их как наиболее глубокие и подвергая вместе с

тем критике их идеалистический характер. Показывая неспособность идеалистической философии превратить историю в подлинную науку, автор стремится установить, что марксизм не просто отбрасывает взгляды предшественников, а критически перерабатывает отдельные, имевшиеся в них ценные элементы. Из всех критикуемых им направлений это относится прежде всего к философии истории Гегеля. Можно было бы лишь сильнее подчеркнуть, что именно в понимании общественной жизни и ее закономерностей марксизму пришлось совершить наиболее важный шаг вперед, ибо в этой области до него меньше всего было сделано. Как бы то ни было, автор ярко и убедительно показывает все бессилie и беспомощность идеалистических концепций — как прошлых, так и современных — в объяснении истории человеческого общества.

Янагида Кэндзюро глубоко прав, когда подчеркивает то обстоятельство, что историческое исследование не «субъективная прихоть» и не «развлекательное занятие». Оно всеми своими корнями должно быть связано с интересами переживаемой эпохи, должно помогать решать назревшие практические задачи. Иначе говоря, в нем постоянно должен звучать голос истории, «выражающий закономерные требования эпохи и задачи нации». Если этого нет, то историческое исследование неизбежно превращается в схоластическое изыскание и будет предано забвению. Это не значит, что историк должен отходить от строго исторического и объективного изложения событий прошлого, а означает лишь, что он обязан иметь такой взгляд на историю, который нацеливает на «жизненно важную практику». Знание истории необходимо для преобразования истории.

Только марксизм, марксистская теория общества способна вооружить историка таким взглядом. Марксистскому историку не приходится в угоду своим формулам искажать исторические факты; напротив, принципы и положения исторического материализма делают их наиболее яркими и убедительными.

В первой части своего труда Янагида Кэндзюро в популярной форме излагает основные положения материалистического понимания истории. Особое внимание он уделяет законам истории, сопоставляет законы природы и законы общества, показывает их диалектически изменчивую природу. Некоторое возражение вызывает

деление законов природы на «вечные» и «неизменные» и законы «разрушения старого и созидания нового». Еще Энгельс доказал, что так называемые «вечные» законы природы также все более превращаются в исторические законы, поскольку они в различных условиях и на разных ступенях развития материи проявляются по-разному. Подчеркивая важность понимания истории как закономерного процесса, автор совершенно справедливо делает особый упор на то, что это нисколько не отрицает свободы человеческих действий и не обрекает людей на пассивность. Детерминистическая обусловленность действий человека не обесценивает его воли, сознания, стремлений, а, наоборот, придает ему уверенность, твердость в осуществлении осознанных намерений. Автор зло и сдко высмеивает ту «свободу», которая допускается в так называемом «свободном мире» и представляет собой «не что иное, как свободу конкуренции, свободу пожирания слабого сильным, свободу выживания сильнейшего» (стр. 73).

Особенно хочется выделить те страницы книги, где Янагида обращается к интеллигенции, к деятелям культуры, находящимся в плену идеалистических представлений о свободе. Он доказывает, что индивидуализм, либерализм, на котором настаивает современная мелкобуржуазная интеллигенция, не есть путь к подлинной свободе, что это «скорее путь потери всякой свободы» (стр. 72). Только материалистический подход к истории, основанный на знании необходимых законов развития общества, может дать и дает истинную свободу действий.

Следует отметить глубокую трактовку понятий «историческое пространство», «историческое время» и «исторический субъект», которую автор дает во второй части книги. Опираясь на общие законы исторического развития общества — законы взаимоотношения производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, классовой борьбы, — автор исследует объективные тенденции, обуславливающие ход прогрессивного развития общества, изменения исторического пространства, времени, субъекта. Оригинальны его рассуждения о процессе образования всемирной истории и о роли современного освободительного движения и социалистических революций в этом процессе.

Особый интерес представляет глава об историческом

времени. В этой части книги автор вносит свою, оригинальную трактовку, раскрывает новые стороны данной проблемы. Ценно то, что его исследование осуществлено на основе критики идеалистической концепции исторического времени, сформулированной Нисида Китаро. Критикуя нисидовскую концепцию с материалистических позиций, Янагида не только стремился окончательно расчитаться со своими былыми воззрениями последователя Нисида, но и преследовал цель убедить историков в ненаучном характере его философии, в последнее время вновь получившей большое влияние среди японских ученых. Поэтому критика историко-философских взглядов главы идеалистической философии Японии имеет весьма актуальное значение.

Интерес читателя привлечет и исследуемое автором понятие «настоящее историческое время». Смысл этого понятия в том, что хотя деятельность человека на каждой новой ступени определена его прошлой историей, условиями, которые он застаёт, начиная свою жизнь, однако он владеет и настоящим временем, которое позволяет ему в полной мере проявить себя как творческое, активное существо. Если бы поведение человека всецело определялось лишь прошлым, он мало чем отличался бы от животного. В действительности же, опираясь на достигнутое, человек (класс, партия и т. п.) активно преобразует настоящее и предопределяет тем самым будущее. «Это, — пишет автор, — творческое время, когда наше я в качестве свободного субъекта определяет с позиций настоящего времени и мир и себя» (стр. 151). Поэтому, делает он справедливый вывод, к людям можно и должно подходить как к субъектам морального долга. Конечно, подчеркивает далее автор, движение в будущее, определяемое человеком с позиций «настоящего времени», также закономерно обусловлено, но тем и отличается человеческая история, что в объективный ее ход органически вплетается свободная творческая деятельность людей.

Эти рассуждения Янагида Кэндзюро наносят удар по измышлениям противников исторического материализма, утверждающих, будто последний исключает свободное творчество человека и превращает его деятельность лишь в пассивную функцию не зависящего от него хода событий. Оригинальные мысли найдет читатель также и в разработке понятия исторического субъекта.

Уделяя много внимания рассмотрению проблем всемирной истории, определению истории как науки, соотношению законов исторического материализма и исторической науки, Янагида свои теоретические положения выясняет на историческом материале судеб самой Японии в живых связях с историческими фактами всего мирового развития. Он неоднократно возвращается к оценке Октябрьской социалистической революции 1917 г. как события величайшего всемирного значения.

С большой теплотой и симпатией относится автор к деятельности В. И. Ленина, называя его *гениальным мыслителем и великим революционером*. Тема В. И. Ленина красной нитью проходит через все его произведения. В опубликованной в июле 1968 г. в Японии работе «Как стать настоящим человеком» Янагида пишет: «С тех пор, как я стал материалистом... я отбросил все «идеальные личности» прошлого, почитаю В. И. Ленина как человека высшей человеческой морали, уважаю и люблю его как учителя человечества и стремлюсь точно продолжать свой путь по его стопам. И нет для меня более высокой радости, как жить, встречаясь с портретом Ленина и утром, и вечером над моим рабочим столом».

* *
*

Сам автор «Философии истории» придает этому труду особое значение, выделяя его из всех своих сочинений. Здесь он выступает уже как последовательный материалист и считает своей обязанностью обратиться к прогрессивным ученым Японии с призывом встать на позиции исторического материализма.

Призыв Янагида, видимо, нашел свой отклик. После выхода в свет в январе 1957 г. «Философия истории» многократно переиздавалась, что свидетельствует о глубоком интересе к этому произведению прогрессивной общественности Японии. Сам же автор, окончательно преодолев свое идеалистическое понимание истории, в 1959 г. выступает в 40 номерах воскресного выпуска газеты «Акахата» с серией статей под названием «История и человек». Здесь он дает научно-популярное изложение исторического материализма для рабочей молодежи Японии, которое было принято читателями настолько

хорошо, что вскоре пришлось издать эти статьи отдельной книгой, выдержавшей затем наибольшее число изданий из всех произведений автора.

К произведениям Янагида по проблемам исторического материализма относится и «Философия свободы», написанная автором в первой половине 1957 г. в ответ на яростную компанию, которая была поднята империалистической пропагандой по поводу венгерских событий 1956 г. В этом ярком публицистическом произведении автор вскрывает сущность мнимой свободы «свободного мира», давая достойную отповедь клеветникам на социалистический мир. Изданная в СССР на русском языке в 1958 г. «Философия свободы» получила горячий отклик не только в нашей стране, но и за ее пределами и вскоре уже с русского языка была переведена на ряд других языков стран Европы, Азии и Америки.

Возникает вопрос, как могло случиться, что в недалеком прошлом идеалист и замкнутый ученый мог за короткий срок настолько органически усвоить учение марксизма-ленинизма, что его произведения получили столь глубокое понимание и признание не только среди японского народа, ведущего напряженную борьбу за свое светлое будущее, но и далеко за пределами этой страны?

Этому, как нам думается, способствовало то, что марксистскую теорию Янагида воспринял как подлинно научную теорию разрешения проблем войны и мира, социального прогресса, что он ясно осознал положение марксизма о неразрывной связи теории и практики.

Поэтому он с первых же шагов своего развития по пути материализма устанавливает тесную связь с массовыми движениями японского народа в борьбе за мир, за национальную независимость и социализм, беззаветно становится на позиции рабочего класса, рассматривая его классовые интересы как свои собственные. С 1952 г. Янагида Кэндзуро — председатель Всеяпонского общества содействия просвещению рабочего класса, и его вклад в напряженную идеологическую борьбу в Японии трудно переоценить. В своих статьях, книгах и лекциях, разоблачая ложь и демагогию буржуазной пропаганды, он утверждает одно основное положение: только овладев мировоззрением марксизма-ленинизма, рабочий класс сумеет выполнить свою историческую миссию, возглавив борьбу японского народа.

В 1954 г. Янагида Кэндзюро впервые выезжает за пределы своей родины. Как заместитель председателя Японского комитета мира он возглавляет японскую делегацию для участия в работах международных форумов сторонников мира в Берлине и Стокгольме. На обратном пути он посещает Советский Союз и с глубоким интересом знакомится с жизнью и достижениями советского народа, впервые претворившего в действительность теорию марксизма-ленинизма. Свои наблюдения и впечатления о поездке по нашей стране Янагида отразил в путевых записках под названием «Мое путешествие в страну истины», вышедших из печати в ноябре того же года. Здесь он выступает как убежденный и искренний друг Советского Союза. Вскоре Янагида отправляет в адрес АН СССР несколько своих трудов. С этого и начинается дружба между прогрессивными японскими философами и философами Советского Союза, дружба, которая с каждым годом становилась все более тесной и плодотворной для обеих сторон.

Нет сомнения, что выход на русском языке книги Янагида Кэндзюро «Философия истории» будет способствовать дальнейшему развитию этой дружбы.

*М. Розенталь,
Л. Шахназарова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вероятно, не будет преувеличением сказать, что интерес к истории японского народа никогда еще не был так велик, как сегодня. И это понятно, ибо история Японии в течение длительного времени находилась в руках тех, кто меньше всего заботится об исторической правде. История излагалась так, как было выгодно правящим кругам страны.

Но интерес к истории Японии вызывается также необходимостью найти пути, могущие вывести японский народ из того тяжелого положения, в котором он оказался в результате пагубной политики последних десятилетий.

Вот почему сегодня методология исторической науки приобретает первостепенное значение. Само собой разумеется, что здесь нас должны интересовать прежде всего конкретные исторические факты, исходя из которых только и возможно раскрытие специфического процесса развития, являющегося подлинной историей Японии. В отличие от историков-позитивистов, сводящих историю лишь к разрозненным фактам, ее необходимо рассматривать в целостности, выявляя при этом сущность исторического процесса, скрытого в глубине отдельных фактов. Однако исторической науке чужд и априоризм. Не случайно философия истории Фихте и Гегеля потеряла свою ценность для большинства историков нашего времени, ибо в той философии имелось восхождение от сущности к явлению и полностью игнорировался переход от явления к сущности.

Но из-за этого отказываться от философии истории было бы неправильно. Подобно тому как естествознание не может обойтись без философии природы, так и общественным наукам, в частности истории, необходима своя философия. История без определенной философской основы неизбежно превращается в изложение лишь случайно набранных, разрозненных фактов. Если же историк руководствуется неправильной теорией, то в его изложении история также получит неправильное освещение.

Философия истории, которая разрабатывалась в Японии, носила идеалистический характер. Поэтому и историческая наука являлась здесь «комментаторской», не дающей никаких перспектив на будущее в качестве основы для практической деятельности. Философия истории была созерцательной наукой, оторванной от исторической действительности. Понятно, что такая наука не была в состоянии выяснить объективную истину исторического процесса, следовательно, не могла придавать силу и уверенность той практической деятельности, которая двигала бы историю вперед. Если же историки, придерживающиеся такой философии, и пытались ставить какие-то практические задачи, это были просто иллюзии, призванные приукрашивать факты эксплуатации и империалистической агрессии с целью навязать народу такую историческую практику, которая объективно могла привести только к пагубным последствиям для народа.

В данном произведении я стремлюсь найти действенные пути к той исторической практике, которая вполне может привести к подлинному процветанию моей родины в тесной связи с миром во всем мире и счастьем всего человечества.

Буду искренне благодарен, если читатели помогут мне устранить имеющиеся недостатки в моем труде.

Автор

Январь 1957 г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

§ 1. Что такое история?

Такие слова, как «философия» и «религия», выражают понятия, которые нуждаются в дополнительном разъяснении, ибо сами по себе они еще не дают их содержания. Но если взять слово «история», то здесь, видимо, нет необходимости в дополнительных разъяснениях и тем более в столь трудном для понимания определении ее, какое дано, например, одним из немецких ученых Эдуардом Бернгеймом: «История есть такая наука, которая изучает и изображает в психофизической причинной связи факты развития людей, поскольку факты эти составляют проявление деятельности людей как социальных существ»¹.

Когда встречаешься с подобным определением, то, помимо сомнения в правильности такой формулировки, невольно возникает и мысль — зачем понадобилось автору столь сложное описание, не преднамеренно ли он запутал ясное само по себе понятие? Само слово «история» (*Ceschichte*) Бернгейм определяет как знание или рассказ вообще о том, что «происходит» или «произошло». Отсюда можно сделать вывод, что слово «история» применимо не только к событиям в мире человека, но и к миру растений, животных, земной коры. Английское «*history*» восходит к греческому «*ιστορία*», но первоначально оно означало «знания, полученные на основе исследований». Итак, слово «история» в широком смысле

¹ Э. Бернгейм, Введение в историческую науку, М., 1908, стр. 26.

означает не только то, что произошло, но и то, что исследовано и изложено относительно происшедшего.

Таким образом, в слове «история» заключены по крайней мере два значения: во-первых, объективная история в качестве факта и, во-вторых, запись этой истории на основе исследований. Разумеется, когда говорят об исторической науке, имеют в виду второе значение данного термина, хотя не игнорируется и первое его значение, поскольку в основе записанной истории должна лежать история фактов в качестве ее объективного материала. Если историю писать без этой основы, она лишается своего значения как история.

Но история отнюдь не ограничивается тем, что произошло в человеческом обществе. События в жизни природы можно также изложить как «историю природы». До появления человека и его истории исторические изменения происходили в самой природе на протяжении столь длительного периода, что он даже не поддается исчислению. История человека — всего лишь последнее звено неизмеримо более длительной истории природы. И не так-то просто определить ту границу, которая отделяет конец истории природы от начала истории человека.

Однако в наше время, говоря об истории как науке, мы ограничиваемся только историей человека. При этом та часть ее, которая связана с появлением и становлением человека, и носит название «доисторического периода», не входит в историческую науку и является объектом других наук. В истории охватывается лишь история человечества последних пяти тысяч лет. Все, что связано с человеком до этого периода, изучается антропологией и археологией.

Что же представляет собой человек в качестве объекта исторической науки? Выделившийся из природы человек изучается не только историей, но и рядом других общественных наук; история же изучает его именно в качестве исторического существа. В таком случае, что же определяет сущность человека как объекта истории?

Историк рассматривает человека прежде всего во времени. Если в физиологии и психологии человек может исследоваться как существо, не связанное с временем (обладающее независимо от исторических эпох определенными функциями и структурой своего организма), то в истории его нельзя рассматривать вне времени, ибо он

исторически формируется в условиях определенной эпохи, определенной социальной среды и одновременно сам активно и сознательно творит историю. История природы создается природой, а история человека — человеком. Следовательно, должно быть бесспорным и то положение, что целью исторической науки является выяснение процесса творческого развития человека.

Но история человека не может быть историей отдельных личностей. Конечно, в историю включаются и биографии некоторых деятелей. Однако эти деятели не сами породили себя и отнюдь не в одиночестве росли и развивались. Само японское слово «нингэн» (人間) — «человек» состоит из двух иероглифов: «нин» (人) — «человек» и «гэн» (間) — «между» — и выражает тот смысл, что человек возможен только в общении с другими людьми. Наша жизнь носит общественный характер, и поэтому история человека в отрыве от общества просто невозможна. Другими словами, история человека, существующего в условиях общественных отношений, есть не что иное, как история развития самих общественных отношений. Безусловно, в истории дается описание и деятельности отдельных личностей, но нельзя забывать, что эти личности, прежде чем влиять на общество своей активной деятельностью, сами формируются в условиях определенных общественных отношений. История всегда дает картину эпохи или общества через деятельность отдельных личностей, но она, повторяем, не является историей личностей, а имеет своей задачей изложение характерных черт развития данной эпохи, данного общества. Возможно, что Бернгейм и имел в виду именно это обстоятельство, когда давал свое определение истории.

Итак, можно сказать, что история есть не что иное, как показ процесса развития общественного человека во времени. Однако не всякое время этого развития берется в качестве объекта исторического описания. Вообще история связана только с прошлым; как настоящее время, так и будущее не являются объектом исторической науки. Разумеется, мы и в настоящем времени живем в историческом мире и творим историю, а к истории будущего в известном смысле питаем даже больше интереса, чем к истории прошлого. И все же, поскольку речь идет об исторической науке, необходимо подчеркнуть, что ее непосредственным объектом является только про-

шлое. Конечно, имеется и такое понятие, как «современная история». Однако эта «современная история», поскольку она оказывается записанной, приобретает характер «уже прошедшего» и, таким образом, становится достоянием прошлого. Наше настоящее время, несомненно, имеет важное значение для жизни, поскольку оно создается при нас, но, чтобы стать прошлым, факт настоящего должен быть уже завершен. Именно поэтому «современная история» как история всегда неизбежно является незавершенной. Она обязательно включает в себя пока не законченные события, ибо ее непосредственные связи с настоящим временем еще весьма живые, хотя вместе с тем непрерывно идет ее превращение в прошлое. Подлинная история (законченное историческое описание) появляется только после соответствующего завершения эпохи. История в строгом смысле — это познание и описание фактов прошлого.

Но в таком случае имеет ли наше настоящее какие-то связи с историей? Можно ли утверждать, что история нескольких тысячелетий длилась вплоть до вчерашнего дня, а сегодня мы, оторванные от истории, уже не живем в историческом мире? Разумеется, нет. Конечно, наше настоящее время еще не вошло в исторический мир познанный и записанной истории, ибо, чтобы наши действия настоящего времени стали объектом исторического познания в качестве исторических фактов, потребуется, видимо, определенное время. Хотя сегодняшний день становится вчерашним и позавчерашним, он тем не менее не обязательно должен сразу превратиться в объект исторического описания. И все же нельзя сказать, что действия нашего настоящего времени не являются историческим фактом, точно так же как нельзя сказать, что мир текущего «ныне» не является историческим миром. Именно настоящее время рождает исторические факты, являющиеся самыми важными, основными из всех исторических фактов. Подлинно живой исторический мир заложен прежде всего в подобном настоящем времени, и только тогда, когда исходят именно из этого, исторический мир впервые приобретает поистине творческую историческую жизнь.

А если так, то хотя и говорят об исторических фактах прошлого, но они вовсе не факты, просто «существовавшие» в прошлом и не включавшие в себя вначале

подобное настоящее; эти факты непременно включают в себя историческое настоящее время, имеющее структуру, одинаковую с нашим настоящим временем; в них действуют люди, и именно это может порождать творческую историю — формирующуюся, изменяющуюся, развивающуюся. Мысль о том, что история человечества всегда творится человеком, можно выразить и иначе: каждая история имеет свое собственное настоящее. А это и означает, что продвижение ее вперед всегда совершается через такое настоящее.

Несомненно, прошлая история с точки зрения настоящего времени представляется нам в виде объективного факта, чего-то уже миновавшего, мертвого, но это вовсе не значит, что данный объективный факт не включает в себя какую-то субъективную человеческую деятельность настоящего времени. В прошлом имелось настоящее прошедшего, настоящее обладает настоящим настоящим, а будущее вскоре будет обладать настоящим будущим. Там, где нет настоящего времени, история не осуществима. Значит, в нашем настоящем имеется нечто важное для истории (о чем подробно будет сказано ниже) Это выражается, между прочим, в том, что история всегда пишется с позиций настоящего времени. Нет спора, что история строится из фактов прошлого, но эти факты прошлого в качестве объектов исторического описания всегда формируются в своем настоящем времени.

Перейдем к рассмотрению характера и структуры исторического настоящего времени. Можно было бы сказать, что настоящее время — это такое время, которое ретроспективно рассматривает прошлое и является созерцательно познаваемым настоящим. Но подобное умозрительное настоящее не есть подлинно конкретное и живое историческое настоящее, а представляет скорее абстрактную односторонность. Живое историческое настоящее время должно быть творящим историю практическим настоящим, которое исторически формируется в определенной исторической среде и в то же время само формирует историю.

Подобного рода настоящее время, разумеется, носит еще субъективный характер и пока что не стало объектом исторического познания. Но тот субъект, который действует в этом настоящем, не является ни чистым разумом, ни чистым духом, абстрагированным из окружа-

ющей материальной действительности, как это представляют идеалисты, а обязательно тесно связан с объективной материальной средой своего времени. Подобно тому как наше «я» может существовать только при наличии физического тела, так не может быть и никакого субъективного духа в отрыве от материальной среды. Сколько бы ни твердили, что человек есть субъект исторического творчества, но в действительности он творит историю, будучи сам ее продуктом. Порожденный природой и созданный историей, человек сам создает, но на основании только своего желания из ничего никогда нельзя создать что-либо. Поэтому субъективность в нашем историческом настоящем всегда осуществляется в определенных границах, предоставленных данной средой.

Настоящее время кристаллизуется в творческом замысле отдельной личности, жизнь которой во времени всегда ограничена, однако подлинно историческое настоящее время вовсе не является тем, что создается одной личностью. Живая историческая личность не может появиться в отрыве от эпохи, от общественной среды. История каждой нации, каждого общества имеет свое настоящее время и создается в процессе субъективного творчества отдельных личностей. Только те личности, которые прислушиваются к голосу истории, воспринимая тенденции эпохи, волю нации как свою волю, впервые становятся подлинно историческими личностями, силой, формирующей историческое настоящее.

Итак, живое историческое начало всегда является национальным, социальным, а также всемирно-историческим, а все это вместе взятое двигает личность, являющуюся как бы творческим острием исторического времени. Но об этом более подробно будет сказано в следующих главах.

В данном разделе мы выяснили, что понятие «история» имеет три значения. Во-первых, история означает объективные факты или прошлые события; во-вторых, она понимается в смысле познания этих фактов с последующим изложением их в виде как исторических описаний, так и исторической науки; в-третьих, история имеет тот смысл, что мы, люди настоящего времени, активно творим историю, исторически формируя реальный мир. В дальнейшем наше исследование будет направлено на выявление взаимосвязи этих трех сторон, входящих

в понятие истории. Начнем с рассмотрения вопроса о том, каким образом из истории в первом смысле (из объективных фактов прошлого) рождается историческое познание сначала в виде исторического описания, а затем в виде исторической науки.

§ 2. Историческое описание и историческая наука

Историческая наука в современном ее понимании сформировалась сравнительно недавно, а до этого всевозможные виды исторического описания как предшествующая ступень исторической науки проходили через длительный процесс развития. Другими словами, сама историческая наука также формировалась в историческом мире подобно всем другим явлениям реальной действительности. И хотя исторические описания в том виде, как они есть, нельзя назвать исторической наукой в строгом смысле слова, но в них эта наука находит для себя нечто важное, фундаментальное. Видимо, только поэтому и называли Геродота (480—425 гг. до н. э.) «отцом истории». Когда в Ионии еще шесть веков до нашей эры впервые прозвучало слово «история», оно не просто означало повествование, а включало в себя значение «поиска истины».

Так, Геродот свою «Историю» начинает словами: «Ниже следующие изыскания Геродот Галикарнасец представляет для того, чтобы от времени не изгладились из нашей памяти деяния людей»¹. Эти добытые им в результате непосредственных поисков сведения он и назвал историей, добавив, что все остальное, как логос или повесть, отмечается. В этом направлении еще более последовательным был Фукидид (471—401 гг. до н. э.), автор «Истории Пелопоннесской войны». Такое понимание истории древнегреческими историками, между прочим, было тесно связано с тем, что они являлись и известными путешественниками. Геродот, например, со своими товарищами обошел пешком весь Египет и всю Персию. Причем свои путешествия он предпринимал, видимо, не в

¹ Геродот, История в девяти книгах, т. I, М., 1888, стр. 1.

погоне за деньгами, а в поисках истины. История для него была исследованием мировой культуры, поскольку в его исторические записи включалось не только то, что сегодня называют историей, но и то, что является объектом таких наук, как география и этнология. Вот почему он может быть признан скорее отцом истории культуры, чем отцом истории политики. В отличие от Геродота Фукидид интересуется исключительно деятельностью политиков. Поэтому-то у него и записаны с особой тщательностью речи многих политических деятелей древности. Особенно подробно записаны речи Перикла, полководца начального периода Пелопоннесской войны. Именно с Фукидида история впервые приобретает политическое, практическое направление.

Полибий (204—122 гг. до н. э.) кладет начало повествовательному характеру истории. Он выходец из древнегреческой аристократии, но после битвы при Пидне был отправлен в Рим вместе с тысячами пленных. В Риме, который тогда являлся центром всемирной истории, Полибий не мог не прийти к выводу, что мир идет к единству через этот самый Рим. Здесь, можно сказать, Полибий положил начало осознанию истории как всемирной истории. Примечательно, что он выступает и как теоретик истории: так, при исторических исследованиях он советует использовать не только исторические события, но и описания этих событий; затем им подчеркивается необходимость географических исследований и, наконец, обращается внимание на необходимость выяснения причин политических событий.

По сравнению с достижениями древнегреческих историков особенностью древнеримских являлась приверженность к летописям. Самыми древними памятниками летописей являются знаменитые камни музея в Палермо. Надписи на этих камнях высечены в конце правления пятого египетского фараона и представляют летопись религиозных праздников периода правления первого фараона. Видимо, в большинстве случаев первоначальная форма исторических записей носила характер подобных религиозно-политических летописей. Эта тенденция особенно четко проявилась у таких древнеримских историков, как Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) и Корнелий Тацит (ок. 55—120 гг.).

На Востоке подобного рода памятники сохранились

в Китае, например известные исторические записи «Ши Цзи»¹, и в Японии — «Кодзики» и «Нихонги»².

Но если говорить о современной исторической науке, то она появилась только в конце XVII века из недр повествовательных или летописных историй. Что же положило грань между предшествующими историческими описаниями и той исторической наукой, которая появилась в новое время?

Историческая наука нового времени сформировалась прежде всего на основе научного метода исследования. В исторические описания без критического анализа вносились прежде всего предания старины. Затем в них в какой-то последовательности излагалось и то, что историк слышал от других, и то, что он непосредственно наблюдал. Историческая же наука требовала отбора исторического материала по определенным показателям. Историки нового времени использовали самые различные исторические материалы — предания, легенды, пословицы и поговорки, летописи, биографии, мемуары и т. п., — но только после тщательной научной проверки их. Затем требовалось четкое определение объекта исторической науки. Мы уже отмечали, что в прежние исторические описания включались материалы, дающие сведения по географии и этнологии. Историческая же наука нового времени, если и включала в историю подобные элементы, то уже не в качестве естествознания. Конечно, историческая наука может использовать материал и других наук, но уже в виде вспомогательного материала, точно так же как она должна сохранять связи со смежными науками. Но чтобы стать самостоятельной, историческая наука должна приобрести свои специфические особенности, сохраняя при этом общие черты с другими науками. Особенность ее заключается, в частности, в том, что она имеет дело с фактами как событиями минувшими и по-

¹ «Ши Цзи» — первое систематизированное изложение истории Китая за период с древнейших времен до конца II века до н. э. Автор «Ши Цзи» — Сыма Цянь (145—86 гг. до н. э.). (Здесь и далее примечания переводчика оговариваются специально. — *Прим. перев.*)

² «Кодзики» — свод мифов и сказаний, составленный в 712 г.; «Нихонги» — сборник древних японских хроник, составленный в 720 г.; оба они были использованы реакционной японской историографией в своих интересах. — *Прим. перев.*

тому не обладающими такой бесспорной определенностью, какой обладают объекты других наук. Объект исторической науки — это единичный факт, который не может повториться дважды в одном и том же виде. Даже в том случае, когда кажется, что повторилось снова то же самое, но если это повторение происходит в другое время, в другом месте и совершается другим субъектом (человеком), то его никак нельзя признать как повторение прежнего факта.

Мы пока оставим вопрос о всеобщих законах истории, поскольку их выявление не составляет непосредственной задачи исторической науки, и к тому же он подробно будет изложен в специальной главе настоящей работы, но здесь необходимо заметить следующее. Если среди естествоиспытателей обычно не бывает таких людей, которые бы целиком отвергали наличие законов в природе, то среди историков подобных людей, не признающих существования законов истории, можно встретить довольно часто.

Итак, самая характерная черта, отличающая историческую науку от остальных наук, — это описание индивидуального события, происшедшего только один раз. В прежних исторических описаниях считалось вполне достаточным, если давалось живое описание нравов и обычаев и приводились культурные и географические сведения о различных человеческих обществах. Но в исторической науке отбирается тот исторический факт, который имеет определенную ценность, причем отобранные факты излагаются в каком-то единстве, подчиненные определенным связям. Каждый отдельный факт в истории имеет связи со всеми другими индивидуальными фактами внутри каждого общества, каждой эпохи взятой в целом. Особенность исторической науки нового времени и ее отличие от простого исторического описания состоит именно в том, что она поставила вопрос об улавливании индивидуальных фактов в их связях внутри данного общества, данной эпохи. Таким образом, историческая наука приобретает всемирно-исторический характер, ибо всякая попытка описать только одну страну, одну нацию, одну личность в отрыве от общественных отношений данной эпохи не может привести к воссозданию живой истории ни страны, ни нации, ни личности.

Следовательно, и в исторической науке, поскольку она

является одной из наук, также необходимо уловить в единстве многообразное содержание, однако при этом выводы из одного и того же исторического материала могут быть самые различные. Это зависит от того, какой методологией в определении единства руководствуется данный историк, тем более что единство в исторической науке отличается от единства не только в естественных, но и в остальных общественных науках.

Во всех науках единство познания опирается на единство всеобщей закономерности; единство же познания в исторической науке представляет собой единство во взаимосвязи индивидуальных фактов. Другими словами, вместо единства на основе абстрактной общности здесь имеется единство конкретной общности. Говоря словами Гегеля, это — единство познания того, что имеет структуру конкретной всеобщности. Вот почему исторические факты в качестве определенных событий являются не только индивидуальными фактами, случившимися один раз, но и их связи внутри целого познаются также как индивидуальные, не повторяющиеся.

Именно в этом смысле для историков нового времени очень важное историческое значение приобретает понятие «эпоха». Ибо улавливание конкретной или индивидуальной всеобщности и есть то единство в познании исторической науки, которое как раз и приводит к улавливанию индивидуальных исторических фактов внутри целостности эпохи.

Само собой разумеется, что содержание исторической действительности, крайне сложное и многообразное, всегда хаотично; навстречу основному течению постоянно возникает много других течений, и очень трудно бывает определить, какое из них правильно. Причем это определение становится все труднее по мере приближения к нашему настоящему времени. Поэтому современную историю писать нелегко. Если же взять более отдаленные эпохи, то в каждой из них выявляется свой стиль или направление, пронизывающее собой в качестве единства все многообразие и представляющее ту определенную тенденцию, которую и называют духом времени. И если историк занимается чрезвычайно подробным описанием индивидуальных фактов, но не улавливает тенденцию эпохи, объединяющую эти факты в качестве глубинного течения, он не только и не просто

банальный историк, но и вообще не достоин звания историка. Подлинная история — отнюдь не бесстрастное перечисление разрозненных фактов.

Однако самая трудная проблема для исторической науки нового времени возникла в виде проблемы «взгляда на историю». Независимо от того, признает историк тот или иной взгляд на историю или отвергает его, но, поскольку он исследует исторические факты, взгляд на историю в той или иной форме служит предпосылкой его исследовательской работы. В самом деле, если историк попытается охватить все факты прошлого, он окажется перед бесчисленным множеством их. Так, для восстановления в памяти какого-либо одного минувшего дня из жизни того или иного человека потребуется по меньшей мере тоже один день. Но если попытаться изложить во всех подробностях события дня, касающиеся миллионов и сотен миллионов людей, то для этого не хватило бы усилий даже всей жизни ученого-историка.

Таким образом, историк вынужден постоянно знакомиться с бесчисленным множеством исторических материалов, с тем чтобы отбирать из них наиболее важное и отбрасывать то, что не представляет ценности (возможно, Бернгейм имел именно это в виду, когда давал определение истории как науки ценностных отношений). Вот здесь и возникает крайняя необходимость в каком-то критерии, помогающем отбирать наиболее ценное. Некоторые историки выставляют такой, например, критерий, как «большая сила влияния в истории». Но подобному критерию самому требуется какое-то мерило, чтобы определить величину «силы влияния». Даже в понимании самой силы влияния на историю существует коренное различие между теми, кто считает, что историю творят немногочисленные герои, гении и вообще великие личности, и теми, кто основой истории признает народные массы, безымянно и безмолвно занятые непрерывным трудом. Есть и такие люди, которые силой, определяющей начало, считают всевозможные духовные, идеальные начала, такие, как религия, мораль, философия, идеи. Против них выступают те, кто основой истории признает материальное, жизненное начало, именуемое «экономическими, производительными силами». Все это приводит к резким расхождениям при изложении одних и тех же исторических данных. Среди историков встречаются и

такие, которые утверждают, что у них нет своих личных мнений и они целиком принимают ортодоксальные положения, изложенные в имеющихся исторических документах; но такие историки в действительности лишь слепо поддерживают официальный взгляд на историю, проповедуемый господствующей властью, и ни в коем случае не могут быть творческими, самостоятельными исследователями.

Как же формируется взгляд на историю и каким характером он обладает? Если бы взгляд на историю представлял собой всего лишь нечто субъективное, зависящее только от историка, объективность исторической науки с самого начала была бы невозможна, ибо взгляды на историю у разных историков и у разных исторических школ столь многообразны, что создание какой-то единой системы исторической науки было бы просто невымыслимо.

Чтобы выяснить данный вопрос, необходимо разобраться в сущности такого понятия, как «историческое настоящее», а также в том, почему история всегда пишется с позиции этого исторического настоящего. Наше настоящее всегда имеет за собой отличающееся от него прошлое, отличную от прошлого историческую, социальную среду и в то же время поставлено перед практическими задачами каждой данной эпохи, каждой данной нации. Именно требование этих закономерных практических задач и становится той движущей силой, которая дает направление исследованиям как в области естественных, так и в области общественных наук, куда входит и историческая наука. Короче говоря, наше настоящее дает направление всему научному познанию вообще. Вот почему заверения относительно бескорыстной «беспристрастности» никак не могут означать, что исследование исторического материала производится якобы какими-то надисторическими, сверхчеловеческими существами. Тот или иной взгляд на историю всегда тесно связан с практическими требованиями в разрешении исторических задач определенной эпохи, определенной нации. Так, в Европе средних веков принимается христианский взгляд на историю, в новое время порождается консервативный, идеалистический взгляд (Гегель, Ранке). Здесь основой исторического исследования является осознание практической позиции настоящего вре-

мени. Однако полное совпадение взгляда на историю со строгой научной объективностью стало возможным только при материалистическом взгляде на историю, а такой взгляд мог появиться и появиться лишь как мировоззрение последовательно революционного класса. Чтобы выяснить связь между различными взглядами на историю и объективностью исторической науки, необходимо сначала хотя бы в общих чертах познакомиться с прошлыми взглядами на историю и их эволюцией.

§ 3. Проблема взгляда на историю

Каждый историк так или иначе выражает свой личный взгляд на историю. Можно даже сказать, что существует столько взглядов на нее, сколько имеется историков. Но, разумеется, никто не станет заниматься изучением взглядов каждого историка в отдельности; достаточно и того, если мы познакомимся хотя бы с наиболее типичными из них.

1. Прагматический взгляд на историю

Самым древним взглядом на историю, сохранившим какое-то свое значение и по настоящее время, является, пожалуй, прагматический. Истоки этого взгляда можно обнаружить еще у Фукидида. Если Геродот указывал, что свою историю он писал для того, «чтобы от времени не изгладилась из нашей памяти деяния людей»¹, но не разъяснял при этом, для чего необходимо сохранение прошлых событий в памяти человечества, то исторические описания Фукидида, поскольку они обладали практическим, политическим содержанием, с самого начала сознательно составлялись так, чтобы служить поучением на будущее. «Быть может, изложение мое, чуждое басен, покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о минувшем, могущем, по свойству человеческой природы, повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде.

¹ Геродот, История в девяти книгах, т. I, стр. 1.

Мой труд рассчитан не столько на то, чтобы послужить предметом словесного состязания в данный момент, сколько на то, чтобы быть достоянием навеки»¹. Здесь в крайне наивной форме выражена основная идея прагматического взгляда на историю. По мнению Бернгейма, подобный же взгляд был у Полибия. Нам думается, что в новое время этого же взгляда придерживался и Вольтер².

Практиковать подобный взгляд на историю в его неизменном виде в наше время было бы просто наивностью. Поэтому современный прагматизм пытается преподнести историю так, чтобы из нее вытекали нравственные поучения; но история, которая целью исторического познания ставит моральные требования, таит в себе опасность потерять сущность истории как таковой, точно так же как искусство теряет свое значение искусства, если его используют в качестве лишь морального воздействия, где добро торжествует, а зло несет должное наказание. В основе такого взгляда на историю неизбежно лежит трактовка, согласно которой история представляет собой повторение одних и тех же событий. Однако это еще большой вопрос — применим ли такой взгляд к реальному историческому миру. Ясно лишь одно, что при строго научном исследовании исторического материала сразу обнаруживается несостоятельность такого под-

¹ Фукидид, История, т. I, М., 1915, стр. 16.

² В одном из своих произведений, в «Философии истории» (1765), Вольтер писал, что польза исторического знания заключается в том, что политики и народы одних стран получают возможность сравнить обычаи и законы своей страны с обычаями и законами других стран и что это сравнение стимулирует дух соревнования всех народов нового времени как в области искусств, так и в сельскохозяйственной и торгово-промышленной практике. Всевозможные факты прошлого, указывал он, играют большую роль для самых различных людей. [В противовес историкам предшествующего периода, занимавшимся по преимуществу политической и военной историей, то есть тем, что более всего интересовало высшие классы феодального общества, Вольтер стремился дать историю цивилизации в фактах экономического и идеологического порядка. Во «всемирной истории» довольтеровского периода преобладала историческая схема, связанная с господствующей религиозной идеологией. Стремясь подорвать влияние этой традиции, Вольтер искал цивилизации более древние, чем цивилизация небольшого народа, создавшего Священное писание.

хода. История является такой наукой, объектом исследования которой служат единичные, индивидуальные факты, имеющие в своей основе различия, определяемые эпохой, нацией, личностью и поэтому никогда не повторяющиеся дважды. Вот почему метод прагматизма находится в неразрешимых противоречиях с подлинно историческими исследованиями. Гегель также критиковал этот взгляд на историю. Он писал в «Философии истории»: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния»¹.

Но означает ли это, что подобный взгляд на историю потерял для нас сегодня всякое значение? Думаю, нет. В своей примитивной форме он, конечно, не применим теперь в исторической науке, но ведь история, по существу, пишется с позиций исторического настоящего времени, к тому же это время является *практическим* настоящим временем, обремененным определенными историческими задачами. Историческая наука как таковая, как бы ни была она запята исследованием скрытой объективной истины, как бы ни была удалена от непосредственной практики, в конечном счете связана с практическими задачами, вытекающими из наших жизненных потребностей. Историческая проблематика, выдвигаемая историками той или иной эпохи, той или иной нации, выдвигается отнюдь не по их личному вкусу. Историческое исследование не является ни субъективной прихотью, ни развлекательным занятием. Независимо от того, в какой степени сами историки сознают этот факт, для них постоянно должен звучать голос истории, выражающий закономерные требования эпохи и задачи нации. Исследование ученого, который не прислушивается к этому голосу, как бы хорошо оно ни было раскрыто по содержанию, как бы тщательно ни было разработано

¹ Гегель, Соч., 1935, т. VIII, стр. 7—8.

с применением самого строгого метода, в конечном итоге неизбежно предается забвению как бесполезное и бессмысленное, схоластическое изыскание. В основе исторической науки заложена связь, нацеленная на жизненно важную практику, связь, которая стоит выше просто «практического использования». И прагматический взгляд на историю, и поучительная история должны быть не просто отброшены, а, по выражению Гегеля, *диалектически преодолены*, то есть должны получить свое дальнейшее развитие через глубокую, последовательную разработку. Конечно, минувшая история не может повториться дважды в одной и той же форме, но это еще не означает, что в глубине неповторимых фактов не лежат повторяющиеся законы. Наука, лишенная всякого практического значения для нашей жизни, не имеет будущности и обречена на забвение. Историческая же наука в течение вот уже нескольких тысяч лет — со времени Геродота — продолжает развиваться, и основой этого развития является бесконечно расширяющееся значение, которое в каком-то смысле служит нашей национальной и социальной практике.

2. Религиозный взгляд на историю

Наиболее ранним представителем религиозного взгляда на историю является, несомненно, Августин Блаженный (354—430 гг.). Его сочинение «О граде божьем»¹ считается первым в мире произведением по философии истории, а сила влияния его взгляда на историю по широте охвата и по глубине воздействия была, можно сказать, просто поразительной.

Цель этого многотомного произведения состояла в распространении христианства среди тех, кто считал, что ограбление Рима варварами явилось следствием непочтительного отношения римлян к своим богам. Точнее, она состояла в том, чтобы распространить христианскую религию на весь мир. Все его произведение построено на противопоставлении двух противоположных царств: греш-

¹ Augustinus Augustinus, De civitate Dei (см. русск. перев.: «Творения Блаженного Августина», изд. 2, ч. 1—7, Киев, 1904—1912).

ного — божественному, «града божьего» — «граду сатаны», «небесного царства» — «земному государству». Указанная противоположность в конечном счете разрешается тем, что волей бога и на этой земле должен полностью водвориться «град божий» в виде господства католической церкви. С этой позиции Августин и рисует величественный образ всемирной истории, где уничтожаются реальные истории всех наций и государств. «История человечества», начинающаяся у него с творчества бога, состоит из шести периодов:

I. Младенческий период	— от создания человека до Ноева потоп;
II. Отроческий	» — от потоп до Авраама;
III. Юношеский	» — до царя Давида;
IV. Зрелый	» — до изгнания из Вавилона;
V. Пожилой	» — до Христа;
VI. Старческий	» — с рождения Христа.

Таким образом, Августин Блаженный как человек, находившийся в «старческом периоде» человечества и предчувствовавший «конец» мира, когда придет последний, «судный» день, хорошо знал, что следует делать. Влияние, которым пользовалась его идея в понимании истории у средневековых христиан, было огромным. Наиболее ревностными последователями Августина можно назвать немецкого хрониста, теолога и философа Оттона Фрейзингенского (1114—1158), который выпустил книгу «Хроника истории двух стран»¹, написанную в 1143—1146 г.г., и французского идеолога абсолютизма епископа Ж. Б. Боссюэ (1627—1704), выпустившего в 1681 г. «Рассуждение о всеобщей истории»². В этих книгах все народы и все государства рассматриваются как средство для осуществления божьей воли; другими словами, история непосредственно направлялась богом.

Наши человеческие поступки вовсе не являются действиями самого человека, а определяются той тенденцией, которая содержится во времени в целом, непрерывно про-

¹ Otto von Freising, Chronica sive Historia de duabus civitatibus, Brl., 1960.

² Jacques Bénigne Bossuet, Discours sur l'histoire universelle, Paris, 1803.

низывающем всю историю человечества. Согласно такому пониманию, человечество как нечто целое через непрерывность длительного исторического процесса осуществляет predetermined ему путь. Причем осуществление это происходит благодаря абсолюту, который стоит выше ограниченного и относительного человеческого сознания. История человечества — это не просто история человека. Цель истории predetermined не человеком, а богом. Короче, основная догма христианской философии истории утверждает, что без бога не могло быть и истории человечества¹.

Но подобное понимание истории отнюдь не ограничивается рамками средневековья. Оно сохраняет свои глубокие корни и после XVIII века в философии истории нового времени. Такие тенденции в большей или меньшей степени проявляются в произведениях И. Г. Гердера «Идеи о философии истории человечества» (1784—1791), Ж. А. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1795), Гегеля «Лекции по философии всемирной истории» (1822—1834) и, наконец, в появившейся уже после второй мировой войны книге К. Ясперса «Происхождение и цель истории» (1949).

Если бы подобный религиозный взгляд на историю был господствующей идеей только средневековых приверженцев христианской религии, у нас не было бы сейчас никакой необходимости в критическом исследовании данной идеи. Однако этот взгляд и теперь еще постоянно появляется на арене, причем каждый раз в новой, измененной форме, поэтому, как совершенно ясно, нельзя недооценивать тот вред, который он наносит прогрессу исторической науки.

Типичным представителем такого взгляда в новое время является немецкий историк Леопольд Ранке (1795—1886), пользующийся особенно большим влиянием среди тех историков, которые и до сих пор придерживаются идеалистического понимания истории². Сам Ранке был

¹ См.: Уэхара Сэнроку, Новое формирование облика всемирной истории (на японском языке).

² К этому идеологу правящих классов Германии XIX века живой интерес проявляют и современные идеологи империализма, особенно в Западной Германии, США и, видимо, в Японии, поскольку автор настоящего труда уделяет его критике так много внимания.— *Прим. перев.*

крайним позитивистом и с этой позиции противостоял Гегелю, пытавшемуся рассматривать исторические факты, держа при себе с самого начала трансцендентальную идею. Однако Ранке не сумел отбросить тот принцип, по которому в основу истории интуитивно вкладывается нечто универсальное. К тому же для него это «универсальное» было не чем иным, как божественным откровением в истории, причем изучение истории, по Ранке, есть не что иное, как следование за богом в истории. Он утверждал, что в истории всюду находится бог, живет бог, познается бог и что каждый поступок доказывает наличие бога, каждое мгновение провозглашает имя бога; бог улавливается в каждой букве Священного писания.

Таким образом, Ранке раскрывает историю не через посредство разума или трансцендентальной идеи, как делают философы, а скорее избирает для этого противоположный путь: из исторического факта выводит идею и на этой основе стремится к сближению с богом. Но это различие отнюдь не принципиальное, так же как и религиозность пришла к нему не через историю. Как видно из его биографии, Ранке задолго до того, как начал заниматься историей, был уже глубоко религиозным человеком.

Религиозный взгляд на историю приукрашивает и мифифицирует действительность при помощи потусторонних идей. Так, в одной из своих книг, в «Истории Англии», Ранке писал: «Я хотел бы, если это возможно, совсем вычеркнуть самого себя и излагать только факты»¹. Эту же мысль он продолжает и в другой книге — «Об эпохах новой истории»: «Каждая эпоха стоит в непосредственном отношении к богу, и ее ценность основана вовсе не на том, что из нее выйдет, а на ее существовании, на ее собственном «я»². Человек связывается с вечностью не через революционную деятельность, направленную на отрицание существующей действительности и изменение будущности; в основе самой этой действительности находится дыхание бога... Нетрудно заметить, что все эти утверждения носят консервативный характер.

В своей «теории эпох», созданной в интересах короля

¹ L. Ranke, Englische Geschichte, S. W. 15, S. 103.

² L. Ranke, Über die Epochen der neueren Geschichte, S. 17.

Баварии Максимилиана II, Ранке подчеркивал далее, что «вопрос о суверенитете народа или монарха решается не наукой, а следованием ходу исторического процесса на основе решений политической партии»¹. Строго придерживаясь такого взгляда, он и в «Политическом разговоре» прямо заявляет: «...дух государства... есть дыхание бога и в то же время импульс человека»². Из всего этого хорошо видно, что позитивизм Ранке вполне эквивалентен духу мистицизма.

Это направление получило в Японии глубокое отражение как в философии Нисида Китаро, так, особенно, и в символизме его преемника и последователя Косака Маасаки. Но еще яснее консерватизм религиозного взгляда на историю, связанного с влиянием Ранке, проявился в утверждении Танабэ Хадзимэ о том, что война Японии против Китая (1937) была проявлением божьей воли. Сегодня уже всем стало ясно, что религиозная теория государства, которая до последнего времени насаждалась в Японии и трактовала эту страну как страну божественного происхождения с культом императора, совершенно несостоятельна. Эта теория, рассматривающая бога как основу истории, не может быть методом научного познания; она опирается не на наблюдение и опыт, а на метафизическую и мистическую интуицию, которая стоит выше опыта. Господствующие классы каждой эпохи, постоянно опираясь на эту метафизическую интуицию, утверждают действительность их классового общества, вечный характер их господства. Поэтому историки, придерживающиеся подобных взглядов, отражают идеологию господствующих классов независимо от того, сознательно они это делают или нет. Такие историки в лучшем случае весьма далеки от реальной жизни народных масс и от той практики, которая представляет собой осуществление дум и чаяний этих масс.

3. Просветительский и идеалистический взгляд на историю

Обычно эпоху просвещения не принято считать исторической. Но не следует забывать и того, что именно

¹ Там же.

² L. R a n k e, Politisches Gespräch.

в ту эпоху история впервые была осознана как нечто создаваемое человеком. Это явилось естественным отражением того факта, что горожане нового времени начали создавать историю своими руками. Подобную идею можно найти уже у Вико (1668—1744), но свое ясное выражение она получает у Вольтера (1694—1778). Критикуя последователя Августина — Боссюэ, Вольтер решительно настаивал на том, что всемирную историю направляет не вера, а разум. Однако то, что он назвал «разумом», было скорее не историческим, а надисторическим разумом. Новое и более прогрессивное направление связано с именем Гердера (1744—1803).

По Гердеру, история глубоко связана с природой и является ее продолжением и развитием. Историческую природу он видел в жизни нации, связанной с землей, в жизни первобытного человека. Наша история развивается как росток этой первобытной природы, другими словами — как растение. Гердер говорил, что форма органической ткани создавалась постепенно, начиная от камня, после которого идет следующая ступень — кристалл, далее — металл, затем — растения, от них — переход к животным и, наконец, — к человеку. Вместе с тем Гердер обращал внимание на то, что все эти стимулы и импульсы, созданные отнюдь не богом, становясь все более многообразными, в конечном счете сливаются в таком явлении, как человек, поскольку оно может охватить собой все это многообразие¹.

Таким образом, Гердер пытался представить дух человека по аналогии с природой. В той же книге он пишет, что, подобно тому, как тело растет благодаря пище, так и дух укрепляется благодаря идеям. Более того, он утверждает, что дух развивается по тем же законам, что и природа.

Здесь уже ясно обнаруживаются ростки материалистических идей. Тем не менее Гердер остается идеалистом, а его философия истории носит даже метафизический характер. Можно сказать во всяком случае, что в этой философии обнаружились такие идеи, которые подвергались соответствующей критике со стороны Канта. Из произведений Канта по истории следует назвать

¹ См.: И. Г. Гердер, Идеи о философии истории человечества, Избр. соч., М. — Л., 1959.

прежде всего «Идею всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) и «Предполагаемое начало истории человечества» (1786). Но примечательно, что в 1785 году им была написана еще одна книга — «Основы метафизики нравственности», уже в плане практической философии. Обычно говорят, что, по Канту, история непознаваема. И это, несомненно, так, однако у него анализ логической структуры практики занимает господствующее положение именно в связи с историческим временем. В этом вопросе он, можно сказать, также был наследником просветительства. Как бы то ни было, Кант знал, что историю нельзя рассматривать, подобно Гердеру, логически, как объект просто непрерывного развития природы. Между человеком и природой имеется разрыв, который ничем нельзя восполнить. История человека формируется на основе не простого роста, подобно росту растения, а в процессе творческого созидания. Таким образом, история для него является не историей природы, а историей *свободы*. Следовательно, она начинается с практической борьбы со злом, с борьбы двух противоположных начал — объективного и субъективного, тенденциозного и разумного, что присуще не миру природы, а миру человека. Для Канта мир истории есть прежде всего мир этики. Кроме того, внеисторический, абстрактный характер его философии проявляется в его стремлении «обосновать» этот мир этики не исторической или диалектической связью развития, а априорно-логически, по формуле: «Как сделать возможным категорический императив долга?» Можно сказать, что общей тенденцией немецкой идеалистической философии с некоторыми вариациями была тенденция давать в истории предпочтение скорее логике всеобщего закономерного разума, чем практическим, очевидным фактам действительности, придавать большее значение априорным понятиям, чем опытным доказательствам. Особенно это относится к Фихте, который воспринимал историю априорно и вследствие этого считал, что нет необходимости рассматривать реальную историю. Шеллинг несколько отличался от своего предшественника тем, что признавал существование произвольной случайности в истории. Однако эта случайность у него имела историческое значение лишь постольку, поскольку следовала некоей необходимости. Подобно Гер-

дери, он полагал, что и природа имеет историю, но эта история состоит не в том, что явления природы следуют необходимой закономерности и могут быть предусмотрены априорно, а в том, что эти явления скорее отклоняются от прямого пути и в конечном счете, через опосредование безграничных случайностей, приближаются к какому-то идеалу. То, что улавливается в качестве истории природы, происходит в том случае, когда природу рассматривают не как результат, а как возможность, в которой признаются своего рода субъективность и произвольность. Поэтому в истории априорные предопределения невозможны. Шеллинг в своем известном произведении «Система трансцендентального идеализма» писал: «Человек лишь потому входит в историю, что ничто из его будущих поступков не может быть учтено заранее на основании той или иной теории. В силу этого в истории властвует произвол»¹. Только произвольные, свободные действия отдельных индивидов в связи с действиями человечества в целом оказываются в таком положении, что отпадает неизбежность господства свободы отдельной личности и выступает определенное роде необходимость в определенном направлении. Здесь Шеллинг как идеалист непосредственно примыкает к религиозному взгляду на историю. История разворачивается, следуя процессу, который не может быть предвиден при помощи свободной, своевольной деятельности отдельных индивидов; к тому же, утверждает он, «история в качестве целого представляется непрерывным и постепенно осуществляющимся откровением абсолюта»².

Эта идея в неизменном виде наследуется Гегелем. Но Гегель более последовательный рационалист, чем Шеллинг. Он осуществил глубокую разработку диалектики как метода философии и на этой основе рационализировал философию до конца, чего не могли сделать его предшественники. Он говорил, что «все действительное разумно; все разумное действительно». Человек — мыслящее животное; всякое изучение истории предполагает мышление и включает его в себя. Когда мы имеем дело с историей, у нас должны быть априорные идеи рационального

¹ Шеллинг, Система трансцендентального идеализма, Л., 1936, стр. 338.

² Там же, стр. 356.

мышления, чтобы априорно конструировать историю в качестве единого материала. Ибо всемирная история и есть самопроявление «мирового духа». Величие содержания всемирной истории — в его рациональности. Во всемирной истории безраздельно господствует божественная воля. Причем познание этой воли совершается не с помощью глаз и не благодаря опыту, а с помощью понятий, взором разума, проникающего сквозь внешнюю оболочку вещей, пронизывающего все сложные и запутанные события.

Таким образом, основное положение Гегеля заключается в том, что разум господствует в мире и во всемирной истории. При этом над всеми событиями мира осуществляется единый контроль в лице того, кто в религии именуется богом. Мир вовсе не предоставлен внешним, случайным причинным связям. Божественный контроль является обладающим безграничной силой разумом, который осуществляет самоцель, то есть конечную цель абсолютного разума мира. А раз так, то бог, когда он познается человеком, открывается ему, по существу, как мыслитель. Что же такое в этой связи венец истории? По Гегелю, это идея свободы человека. «Как субстанцией материи является тяжесть, — говорит он в «Философии истории», — так, мы должны сказать, субстанцией, существом духа, является свобода... все свойства духа существуют лишь благодаря свободе... все они являются лишь средствами для свободы, все только ее ищут и порождают... Субстанция материи находится вне ее, дух есть *у себя бытие*... я свободен тогда, когда я есть у самого себя»¹. Но подобная свобода отнюдь не является каким-то просто неподвижным существованием. Сущность духа — в его деятельности. Он постоянно прилагает усилия к самосовершенствованию. Эти усилия в реальной действительности обнаруживаются в непрерывном отрицании того, что угрожает свободе. Таким образом, делом духа оказывается порождение свободы, являющейся субстанцией самой себя, превращение самого себя в субстанцию и познание самого себя.

Итак, можно сказать, что всемирная история и есть не что иное, как проявление духа, который, совершенст-

¹ Гегель, Соч., т. VIII, стр. 17.

вуясь, пытается познать самого себя в качестве субстанции. Люди Востока, например, так и не узнали, что человек сам по себе свободен, а знали лишь одно, что свободен только один-единственный человек — монарх. Сознание свободы впервые появилось в Древней Греции. Но, как и в Риме, там ограничились свободой лишь небольшого числа людей. И сознание того, что человек в христианстве свободен сам по себе, впервые сложилось у германских народов. Процесс сознания свободы имеет всемирно-историческое значение. Всемирная история есть *прогресс в сознании свободы*, и понять этот прогресс в его необходимом развитии — задача философского изучения истории.

Однако ни отдельные индивиды, ни нации в целом, которые трудятся в реальном историческом мире, отнюдь не сознают этот божественный контроль и смысл всемирной истории. Они действуют, исходя из своих субъективных желаний и интересов, работают в целях удовлетворения этих желаний. К тому же цель самой всемирной истории осуществляется через опосредование их разнообразной деятельности ради удовлетворения многообразных потребностей.

Итак, способ жизни как отдельных индивидов, так и различных наций, с одной стороны, направлен на удовлетворение реальных потребностей их самих, а с другой — становится средством и орудием более высокого назначения (свободы), которого они не сознают и следуют ему бессознательно. Это и есть процесс реальной действительности, управляющийся мировым духом. Специфическим в прогрессе реальной действительности является то, что здесь существует ожесточенная борьба в погоне за удовлетворением личных интересов. Здесь происходит борьба и падение конечных вещей. Повсюду втоптывается в землю множество невинных полевых цветов, немало гибнет их и на дорогах. Всемирная история на первый взгляд полна преступлений и зла. И тем не менее идея из-за этого, как нечто целое, не нарушается, а проявляется через взаимную борьбу и единство отдельных лиц. Гегель назвал это «хитростью мирового разума». Прогресс сознания свободы во всемирной истории, таким образом, осуществляет самое себя через опосредование бесчисленных отрицаний.

Такой взгляд Гегеля на историю, с одной стороны,

включает в себя прогрессивную мысль, а с другой — в целом становится консервативной идеалистической системой, поддерживающей существующую действительность. Правильное здесь в том, что Гегель рассматривал историю как диалектический процесс прогресса, развития, как прогресс в сознании свободы. Однако он полагал, что свобода человека была осуществлена в этом смысле уже в его эпоху, в государстве германской нации; затем он утверждал, что история диалектически развивается не через практическую деятельность производственного труда народных масс, а с необходимостью следует по пути, построенному априори (его «хитрость мирового разума» как раз и пронизана контролем бога). Все это и уводит Гегеля во взгляде на историю в сторону от реалистического духа и превращают его в идеолога и защитника существовавшего социального строя. То развитие истории к свободе, о котором говорил Гегель, вовсе не осуществляется как развитие логики столь прекрасной идеи, а порождается в процессе ожесточенной борьбы, в центре которой стоят экономические и политические интересы. Рационалистический и идеалистический взгляд на историю гражданского общества нового времени включал, таким образом, наряду с прогрессивными положениями также и реакционные идеи. Затем, по мере того как капитализм подходил к последней стадии своего развития, прогрессивные стороны этого взгляда постепенно начали тускнеть и сходить на нет, а реакционные — непомерно усиливаться. Таким образом, прогрессивный взгляд на историю вновь возникает уже не из среды сторонников господствующих классов, а из идей передового класса, находящегося под гнетом капитализма.

§ 4. Проблема взгляда на историю (продолжение)

4. Историзм

Термин «историзм» возник в конце прошлого века, но историческое значение он приобрел только после первой мировой войны. Оказавшись перед лицом кризиса, потрясшего послевоенную Европу, люди впервые серьезно задумались над тем, что же такое история, а следовательно, и что такое историзм.

Историческая наука прошлого не удовлетворялась только улавливанием различных исторических фактов в их взаимосвязи, а имела тенденцию находить историческое значение всех явлений на основе и в связи с чем-то надысторическим, вечным, абсолютным. И самым подходящим для этой цели оказался кантовский априорный логический критицизм, согласно которому нужно было становиться на позиции универсальности и всеобщности, вплоть до игнорирования значения отдельных исторических явлений во времени. Выразители рационализма, который восходит к идеям просвещения нового времени, поддерживали в большей или меньшей степени именно такую тенденцию, не обращая внимания на то, что история приносилась тем самым в жертву метафизике.

Гегель с диалектических позиций стремился к согласованию логического и исторического, всеобщего и особенного, трансцендентного и временного, и на этой основе создал новую систему истории философии; однако, представляя собой вершину немецкой классической философии, он как наследник Канта не сумел избежать подобной тенденции мистификации. Не сумел он отбросить и тот взгляд, согласно которому историю объясняли на основе надысторических понятий.

Тем не менее наша историческая действительность последнего времени набирает в своем развитии такие невиданные темпы, такую быстроту движения, что отбрасываются в сторону всякие априорные построения. В истории, как известно, и движение, и прогресс, и подъем, и падение — все это отнюдь не такие простые явления, которые легко можно выяснить на основе внеисторических, априорных принципов. Их необходимо глубоко изучать в самом процессе исторического развития.

Так впервые возникает новая тенденция в изучении истории, получившая название *историзма*, согласно которому все исторические явления следует рассматривать с точки зрения фактов и событий. Эта тенденция таила в себе столь много качественно нового, что не могла не породить множество направлений. Сфера ее влияния оказалась настолько широкой, что, без преувеличения можно сказать, под ее воздействием в том или ином отношении оказались почти все современные историки. По силе своего влияния историзм равен позитивизму, о котором речь пойдет ниже. Безусловно, как историзм, так и позити-

визм содержат в себе такие истины, которые нельзя не признать, но в то же время обе эти исторические школы поражены неразрешимыми противоречиями. Рассмотрим теперь историзм, его характерные черты и его ограниченность более подробно.

Прежде всего следует сказать, что историзм ставит своей целью исследование истории не для разрешения каких-то практических задач, а просто как изучение истории для истории, ибо как наука история не должна искажаться ни в интересах политики и экономики, ни в интересах нравственных поучений. Только в стороне от подобных интересов реальной действительности, говорят выразители тенденции историзма, история может обрести подлинную научную объективность. Нетрудно заметить, что теория познания историзма занимает пассивную позицию к окружающей действительности и потому не является активной и творческой, направленной на практическое изменение действительности. Думается, что подобная позиция означает скорее отрицание объективности науки. Таким образом, историческая наука «чистого познания» образца Ранке требует лишь знания того, «как это произошло» по принципу «главенства познания», и поэтому представляет собой не что иное, как самоцель, абсолютизирующую самое себя.

Вот почему историзм как историческая наука «чистого познания» нередко критикуется за отсутствие в нем интереса к насущным, актуальным задачам. Когда говорят «история для истории», это имеет тот смысл, что история не должна искажаться в интересах современной действительности, а должна быть «строгой наукой», основанной исключительно на научном методе; однако можно сказать, что если такой науке свойственно предавать забвению нашу творческую реальную действительность, являющуюся историческим настоящим, и если она обладает тенденцией просто и только «для прошлого», то тем самым она обнаруживает свою ограниченность, как наука «чистого познания». Ведь история пишется не в мире вакуума, а всегда с позиций исторического настоящего. Сколько бы ни утверждали, что история пишется для истории, это не означает, что ее пишут с абстрактных, внечеловеческих позиций, лишенных всякого интереса относительно будущего, а историки, будучи реальными, историческими людьми, несущими на себе задачи своей

эпохи и своей нации, при избрании темы исторической науки якобы не исходят из этих задач. И когда забывают об этом, историческая наука превращается просто в конфуцианское учение.

Во-вторых, историзм все пытается свести к истории. Так, немецкий теолог Э. Трёльч (1865—1923) утверждает, что «познать вещь — значит познать конечную вещь в ее истории». Но, если стать на подобную точку зрения, то следует согласиться, что в реальном мире никогда якобы не было и нет ничего постоянного. Все вещи исторически возникают, изменяются, развиваются и прекращают свое существование. Хотя и улавливается какая-то часть вещи, но сущность ее в целом познать невозможно. Настоящее обусловлено прошлым и связано с будущим. Пожалуй, можно сказать, что историзм является той исторической истиной, которая охотно воспринимается в переходные эпохи или в период уладка старого общественного строя.

Итак, историзм учит, что вещи всегда следует рассматривать прежде всего исторически. Он выступает с критикой метафизического метода мышления, который отрывает настоящее время от связи с прошедшим и будущим временами, закрепляет его, ставит вне времени, цепляется только за логико-аналитическую структуру этой оторванной части и на данной основе пытается улавливать вечную сущность вещей. Критикуя метафизический метод мышления, историзм пытается уловить вещи как нечто формирующееся и изменяющееся во всеобщей связи исторического мира.

Историзм не абсолютизирует все вещи в историческом мире как нечто цельное, законченное в самом себе, а рассматривает их как нечто относительное, связанное с другими, опосредованное другими. Если эта связь изменяется, то соответственно и вещи не могут не изменяться. Поэтому концепция историзма нередко критикуется и как релятивизм. Эта критика имеет две стороны — правильную и неправильную. Наша реальная действительность вообще ограничена и относительна; в отрыве от другого, отдельно, только само по себе никогда ничего не существует. Однако эта связь вовсе не случайна. В ее основе лежит закономерность, не допускающая никакого субъективного своеволия. Формирование и изменение в истории, как бы ни были они подвижны, происходят все

же не произвольно. Здесь необходимо найти определенную объективную тенденцию, которая пронизывает собой все возможные изменения.

По выражению Ранке, в каждой эпохе существует своя определенная тенденция. И именно через посредство этой тенденции, утверждает он, каждая эпоха — древний период и средние века, средние века и новое время — была связана только с богом. В действительности же все эти эпохи имели определенную направленность, которая несколько позднее связала и настоящее с будущим. Хотя и утверждают, что предшествующая эпоха не является подготовительной ступенью для последующей, но тем не менее развитие от средневековья к новому времени осуществлялось отнюдь не случайно и не бессмысленно. Точно так же и в основе перехода от капиталистического общества к социалистическому и от социалистического — к коммунистическому разве не обнаруживается существование исторически необходимой тенденции? Историзм опирается на принцип относительности. Но наше время вступает уже в такую эпоху, которая требует покончить с этой исторической школой. Когда мы рассматриваем историю как «развитие», нам следует изучать нечто такое, что превосходит простой набор случайных изменений и переходов.

В-третьих, историзм выступает против рационалистических понятий и абстрактных законов, считая, что для познания они ничего не дают; и поэтому он исходит из фактов, как они есть, пытаясь уловить индивидуальную, конкретную жизнь прямо, без всякого опосредования, в реальных фактах. Он пытается, не прибегая к умозрительной теории, постигнуть возникающие на практике факты в их единичности и неповторимости. Человек же, руководствующийся философией разума, обладает тем постоянством, которое стоит выше условий времени, различий наций и окружающей среды; однако историзм не ищет подобных абстрактных понятий, он признает множественность фактов вместо теоретического единства и требует конкретных связей индивидуальных фактов вместо выявления всеобщих законов.

Таким образом, у Ранке конкретные факты были абсолютизированы в их единичности; он ограничивался исследованием лишь индивидуальных фактов, которые должны быть не выдуманы, а выявлены, и задачу исто-

рической науки видел в том, чтобы освободить эти факты от идей¹.

Как легко можно было убедиться, историзм весь пропитан духом позитивизма. Поэтому, чтобы до конца выяснить сущность этой концепции, мы и перейдем сейчас к соответствующему разделу.

5. Позитивизм

Можно сказать, что позитивизм является тем философским направлением, которое охватило не только историческую науку, но и все науки нового времени. Задача позитивизма в современной науке заключается не столько в накапливании фактического материала и настаивании на доказательствах, выведенных из реальных фактов, сколько в том, чтобы столкнуть историю на антинаучный путь, лишив ее философии и вообще какого бы то ни было взгляда на историю. Может показаться, что философы и позитивисты занимают совершенно противоположные позиции. Но это далеко не так. Действительно, может ли позитивист стать позитивистом, не обладая каким-либо взглядом на историю и оставаясь скорее безыдейным? Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать при рассмотрении философии уже неоднократно упоминавшегося нами известного историка-позитивиста XIX века Ранке.

Для Ранке история была лишь чем-то, что «необходимо знать» без всяких причинных связей. Она не является «уже известным» для выяснения неизвестного и не служит средством для целенаправленной практики. Его произведение «История романских и германских наций»², написанное в возрасте 28 лет, так и начинается: «Я намерен показать лишь то, что произошло». Следует заметить, что в то время уже была известна позиция «чистого познания», сформулированная как «история для исто-

¹ «Для познания человека как явления, — говорит Ранке в «Истории философии», — существуют два пути: познание отдельного и абстракция. Первое — путь истории, второе — путь философии».

² «Geschichte der romanischen und germanischen Völker», В., 1824.

рии». Сторонники этой позиции, по существу, выступали против просветительского взгляда на историю XVIII века. В то время перед историей стояла задача осудить прошлое как результат ошибок и преступлений и озарить светом разума реальную действительность. Ранке же со своей стороны считал, что это было лишь спутыванием двух позиций — политики и истории, ибо политика есть действие, а история — познание. Политика — творчество, история — сохранение. История сама уже является самоцелью и потому не может быть средством для достижения других целей¹.

Однако мог ли Ранке действительно до конца, как он утверждал, оставаться верным принципам своей исторической науки, оторванной от политики, и противостоять с этой позиции чистого познания всем практическим требованиям? Мог ли он быть от начала до конца чистым позитивистом, лишенным всякой философии, всякого взгляда на историю? Нет, этого не могло быть. Верно, конечно, что задачей всей своей жизни Ранке считал познание мира не при помощи философии, построенной на основе абстрактных понятий, а с помощью фактов; выступая против рационализма Гегеля, он упорно продолжал рассматривать историю через посредство реальных единичных фактов. Но, несмотря на это, он не смог избежать того, чтобы не оказаться приверженцем определенной философии. Всемирная история была для него своего рода храмом бога. Он утверждал, что каждый отдельный факт, в особенности связь фактов, свидетельствует о существовании бога, и история призвана разгадывать эту образную легенду о нем. Для Ранке, который, как «на ладони», улавливал сущность бога в истории, точное знание факта, как такового, воспринималось в то же время и как соприкосновение с богом. Он находил, что здесь появляется откровение бога, возникает объективность, при которой полностью отбрасывается личное мнение в отношении факта. Он не переставал отдавать предпочтение интуиции перед разумом, фактам — перед общим понятием, конкретному — перед абстрактным. И несмотря на все это, в его исторической науке находились как общие

¹ См.: Судзюки Наритака, Ранке и всемирная история (на японском языке).

принципы, так и определенная философия. Можно сказать, что в этом у Ранке много общего с Гегелем, хотя Гегеля он критиковал довольно упорно. Он постоянно утверждал, что история в его изложении дается совершенно беспристрастно, только как описание свершившихся фактов, причем эти факты являлись для него не просто объектом интереса, а подлинным откровением, познанием бога.

А раз так, могло ли быть познание бога в истории единственной целью позитивистских изысканий Ранке на протяжении всей его жизни? На данный вопрос можно ответить только отрицательно. То, что Ранке увидел бога непосредственно в исторических фактах, не случайно, ибо он родился в семье набожного пастора в Тюрингии, родине Мартина Лютера, и все его раннее детство прошло в думах о боге; затем, после окончания колледжа, он — студент богословского факультета Лейпцигского университета, и все его юношеские годы проходят в размышлениях не о политической практике, а о том, как «можно стать хорошим пастором». Мир предстал перед ним в виде отдельных исторических фактов, причем эти факты воспринимались им на основе религиозного мировоззрения. Однако «связь» между богом и историей не доказывается при помощи единичных фактов, как думал Ранке. Эта философия истории была разработана не им, а задолго до него позитивизмом.

Волнения в Европе, возникшие в связи с июльской революцией 1830 года в Париже, оказали сильное воздействие и на Ранке, который в то время совершенствовал свои знания в Италии как доцент Берлинского университета. Он так писал своему другу Генри Риттеру: «Я глубоко потрясен политическими событиями. Я сожалею, что мне приходится вступить в острое противоречие с общепринятым общественным мнением. У великого народа должен быть и великий монарх. Однако жаль, что крикливая болтовня относительно власти делает это невозможным. *Можно ли примириться с тем, чтобы к власти пришли ремесленники и городские массы?*» (Курсив наш. — Я. К.)

Ранке считал своей миссией освобождение фактов от теоретического освещения их. Но его история, писанная им на основе полученных знаний, вошла в ту политическую науку, которая пыталась направлять реальную

действительность. Его основной позицией во время редактирования журнала «Политика и экономика» было следующее: наукой, которая должна выступать против всех теорий, не опирающихся на историю и угрожающих изменить существующую ныне действительность, может быть только историческая наука как наука фактов. Причем среди теорий, против которых была направлена его историческая наука, находилась прежде всего теория о верховной власти народа, которая благодаря революции развивалась очень быстро. Но в таком случае как же расценить его пренебрежительное отношение к подлинно историческим фактам? Если монархическая Германия — один из исторических фактов, то не является ли таким же историческим фактом и голос, требующий власти народа? На известной «теоретической» предпосылке должно базироваться уже хотя бы то положение, согласно которому политика, связанная с господством «ремесленников и городских масс», не приемлема, а также положение, исходя из которого особое значение придается только фактам старого, прошедшего времени. Ранке отнюдь не стал на позиции чистого перечисления фактов, а пытался утверждать через их посредство свою собственную теорию, отвергая при этом те теории, которые были ему противны по духу. В этом смысле и любой позитивист пытается представить себя как якобы не придерживающимся ни теорий, ни идей. Политическая позиция, согласно которой история должна быть независима от теории, придала исторической науке консервативный характер. И это относится не только к Ранке, ибо любой историк, поскольку он реальный, живой человек, не может быть свободен от какого-то определенного взгляда на историю, от определенной философии.

По М. Веберу, наука стремится упорядочить *опытную* реальную действительность и, следовательно, должна быть одинаково убедительной для всех людей. Мирозрение же по существу индивидуально и не может быть одинаковым у всех. Поэтому, если *ценность выводится* исходя из определенной практической позиции, из мирозрения, то введение этой ценности в сферу науки означает не что иное, как отказ от объективности, составляющей сущность науки. Установление ценностей не является задачей науки, это — миссия человека, обладающего волей. Наука может быть использована лишь для

того, чтобы реализовать ценности, выявленные волей, но сама она, будучи системой, независимой от волевой ценности, не изменяется в зависимости от выведения мировоззренческих ценностей.

Однако можно ли считать мировоззрение как с самого начала нечто субъективное, индивидуальное? Не упорядочивает ли наука через мышление опытную, реальную действительность? А разве во время этого упорядочения через мышление не возникает с неизбежностью уже какое-то идеологическое, философское начало? Говорят, историческое описание должно излагать лишь объективные факты, не прибегая к ценностному суждению. Но ведь отбор исторического материала, фактов осуществляется не только по тому признаку, что все они имели место в прошлом. Историки-позитивисты вовсе не являются такими историками, которые не обладают ни критическим подходом к вещам, ни настойчивостью; наоборот, они как раз обладают всем этим, в том числе и определенным взглядом на историю. Повторяем, позитивизм представляет основной дух науки нового времени, но он отнюдь не является тем учением, которое с самого начала отбрасывает всякий взгляд на историю, всякую философию.

6. Материалистический взгляд на историю

К материалистическому взгляду на историю историки относятся по-разному, в зависимости от того, каково их отношение к пролетарской революции. Здесь очень четко проявляется классовый характер науки, ее партийность.

Одной из основных особенностей материалистического взгляда на историю, то есть исторического материализма, является то, что, выступая против всех реакционных теорий, он не просто отбрасывает их, а вскрывает их ограниченность и научную несостоятельность. Например, в прагматизме резко критикует его метод, требующий от исторической науки прежде всего полезности в узком, дебоческом смысле. Исторический материализм ставит перед этой наукой важные исторические задачи, выдвигаемые самой реальной действительностью.

Как в борьбе человека с природой необходимо познание природы, так и в субъективных действиях по отношению к человеческому обществу требуется познание истории наряду с познанием других общественных наук, и там и здесь это познание правильно может быть осуществлено только с позиции диалектического и исторического материализма. Материалистический взгляд на историю не означает изучения истории для истории с целью ее интерпретации, а признает необходимость исторического познания для преобразования самой истории.

По отношению к религиозному взгляду на историю материализм занимает совершенно противоположную ему позицию, поскольку утверждает воинствующий атеизм. Он считает, что если уж говорить о связи нашей истории с чем-то вечным, абсолютным, то ее следует доказывать практически, путем строго научного познания, а не на основе иллюзий и интуиции; в этом вопросе материализм занимает непоколебимо объективную позицию, основанную на строго научном методе. Другими словами, материализм ставит перед собой задачу выяснить основу связи нашей ограниченной, относительной, деятельной действительности с миром «вечных истин» через посредство рационального познания практической, реальной действительности, которая никем не может быть отрицаема, а не посредством какой-то мистической интуиции.

Что касается просветительского рационализма, то материалистический взгляд на историю, поддерживая в нём дух гуманизма и рационализма, освобождает его от той ограниченности, которая выражалась в его внеисторичности, привносит в него временной принцип диалектического развития и на этой основе историческое рационализует, а рациональное историзирует. Ибо просветительство — до Канта включительно — не могло правильно понять того значения, каким обладает в процессе развития времени отдельный факт, происшедший лишь однажды и индивидуально; отрицая и отбрасывая эти факты, просветительство давало рациональную оценку только всеобщим закономерностям. Таким образом, то, что движется и изменяется индивидуально, отбрасывалось, а в качестве объективной истины признавалось лишь абстрактное логическое начало. Материалистический же взгляд на историю впервые утверждает позицию, согласно которой улавливается подлинно конкретная историче-

ская истина в ее историческом движении и индивидуальном развитии.

Диалектическое понимание действительности было начато уже Гегелем. В этом отношении можно сказать, что его «Философия истории» имеет эпохальное значение в историческом понимании реальной действительности. Но в качестве предпосылки исторического познания Гегель взял такие понятия, как «мировой разум» или «мировой дух», и уже на этой основе пытался построить мировую историю. Другими словами, его история была не опирающейся на доказуемые факты наукой, а априорной историей. Что касается Ранке, то он, хотя и отвергал Гегеля, однако сам утверждал такую же бездоказательную историю. Гегель определял развитие истории как прогресс в сознании свободы, но он не показывал, опосредуется ли это развитие через какой-то реальный процесс, а указывал лишь на абстрактные общие принципы в виде «хитростей мирового разума». Материалистический взгляд на историю снимает эти недостатки и с научной достоверностью разъясняет, как через взаимосвязанное развитие производительных сил и производственных отношений человек, начиная с того времени, когда он, как раб, был полностью лишен свободы, в результате определенного исторического развития приобретает подлинную свободу. Недостатки гегелевской философии истории впервые были преодолены благодаря именно материалистическому взгляду на историю.

В историзме, о котором речь шла несколько выше, материалистический взгляд на историю также сохраняет ценные положения, а имеющиеся недостатки решительно исправляет. Материализм отбрасывает ограниченность в смысле относительности истории и утверждает положение о ее бесконечном диалектическом развитии. И наша индивидуальная жизнь и историческая жизнь целой эпохи являются ограниченными, поскольку они конечны и переходящи, но в то же время они не что иное, как звенья исторической жизни, пронизывающие собой все эпохи, и в силу этого связывают как то, что изменяется и уничтожается, так и то, что неизменно и неуничтожимо. В противоположность консерваторам, которые, подобно Ранке, игнорируют развитие истории и в основу реальной действительности ставят бога, материалисты благодаря научно-мировоззрению глубоко убеждены в закономерности

прогресса человечества и развития истории и в том, что это развитие с неизбежностью приведет людей к миру, свободе и счастью.

Что касается позитивизма, то материалисты определяют его как формализм, поскольку материалистическую форму он использует лишь для того, чтобы разорвать на части исторические факты реальной действительности. Между прочим, следует сказать, что этот недостаток наблюдается и у отдельных материалистов, хотя сразу же надо подчеркнуть, что это не является результатом, вытекающим из сущности самого материалистического взгляда на историю, а представляет собой лишь проявление недостаточной последовательности в их материалистической позиции.

Насколько Маркс и Энгельс серьезно подходили к обоснованию материалистического взгляда на историю, можно судить по следующему высказыванию Энгельса в работе «Карл Маркс. "К критике политической экономии"»: «Развитие материалистического понимания хотя бы на одном единственном историческом примере представляло собой научную работу, требовавшую многолетних спокойных занятий, ибо ясно, что одними фразами тут ничего не сделаешь, что только при помощи большого, критически проверенного, в совершенстве усвоенного исторического материала можно разрешить такую задачу»¹.

§ 5. Философия истории

Итак, если историческая наука хочет выполнять присущую ей функцию, она должна иметь в качестве своей предпосылки прежде всего определенный взгляд на историю. И хотя тот или иной историк прошлого и пытался поставить историю как науку о фактах вне всякой философии, однако в действительности при отборе исторического материала он всегда руководствовался каким-то суждением и потому не мог не стать на позиции определенного взгляда на историю, а это, как нам думается, и должно помочь выяснить в этом деле значение философской предпосылки. Разумеется, среди историков немало и таких, как Ранке, которые отрицают любую философию

¹ К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 492.

и всячески избегают ее, но, как бы то ни было, им все же не удается оторвать философию от истории. И это не случайно, ибо имеются глубокие основания, которые делают связь истории и философией неразрывной.

В начале настоящей главы мы выяснили, что в слово «история» вкладываются три значения: история как факты прошлого; историческое описание (историческое познание) и историческое настоящее (история как факты настоящего времени). Обычно к истории относят только первые два значения. История вообще принадлежит событиям прошлого. При обыденном понимании настоящее время начинает входить в исторический мир лишь тогда, когда оно с истечением времени начинает принадлежать прошлому¹.

Тем не менее, когда говорят, что наше настоящее время в качестве действенной практики является историческим, творческим, не означает ли это, что настоящее время находится в «живом», в самом высоком смысле этого слова, историческом мире? Историк всегда оперирует фактами прошлого, однако сам он работает не в некоем вакууме, а в историческом обществе настоящего, обремененном определенными историческими задачами, чреватых будущим; занимаясь историческим исследованием, он считает, что это его миссия, которую он должен выполнить практически в качестве живого исторического человека. Историк руководствуется отнюдь не только и не просто своими субъективными прихотями, своим субъективным вкусом. В истории он видит ту науку, которая так или иначе связана с исторической миссией современного общества, и поднимает те проблемы, которые связаны с разрешением задач данного общества. Поэтому, в каком бы далеком прошлом ни находился объект его исследования, то, что заставляет его осуществлять это исследование, является историческим настоящим, где он и сам находится.

¹ Гегель понимал слово «история» только в первых двух значениях и исключал третье. Это было связано с той созерцательной позицией, которую он выразил в словах: «...сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек». Для него наука являлась не познанием, необходимым для исторической практики настоящего времени, а скорее системой «чистого познания», которая могла появиться только после завершения какой-то определенной эпохи. Для идеалиста Гегеля наука являлась лишь созерцанием, далеким от практики.

Следовательно, для исторического исследования далеко не безразлично, как он поймет это историческое настоящее.

Таким образом, в зависимости от того, как тот или иной историк подойдет к своему настоящему времени, определится и направление его изысканий в исторической науке. Это направление не только отражает различие, связанное с тем, что выбрал данный историк в качестве своей темы — историю ли политики, историю экономики или историю культуры. Оно дает различное освещение самому прошлому, самим фактам. В какой мере различное настоящее делает различным изложение прошлой истории, свидетельствует хотя бы то, насколько история Японии, написанная с позиции «настоящего» военного времени, отличается от истории Японии, пишущейся с позиции «настоящего» послевоенного времени.

Настоящее всегда устремлено к будущему. Человек в своем историческом настоящем питает самый большой интерес к будущему с практических позиций. Этот интерес заставляет разобратся в прошлом и приводит к созданию исторической науки. История, фиксируя прошлое, пишется с позиции настоящего времени. Больше того, и история любой эпохи прошлого фактически с самого начала также не была чем-то прошлым, а создавалась на основе определенной конкретной среды и субъективного настоящего своей эпохи (в диалектическом единстве среды и субъекта).

Хотя и говорят, что история человека является продолжением истории природы, но она создается не природой, а человеком. Настоящее субъективного, деятельного человека нуждается наряду с познанием природы в познании истории. В любой истории всегда стоит действующий конкретный человек. Но исторической науке необходима прежде всего философия истории. Так называемую априорную историю философов-идеалистов нечего и критиковать, однако нельзя не признать, что историческая наука строится не без определенных принципов, на основе только случайного набора фактов. Ранке, питавший столь враждебное отношение к философии истории Гегеля, все же не смог избежать определенного, а именно — религиозного взгляда на историю, когда писал свою всемирную историю. Заблуждение Ранке не в том, что у него была своя философия, связанная с позитивизмом, а в том, что его философия представляла собой в конечном итоге

почти такой же, как и у Гегеля, идеалистический взгляд на историю.

Согласно Ранке, существуют только два пути в познании человеческих дел: конкретное познание отдельного, индивидуального и абстрактное познание; первое — путь истории, второе — путь философии. Хотя изучение отдельного является исследованием лишь одного факта, но при надлежащем осуществлении его оно, конечно, имеет свою ценность. Сколько бы ни говорили, что история состоит из познания отдельного, конкретного, однако, если ее рассматривать только как нагромождение индивидуальных фактов и ограничиваться лишь их запоминанием, это также чревато заблуждением. История не является лишь соединением разрозненных единичных фактов. Хотя историческая наука исходит из рассмотрения отдельного, ее задача заключается в том, чтобы вместе с обзором в целом всех фактов подняться до познания объективно существующих взаимосвязей. Поэтому историк наряду с очень внимательным рассмотрением отдельного должен вместе с тем постоянно направлять свой взор в сторону всеобщего, универсального. В таком случае, что же представляет собой это универсальное? Все исторические явления обладают духовным содержанием, присущим только им. И то, что в них проявляется, есть отнюдь не обусловленная необходимость, а точная и внутренняя причинно-следственная связь. Здесь наряду с максимальной свободой и многообразием форм господствует постоянство, в котором обязательно проявляется всеобщая связь. Совершенно немыслимо, чтобы история обладала таким же единством, как и философская система, однако это не означает, что в ней не существует внутренних связей.

Но все дело в том, что в этой внутренней связи Ранке видел бога, и в этом суть его философии. Хотя он и пытался отделить себя от Гегеля путем противопоставления «философии, спускающейся сверху» (в которой к фактам спускались от общих понятий), свою «философию, поднимающуюся снизу», которая помогала интуитивно воспринимать универсальную волю бога, заложенную в основе каждого доказуемого факта, но, разумеется, здесь нет никакого существенного различия, ибо и религиозный взгляд на историю у Ранке вовсе не был выводом, вытекавшим из исследования отдельных фактов. Даже Гегель не пришел бы к выводу, что история человека является

историей его движения к свободе, если бы в ней не было исследования отдельных фактов. Различия между этими двумя философами не так уж велики, как это казалось Ранке.

Однако останавливается ли философия истории как основа исторической науки на такой отправной точке? Если да, это таит в себе чрезвычайную опасность для исторической науки. Как бы ни было, ошибочная философия истории всегда так или иначе ограничивает историческую науку и тем самым отдаляет ее от подлинно доказательной науки. Философия истории и историческая наука скорее должны взаимообуславливаться, быть взаимосвязанными. Философия истории опосредуется через историческую науку, а историческая наука — через философию истории. Хотя наука и философия и не являются просто двумя параллельными линиями, но они в то же время и не связаны между собой так, что одна из них находится в преимущественном положении по отношению к другой. Наука благодаря философии приобретает направление и единство; философия непрерывно совершенствуется на основе прогресса науки. Если подходить к ним по отдельности, то иногда может показаться, что возможна философия, игнорирующая науку, и наука, исключаящая философию; однако в реальной действительности развитие философии всегда служит науке, а прогресс науки способствует развитию философии. Об этом красноречиво свидетельствуют те глубокие связи диалектического материализма с наукой нашего времени и современной науки с диалектическим материализмом, которые как раз и являются основой осуществления скачкообразного прогресса мировой истины.

Таким образом, вопрос о том, насколько важным для подлинного развития науки является установление правильного взгляда на историю, представляется гораздо более серьезным, чем полагают современные историки-идеалисты или историки-позитивисты. Действительно серьезный историк никогда не скажет, что у него нет какого-то определенного взгляда на историю. Больше того, он даже утверждает, что у него есть самый правильный взгляд на историю. Однако, оценивая правильность взгляда на историю, необходимо исследовать прежде всего саму формулу этого взгляда, исходя при этом из полного уважения к каждому факту истории, как он есть, а не отбрасывая

те или иные факты только на том основании, что они покажутся не соответствующими принятой формуле. Если среди различных фактов появляется такой, который в той или иной мере не согласуется с данной формулой взгляда на историю, в таком случае надо подумать над исправлением не факта, а скорее принятой формулы взгляда. Таким образом, развитие истории философии связано с прогрессом исторической науки. Поэтому в идеале подлинный философ истории должен быть историком, а истинный историк — философом истории. Историческую науку и философию истории нельзя метафизически отделять, изолировать одну от другой и противопоставлять друг другу, точно так же как нельзя их и смешивать между собой, а при случае и подменять одну другой. Обе они тесно взаимосвязаны, взаимопроникают друг в друга и чреваты противоположностью¹.

¹ Ученые, игнорирующие философию, не освобождаются от нее, а, наоборот, всегда оказываются под влиянием, но уже не передовой, а самой отсталой, отброшенной философии. «Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, — говорит Ф. Энгельс в «Диалектике природы», — над ними властвует философия. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 525).

Эти слова Энгельса относятся не только к естествоиспытателям, но и непосредственно к историкам.

ЗАКОНЫ ИСТОРИИ

Вопрос о наличии закономерной необходимости в мировой истории и сегодня является предметом спора между историками-материалистами и историками-идеалистами. Первые признают наличие таких законов, вторые — отрицают. Последние, вынужденные всем ходом развития современного естествознания признать господство объективных законов в природе, упорно, однако, подчеркивают, что в мире истории таких законов быть не может, поскольку этот мир создается человеком, обладающим сознанием и свободой.

Данная глава прежде всего и посвящается рассмотрению этого вопроса: имеются ли законы в историческом мире? А если имеются, то какая наука занимается их познанием? И если познание этих законов не является объектом исследований исторической науки, то они, по-видимому, должны исследоваться той наукой, которая называется философией истории.

И надо полагать, что этой науке придется утверждать свои положения дочью так же через острую борьбу.

Мы пока ограничимся постановкой нескольких вопросов: имеются ли в общественном, историческом мире законы, подобно тому как они существуют в мире природы? Если имеются, каково их содержание? Если эти законы не являются объектом исторической науки, то какая наука их исследует?

§ 1. История и природа

Можно смело сказать, что теперь уже почти никто не сомневается в том, что мир природы управляется закономерной необходимостью. Однако ведь и в природе имеется история, ибо, если природа управляется закономерной необходимостью, это еще не означает, что там нет истории. Уже теория Канта—Лапласа ясно показала, что даже небесные тела обладают историей в том смысле, что не повторяют в своем движении одно и то же. Такие науки, как геология и палеонтология, открыли историю Земли, показав, как из неорганического появилось органическое, как флора и фауна дошли до нашего времени через многократные изменения, вызываемые изменениями окружающей их среды. И хотя историю человека обычно отделяют от истории природы, она не чужда ей, а скорее является дальнейшим ее развитием. Можно сказать, что история человека в своей основе обусловлена исключительно как звено истории природы. Разумеется, при этом существует и определенное различие между ними, но если принимать во внимание только различие, предав забвению их непрерывность и связь, тогда придется признать, что природа не имеет истории и что история — исключительное достояние человека. Но в таком случае мы не достигаем правильного понимания живого исторического человека, понимания человеческой истории во всей ее конкретности.

Если в природе имеется история, историческое развитие, это значит, что история и есть развитие; где движение происходит в виде лишь простого повторения одного и того же, там нет и не может быть истории. Мир истории — это мир, где появляется новое, небывалое в прошлом. А если так, то здесь должны быть по крайней мере законы двух видов. Одни из них — вневременные, внеисторические, подобные тем, какие проявляются в мире объектов физики и химии. Это всеобщие законы, без всяких изменений обязательно действующие всегда и везде. Второго вида законы также являются всеобщими, необходимыми, но обладают той особенностью, что направляют временной, исторический процесс развития; они проявляются в космогонии и биологии. Отличие первых законов от вторых состоит в том, что первые являются вечными, неизменными законами мира, а вторые — законами разру-

шения старого и созидания нового. Разумеется, нас интересуют законы второго вида. Эти законы обладают определенными качественными особенностями

Уже теория Канта — Лапласа с корнем опрокинула старое воззрение на природу, согласно которому все небесные тела извечно имеют одну и ту же, неизменную во времени форму. Авторы этой теории впервые выступили с гипотезой о естественном развитии вселенной, доказав, что и планетная система возникла из вращающейся туманности. С тех пор стали считать, что небо также обладает историей, то есть и оно зарождается, развивается и умирает. Затем выяснилось, что и Земля имеет историю, которая впервые излагается в книге Лайеля «Основы геологии». Дидро, Ламарк, Гете гениально предугадали, как расцвела жизнь на Земле, и их предвидение получило свое научное подтверждение в трудах Дарвина. Затем следуют научные открытия, которые, постепенно заполняя разрыв между органической и неорганической природой, доводят этот разрыв до минимума. Наконец, закон сохранения и превращения энергии, открытый каждым в отдельности такими учеными, как Ломоносов, Лавуазье, Карно, Майер, Джоуль, Гельмгольц, приводит к пониманию взаимопревращаемости механической силы, тепла, света, электричества и магнетизма при наличии определенных условий.

Таким образом, естествознание нового времени превращает все неподвижное, постоянное в подвижное, изменяющееся, и все, что раньше мыслилось как вечное, раз и навсегда данное, становится исторически возникающим и разрушающимся. В мире нет ничего такого, что просто существует, ибо все возникает, изменяется, движется, развивается. В нем нет ничего, что существовало бы изолированно, ибо все находится во всеобщей связи и взаимодействии, где противоречие, противоположность, борьба как раз и порождают историческое движение вперед. А это и есть тот диалектический взгляд на мир, который в настоящее время получил неопровержимое признание благодаря открытиям современной науки

«Первым и самым важным из прирожденных свойств материи,— пишет Энгельс в своем «Введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке»⁶⁶»,— является движение,— не только как механическое и математическое движение, но еще больше как

стремление, жизненный дух, напряжение, или, употребляя выражение Якоба Бёме, «мúка» [«Qual»] материи»¹. Энгельс дает движению четкое и лаконичное определение: «Движение есть способ существования материи»².

Каждая форма движения материи обладает своими, свойственными ей законами, а все они связаны между собой, как основание и более высокая ступень развития материи. Высшая форма движения материи может возникнуть только при наличии предшествующей низшей ее формы. Например, физические явления возникают в теле, обладающем механическим движением; другими словами, физическая форма движения имеет своей основой механическое движение, причем это явление обладает уже своими законами, не повторяя законов механического движения. Биологические процессы предпосылкой своего осуществления имеют механическое движение, физические явления, химическую реакцию. Не будь этих предпосылок, не возникла бы и биологическая форма движения материи, однако, вместе с тем, биологическая форма не возвращается к повторению законов предшествующих ей форм движения материи, а обладает своими собственными законами. Таким образом, движение — это не простое перемещение в пространстве, а переход одного состояния материи в другое. Иными словами, можно сказать, что каждая форма движения — от механического перемещения, всемирного тяготения, внутриатомного движения — ядерного изменения, химической реакции, биологических процессов и до общественной эволюции человека вплоть до социальной революции — представляет собой не что иное, как различные формы движения материи. Между всеми этими формами движения имеются как непрерывные, так и дискретные связи.

«Называя физику механикой молекул, химию — физикой атомов и далее биологию — химией белков, — говорит Энгельс в «Диалектике природы», — я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую, — следовательно, как существующую между ними связь, непрерывность, так и различие, дискретность обеих»³.

В этих связях наше внимание привлекает прежде всего связь между живым и неживым. Данные геологии и па-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 300.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 59.

³ Там же, стр. 567.

леонтологии свидетельствуют о том, что жизнь на Земле появилась несколько миллионов лет назад и что для этого было необходимо накопление предварительных условий. Затверждение земной коры, появление температуры, которая не свертывала бы белок, образование океанов, морей, рек — все это приводит к взаимодействию атмосферы и воды, а последнее — к возможности развития форм жизни; вслед за этим в воде зарождаются важнейшие элементы живой материи. Так были подготовлены условия для первичных органических соединений. Так обнаружилась непрерывность химической структуры живой и неживой природы. Вся органическая материя, все животные и растения построены из протоплазмы, которая в свою очередь состоит из небольшого количества химических элементов, содержащихся также и в неорганической природе. *«Жизнь есть способ существования белковых тел, — говорит Энгельс в «Анти-Дюринге», — и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел»*¹.

Субстанцию жизни нельзя представлять себе только внутри живого организма, ибо жизнь неразрывно связана с материальными предпосылками предшествующей ей окружающей среды. Никакие жизненные явления невозможны в отрыве от материальной природы в целом. Развитие животных связано с изменениями растительной среды, изменения растительного мира — с изменениями геологических условий.

И наоборот, качество почвы формируется, изменяется как продукт жизнедеятельности растений и животных. Определяющим фактором формирования почвы является жизнедеятельность растений и микроорганизмов. Более того, жизнедеятельность растений изменяет даже климатические условия.

Таким образом, природа еще задолго до появления человека уже имела длительный исторический процесс развития, и мыслящий человек был порожден именно в ходе этого развития. Следовательно, между природой и человеком существует непрерывная связь. Если отойти от истории природы, нельзя будет понять и истории человека. Само собой понятно, что между природой и человеком имеется глубокое различие, которое никак нельзя игно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 82.

ризовать. Но если из-за этого мы ограничимся только установлением их различия, то с самого начала потеряем базу истории человека. Природа управляется закономерной необходимостью, а человек, будучи разумным существом, обладает сознанием и свободой действий. Поэтому в историческом мире человека законы природы неприменимы, и историческая наука должна рассматривать события прошлого человеческого мира в их специфической особенности.

Но прежде чем сделать такой вывод, необходимо задуматься над вопросом о том, возможна ли закономерная необходимость в историческом мире, одинаковая с закономерностью в природе, особенно с ее историческим развитием? Не подлежит сомнению, что люди — мыслящие существа, действующие сознательно и обладающие свободой, чего лишены животные и растения. Здесь, безусловно, выступает важная особенность, отличающая человека от других живых существ. Но каким образом возникло это сознание, эта воля человека, как появился человек? Ведь человек не создан богом с самого начала в качестве «человеческого рода», коренным образом отличающегося от других животных. И когда говорят, что человеческое сознание привнесено нематериальной «душой», это не что иное, как одна из антинаучных, мистических догм. Чтобы освободиться от подобных иллюзий и правильно, научно представить реальную действительность, необходимо опираться на доказательное, научное, опытное познание. Каких бы высот ни достиг человеческий дух, но если на это взглянуть исторически, то выяснится, что этот дух является не чем иным, как высшим продуктом развития живой материи на протяжении длительного времени.

Даже самый простой организм, если он живой, обязательно отражает внешний мир и реагирует на него. Эти «отражение» и «реакция» или, другими словами, функция реакции на внешний стимул и создают возможность приспособления живого тела к внешней среде, и таким образом поддерживается, сохраняется жизнь организма. У одного из самых простых организмов — парамеции — раствор кислоты уже в одну тысячную градуса вызывает отрицательную реакцию. Если взять препарат с пурпурными бактериями и направить на него луч света, бактерии начнут двигаться в направлении к освещенной поверхности,

Выйдя в своем движении из освещенной зоны, они поворачивают обратно. Таким образом, реакция на раздражение есть общее свойство живой материи. Если поместить растение в комнату, имеющую лишь одно окно, его стебли тянутся к свету, а листья располагаются перпендикулярно к световым лучам, принимая положение, при котором они могут поглощать максимум световой энергии.

Высшая форма отражения и реакции появляется вместе с высшей формой организации материи. Новая функция не может возникнуть, если не будет нового органа. Однако и новый орган не появляется внезапно, так же как и не создается из ничего. Он появляется в результате бесконечного повторения определенной функции на протяжении длительного времени. Функция не рождается до появления ее органа, точно так же как и орган не рождается до возникновения функции. Орган и его функция суть продукты отражения организмом условий материальной среды. К тому же они не являются результатом какого-либо двукратного повторения, а представляют собой следствие бесконечного повторения одного и того же опыта на протяжении десятков поколений одного и того же вида живого тела. В живой материи постоянно остаются следы прошлых событий, и таким образом создается новый способ реакции с наследственными чертами.

При переходе от раздражимости к ощущению — причем первое свойство связано со всей живой материей, а второе лишь с организмами, обладающими нервной системой, — отражение внешнего мира становится все более сложным; при этом как ощущение, так и раздражимость являются результатом воздействия внешних, объективно существующих предметов на живое существо. Разница здесь в том, что при ощущении, являющемся функцией нервной системы, раздражение воспринимается специальными клетками, составляющими различные органы чувств. Каждый из этих органов чувств воспринимает лишь одну определенную форму раздражения. Дифференциация и совершенствование ощущений обусловлены эволюцией органов чувств, причем эта эволюция сама является результатом воздействия условий существования.

Ощущения, которыми обладают животные и человек, формировались в процессе бесконечного повторения и развития отражения, реакции на окружающую среду. Ощу-

щение глубоко связано с материальной основой, а именно с развитием нервной системы и органов чувств, и обусловлено ими. Так, внешние раздражения воспринимаются специализированными органами чувств: каждый из органов чувств получает только определенного рода раздражение. Глаз отражает лишь световые лучи определенной длины волн, ухо — колебание воздуха определенной длины волн, и т. д.

Таким образом, отражение окружающей среды высшими организмами осуществляется в форме превращения физической энергии в нервную. И. П. Павлов обращает внимание на роль физиологии нервной системы, которая в соответствии с изменением внешней среды приводит к изменениям живого организма.

Основным понятием учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности является понятие рефлекса. Рефлекс — это закономерный ответ организма на воздействия внешней среды. Как элементарное, основное явление нервной деятельности рефлекс осуществляет связи между раздражением, идущим от внешнего мира, и обратным воздействием на внешний мир в виде механического движения или реакции.

Уже в самых простых своих формах рефлекс является отражением внешнего мира, выражающимся в действии, представляющем собой синтез ощущения и двигательного акта. Ряд таких определенных связей у животного существует еще с момента его рождения; Павлов назвал эти связи безусловными рефлексами. Безусловный рефлекс — прямая, непосредственная реакция организма на внешнее воздействие. Например, цыпленок, только вылупившийся из яйца и ничему еще не научившийся, сразу же начинает клевать зерна. Собака, у которой удален мозг, продолжает вращать глазами, ходит, ест, и все эти действия — безусловные рефлексы. Однако реакция на внешние раздражения на основе безусловных рефлексов крайне несовершенна, ибо эти рефлексы не в состоянии соответственно реагировать на изменение окружающей среды.

Этот недостаток безусловных рефлексов восполняется условными рефлексами, которые как более сложная, более высокая форма отражения внешнего мира создаются на основе безусловных рефлексов. При переходе от безусловных рефлексов к условным появляется новый элемент — сигнал. Сигнал — это отдаленный раздражитель, воздей-

ствующий на нервную систему. Условные рефлексы не являются, подобно безусловным, прирожденными, они приобретаются в течение жизни данного организма.

Формирование условных рефлексов явилось основой нервной деятельности организма. Через них животные воспринимают раздражения от внешнего мира в виде сигналов и соответственно определяют свои действия. Именно здесь и зарождается то новое качество в процессе нервной деятельности животного, которое развивается затем в сознание. А когда к высшей нервной деятельности человека прибавляются речь и мышление, тогда зарождаются научные и художественные идеи, моральные и религиозные понятия. Но какой бы высоты ни достигли эти идеи и понятия, неизбежным остается их происхождение, представляющее собой последовательный процесс: раздражение — реакция — ощущение — действие.

Здесь налицо та непрерывность, которую нельзя игнорировать, а именно связь между природой и человеком. Следовательно, законы, управляющие природой, управляют и историей человека. Конечно, установление различия между историей природы и историей человека, выяснение сущности каждой из них имеет весьма важное значение. Но при этом никак нельзя забывать о наличии между ними непрерывной связи. Если эту связь между ними не замечать и выдвигать лишь их противоположность, каждый раз подчеркивая, что природа развивается на основе закономерной необходимости, а человеческая история якобы лишена этой закономерности, поскольку-де она развивается на основе свободы «духа», то получится не что иное, как догматизм. Поэтому нам нужно прежде всего выяснить, в каком смысле человек обладает свободой, а также отрицается ли закономерность в истории человека. Что такое свобода? Хотя эта проблема, пожалуй, и выходит за рамки философии истории, однако в связи с проблемой закономерности ее невозможно избежать.

§ 2. Историческая свобода. О возможности законов истории

Историческая действительность на каждом ее этапе представляет творчество, развивающее достижения предшествующих поколений. Если в мире природы почти ничего нет нового, природа в целом управляется одними и

теми же вечными законами, то в историческом мире человека события всегда являются новыми, происходящими только один раз, ибо невозможно, чтобы одно и то же событие повторялось здесь дважды в неизменном виде. К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» писал: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса»¹.

И если историческая наука пойдет по пути изучения лишь индивидуальных фактов, которые не повторяются дважды, то она, конечно, не станет искать каких-то всеобщих законов. Поэтому здесь нам прежде всего придется выяснить, что такое свобода и противоречит ли она исторической закономерности².

Конечно, человек является субъектом, который действует сознательно и, обладая известной свободой, следует своим решениям. Однако нельзя думать, что свобода человека почти ничем не ограничена. Ибо наше сознание, как бы оно ни было свободно, осуществляется не в пустом пространстве, вне связи с окружающей средой. Сколько бы ни говорили, что наши действия свободны, мы не можем, например, летать по воздуху только потому, что сами этого желаем, вопреки закону силы притяжения. Конечно, бывают прыжки в высоту с шестом и прыжки в длину, но в этих случаях действуют также и физиологические законы природы, и сверх этих законов свободой никто не обладает. Сколько бы ни говорили, что человек

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 119.

² Начиная со второй половины XIX века появляется ряд ученых, которые отрицают наличие объективной закономерности в истории. В Германии — В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Вебер, Э. Майер, Г. Шульц; в Англии — Б. Рассел, С. Федерн, Г. Тревельян; в Америке — Д. Дьюи, Э. Богардус, Г. Беккер-Чейз и др. Английский социолог Федерн в своей книге «Материалистический взгляд на историю» писал: «Если социализм, следуя закономерности, обязательно наступит, то нет никакой необходимости добиваться его осуществления, ибо, поскольку социализм является неизбежной, следующей ступенью общественной эволюции, отпадает необходимость в теории социализма и тем более необходимость в партии социализма, так же как бессмысленно создавать партию, содействующую наступлению весны, лета». Такой взгляд весьма распространен и в наше время, когда рассматривается вопрос социализма в связи с проблемой свободы.

свободен, в действительности же по отношению к необходимым законам природы он связан теми же ограничениями, какими связаны все остальные существа¹.

В таком случае, в чем же проявляется свобода человека? Говорят, что мы, сознательные существа, обладаем полной субъективной свободой, но в том-то и дело, что мы не можем действовать по своему произволу, как бы в пустом пространстве, вне связей с окружающей средой. Мы всегда находимся в окружающей нас определенной, реальной среде, постоянно получаем определенные внешние раздражения и в соответствии с ними осуществляем какие-то ответные реакции. Таким образом, свобода является не чем иным, как проявлением действия человеческого сознания в процессе этих ответных реакций. В этом случае безусловные рефлекссы Павлова вообще не оставляют места для какой-либо свободы. Если же она и возможна, то ограничивается лишь деятельностью мышления в форме понятий, суждений, умозаключений, происходящей в промежутке между стимулом и ответным ему действием. Именно в это время в ответ на одинаковые раздражения появляется возможность неодинаковых ответных реакций.

Но это не значит, что различия в ответных реакциях возникают из «ничего», беспричинно. Здесь так же, как и в природе, действует необходимость, вытекающая из определенных стимулов окружающей среды, но в данном случае могут возникнуть две и более ответные реакции. И поскольку между внешним раздражением и ответной реакцией вклинивается процесс мышления, появляется возможность выбора одной из этих реакций. Вот почему человек, сколько бы ни говорили о его свободе, не всегда может осуществить любое задуманное им дело. Человек

¹ Примерно то же самое можно сказать и в отношении «воли» и свободы действия предпринимателей буржуазного общества, капиталистов. Следуя своей «воле», они усиленно добиваются процветания своих предприятий и всячески стремятся избежать кризисов и противоречий, для чего проводят самые различные мероприятия. Но вопреки желанию и «свободной воле» капиталистов их процветание, как известно, периодически срывается, в обществе обостряются противоречия, неумолимо идет процесс загнивания и умирания капитализма. И все это происходит только потому, что в человеческом обществе, в историческом мире тоже господствует закон необходимости, действующий, как и в истории природы, без чьей бы то ни было воли.

постоянно находится в определенных условиях, называемых окружающей действительностью, и поэтому у него всегда имеется только ограниченный выбор тех или иных действий. Вне этих границ могут быть лишь пустые мечты и иллюзии, а отнюдь не те возможности, которые могут быть осуществлены в реальной действительности. Так, например, крепостные крестьяне в условиях феодального общества, доведенные до отчаяния гнетом внеэкономической эксплуатации, могли, конечно, либо сбежать от своих угнетателей, либо поднять крестьянские восстания, или сделать то и другое. Возможно, они могли избрать и еще какие-нибудь два пути, чтобы как-то существовать. Однако, поскольку все это происходило в эпоху, когда еще не было ни промышленного производства, ни пролетариата, никакие усилия крепостных не могли привести к установлению свободного общества, где исключается всякая эксплуатация человека человеком. Конечно, такое общество мысленно можно было представить себе, но это еще не та свобода, которая практически могла быть осуществима в той реальной действительности.

Напомним знаменитые строки К. Маркса из его «Предисловия» к своей книге «К критике политической экономии»: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»¹.

Люди феодального общества, например, не могли основать компанию по производству автомобилей, так же как не могли они и жить на заработную плату в качестве рабочих такой компании. Точно так же нельзя представить себе, что уже после того, как наступила эпоха капитализма, какой-то феодал будет вести прежний образ жизни. Если же человек родился в феодальном обществе, ему ничего не оставалось, как жить соответственно общественным производственным отношениям той эпохи. Каждое поколение людей застает те отношения, которые уже существуют в момент их рождения в качестве данной им среды, поэтому эти отношения являются необходимыми, независимыми от их воли и сознания. Далее, эти отноше-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6.

ния являются необходимыми еще и потому, что они соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил того общества. Люди при помощи кузнечного меха вырабатывали инструменты и орудия труда, при помощи повозок, запряженных волами или лошадьми, осуществляли передвижение, и именно на этом уровне развития общества могли сложиться производственные отношения, известные под названием феодально-крепостных. А когда появилось машинное производство с использованием двигателей и производственные связи начали приобретать всемирный характер, подобный феодальный строй становился уже невозможным.

К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» отмечает: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»¹.

Обычно, когда наступает время смены эпохи, консерваторы всеми силами пытаются задержать ее, эффективно пользуясь при этом своей свободой воли. Как отдельные личности, они, конечно, сколь угодно могут действовать подобным образом, но если подойти к вопросу с точки зрения истории в целом, то такая «свобода» отрицается и общество, независимо от воли и желаний консерваторов, развивается в конечном итоге в направлении объективной необходимости.

Что человек обладает свободой воли и даже свободой действия, это еще не исключает объективной необходимости в истории. Ибо свобода личности не может быть тем, что создается из ничего, или же тем, что называют «абсолютной свободой». Иногда, действуя в рамках ограниченных возможностей и выбирая одну из них, люди попадают в тупик или даже оказываются на краю пропасти, откуда нет возврата. Это происходит по той причине, что при кажущихся двух-трех возможностях, двух-трех путях обычно в конце концов выясняется, что правильным является только один, а в отношении остальных нет оснований для практического их использования.

Но тогда что же такое правильный путь? Это необходимый путь, с самого начала ограниченный прошлой сре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 119.

дой и познанный научно, рационально. Ф. Энгельс говорил, что люди действуют свободно, когда опираются на научно познанную объективную реальность, но если человек действует вопреки этому, исходя только из своих желаний, он ни в коем случае не достигнет своей цели.

Таким образом, имеются два вида свободы — субъективная и объективная. Субъективная свобода, если она опирается лишь на досужую фантазию, в конце концов приводит только к поражению. Например, некоторые люди, живя в капиталистическом обществе, считают, будто они находятся в свободном мире, в то время как в отношении тех, кто живет в социалистическом обществе, говорят, что они-де лишены свободы, поскольку их личная свобода ограничена здесь в интересах общества в целом. Конечно, либералам, индивидуалистам не нравится такое ограничение личной свободы в интересах всего общества. Но ведь известно, что те, кто живет в капиталистическом обществе, не имея собственных средств производства, как правило, вынуждены продавать свою рабочую силу, с тем чтобы обеспечить свое существование. И уже только это очень много отнимает свободы у человека, что особенно остро ощущают промышленные рабочие. Между тем эти рабочие при всем желании восстановить свою человеческую свободу никак не смогут достичь этого, если будут настаивать на свободе лишь отдельных людей.

Для пролетариата сегодня уже совершенно ясно, что путь к подлинной свободе лежит только через организацию и объединение. Однако что касается интеллигентов и деятелей культуры буржуазного общества, то они хотя и призваны быть прогрессивными мыслителями, тем не менее по условиям своей жизни не ощущают так остро, как рабочие, ограниченность своей свободы; больше того, они скорее выступают страстными приверженцами той скудной свободы, которая существует для них в современном капиталистическом мире. Но подобная позиция, одобряющая их индивидуальную свободу, отнюдь не является и не может быть реальным путем к действительной свободе. Если существующее положение останется без изменений, то жизнь скоро станет вообще невозможной. Индивидуалистический либерализм, на котором настаивает современная мелкобуржуазная интеллигенция, — это вовсе не путь к установлению подлинной свободы, наоборот, объективно он представляет скорее путь потери всякой свободы.

Если кое-кто и рассматривает существующую ныне в Японии свободу как подлинную свободу, это еще отнюдь не означает, что в действительности она здесь имеется. Подлинная свобода должна на деле освободить человека от сил природы и общества, существующих вне и независимо от нас. Именно в этом путь к счастью человека. «Свобода», которая допускается в так называемом «свободном мире», есть не что иное, как свобода конкуренции, свобода пожирания слабого сильным, свобода выживания сильнейшего. Такая свобода предоставляется одной личности с тем, чтобы отнять счастье у сотен и тысяч людей, отнять у них подлинную свободу и ввергнуть их в жизнь, полную страданий. Все это, взятое вместе с противоречиями, возникающими из анархии производства, не может не породить всевозможных трудностей для тех личностей, которые столь произвольно обращаются со своей свободой.

Так развитые капиталистические страны (и Япония в том числе), в прошлом захватившие государства малых и слабых народов мира и приступившие к беспощадной эксплуатации и угнетению их, превратив их в свои колонии и полуколонии, сегодня — и притом отнюдь не случайно — оказались перед лицом не только широкого наступления рабочего класса внутри своих стран, но и небывало бурного национально-освободительного революционного движения во всех в прошлом колониальных странах.

Само собой разумеется, что в такую эпоху немало выступает сторонников «либерализма», которые, действуя произвольно, стремятся поддержать и сохранить этот «свободный мир» капитала. Понятно также, что в эту переходную эпоху совершенно неизбежны самые острые столкновения консервативных классов с прогрессивным лагерем. Каждая из этих противоположных сил и сторон борется за свою свободу. И вот здесь-то, можно сказать, особенно наглядно, но совершенно по-разному проявляется свобода человека. Свобода консервативного класса выступает как обреченная закономерной необходимостью истории на неминуемую и скорую гибель. Чем больше капиталисты эксплуатируют и угнетают народ, опираясь на свою свободу, тем могущественнее становится сопротивление народа, и, следовательно, своей свободой они сами роют себе могилу. Подлинная же, объективная свобода ничего общего не имеет с подобным субъективным «со-

знанием» свободы. Но подлинная свобода устанавливается лишь тогда, когда люди, научно познав ту тенденцию, которая представляет собой основу исторической, закономерной необходимости и оказывает активное влияние на глубинные процессы реальной действительности, переходят к практической деятельности на путях, ведущих человека к свободе и счастью.

Здесь с необходимостью проявляется глубокая и тесная связь разума со свободой. Подлинная свобода обязательно связана с научным познанием как рациональным отражением окружающей среды. Если нет научного познания, невозможна и подлинная свобода. Свобода может быть только на основе разума. Консервативный же, эксплуататорский класс, находящийся у власти, хотя и вступает в период неминуемого конца своего господства, но по мере приближения к финишу все упорнее отказывается осознать неизбежность и разумность этого факта. Такой класс или полностью отвергает закономерную необходимость в развитии общества, или же скрывает ее, используя при этом аппарат массовой пропаганды, а то и прямое насилие, с тем чтобы сохранить в обществе видимость «полной гармонии». Но разве можно остановить наступление весны сообщением о том, что на сливовом дереве убили одного соловья? Только та свобода обладает реальной силой двигать вперед историю, которая в качестве подлинной свободы связана с разумом¹.

Здесь-то и должна выясниться ошибочность того суждения, согласно которому исторический мир, развивающийся на основе свободной, сознательной деятельности человека, якобы не может иметь закономерной необходи-

¹ Так, дойдя до развилки двух дорог, человек думает, что он обладает свободой выбора любой из них. Но поскольку одна дорога ведет его к гибели, а другая — к процветанию, то подлинная свобода заключается здесь не в том, что он произвольно может избрать любую из дорог, а скорее в том, чтобы избежать пути к гибели и вступить на путь процветания. Следовательно, чтобы овладеть подлинной свободой, необходимо отказаться от своеволия и не просто руководствоваться своими вкусами и симпатиями, а исходить из научного познания реальной действительности и на этой основе правильно определять свои действия, ведущие в будущее. Короче, подлинная свобода не игнорирует необходимость, а требует познания ее и избрания определенного пути, идущего в направлении необходимости. Произвольное обращение со свободой отнюдь не является свободой, поскольку оно может привести только на путь гибели.

мости. Свобода не отрицает закономерной необходимости, точно так же как и не игнорирует ее, больше того, она вообще не может избежать ее. Поскольку мы живем в материальном окружении природы, будучи сами ее звеном, то, сколько бы ни утверждалось, что мы свободны, мы никак не можем выскочить из условий, представляющих необходимую закономерность природы, точно так же, поскольку мы живем в исторической среде определенного общества, то, сколько бы нам ни говорили, что мы свободны, однако мы и здесь не можем избежать тех условий, которые поставлены необходимой закономерностью человеческого общества. Свободу нельзя отрывать от закономерной необходимости, которую следует познавать применительно к своей жизни и использовать для завоевания своего счастья.

Исходя из учения И. П. Павлова об условных рефлексах, следует признать, что свобода представляет собой самый совершенный условный рефлекс, а то, что совершается этот условный рефлекс, есть не что иное, как полное соответствие ответного действия внешней среде. Но если так, то подлинная свобода не означает простого отражения существующего общественного строя. При наличии резкого отставания общественных производственных отношений от развития производительных сил, когда уже требуется смена устаревших отношений, это отражение должно, скорее, означать разрушение существующего общественного строя и установление таких общественных отношений, которые соответствовали бы достигнутой степени развития новых производительных сил. Здесь уже не может быть просто формальной свободы произвольного выбора одной из двух возможностей, применяющейся, например, при свободе выборов в парламент, а необходимо следование исторической закономерности, необходима разумная деятельность, соответствующая движению этой закономерности. Те же, кто, впевнившись в господствующий строй прошлого, всячески противятся ходу исторического прогресса, применяя всевозможные средства, чтобы как-то сохранить это уходящее прошлое, какую бы они активность ни предпринимали, называя это проявлением своей «свободной воли», в действительности, однако, в своих подобных попытках повернуть колесо истории назад придут лишь к одному концу — к своей гибели. Такова, например, «свобода» нынешних империалистов-атомщиков.

Итак, мы пришли к ясному выводу, что если наше «я» обладает свободой, это еще отнюдь не является причиной отрицания исторической закономерной необходимости. Но против исторической закономерности выступают и по другим мотивам. Обычно утверждают, что явления исторического мира всегда наполнены событиями случайного характера, в то время как в природе все происходит закономерно и почти нет места подобным случайностям. Несомненно, с первого взгляда события в нашем мире являются скорее случайными, чем обусловленными определенными закономерностями. Но если вникнуть в сущность этих явлений, то выясняется, как указывает Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», что «...где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам»¹.

При обыденном, повседневном мышлении случайность и необходимость принято представлять раздельно: случайность не является необходимостью, а необходимость — случайностью. Но на основе подобной аналитической логики мы не сможем правильно понять реальной, живой структуры исторического мира. Та случайность, которая существует в этом мире, не препятствует установлению закономерной необходимости, а закономерная необходимость не исключает существования случайности. Обычно закономерная необходимость во многих случаях проявляется скорее через ряд случайностей. В то же время случайность, как ряд разрозненных событий, оставаясь случайностью в целом, имеет в себе определенную закономерную необходимость, которая и составляет ее глубокую основу. Например, когда в истории совершается переход от феодального общества к капиталистическому, то, представляя собой развитие исторического общественного явления, этот переход выражает закономерную необходимость, которую невозможно избежать. В любой стране, в любой нации, если там проявляется какой-то подъем, развитие экономических, производительных сил, это явление непременно будет иметь место, как бы ни пытались избежать его. Но какая страна прежде всего пойдет по такому пути, как и когда осуществится этот переход, — здесь уже господствует случайность. Иногда

¹ К Маркс и Ф Энгельс, Соч, т. 21, стр. 306.

революция совершается сравнительно легко — одним приемом; в других случаях она терпит ряд поражений. Но как бы ни различались эти процессы по своим проявлениям, однако в целом никому не разрушить и не приостановить той закономерности, которая ведет развитие от феодализма к капитализму. То же самое можно сказать относительно перехода от капитализма к социализму. Возможно, это случайность, что именно в России родился и выступил на историческую арену революционной классовой борьбы такой гениальный человек, ученый и руководитель, как В. И. Ленин. Но нередко бывает и так, когда в иных странах революционное движение терпит поражение из-за ошибок своих руководителей, и тогда реакционные силы вновь переходят к временному контрнаступлению. Однако, если мировая капиталистическая система в целом сегодня окончательно потеряла ответственность своих производственных отношений развившимся производительным силам, то мировое революционное движение уверенно идет вперед: революционные волны, подобно морскому прибою, вновь и вновь обрушиваются на давно уже устаревший капиталистический строй, и это будет происходить до тех пор, пока обреченный историей строй не будет уничтожен совсем. Конечно, вследствие случайности и «свободной воли» некоторых реакционных личностей для контрреволюционных сил иногда создается возможность воспрепятствовать прогрессивному процессу. Но это только как временное явление и лишь по отношению к определенному выступлению рабочих того или иного периода; если же взять исторический процесс в целом, то подобное контрнаступление реакции еще более закаляет все растущие силы рабочего класса и упорядочивает, уточняет путь его победы. История вовсе не является таким процессом, который можно приостановить какой-то случайностью или «свободной волей» отдельной личности. Скорее происходит обратное: опосредуя случайности и волю отдельных личностей, история неумолимо продолжает свое поступательное движение вперед.

Поэтому каким бы правдивым ни казалось утверждение о том, что история создается благодаря «свободной воле» человека, в действительности, следует заметить, в мире истории свобода человека осуществляется лишь постольку, поскольку здесь имеется закономерная необходимость.

Ранке, как известно, подчеркивал, что свобода находится рядом с необходимостью, однако на самом деле они не «рядом»; свобода находится скорее внутри необходимости. Тот, кто, владея свободой, полагает, что его свобода выше закономерности, является просто идеалистом, который питает иллюзии относительно свободы. Свобода человека — это всегда историческая свобода, а историческая свобода — отнюдь не какая-то надисторическая воля бога. Отход от познания научной закономерности реального мира может привести лишь к признанию божьей воли, к иллюзиям, которые никогда не были и не могли быть подлинным путем к свободе человека.

Реальная действительность — не символ, а исторический факт, развивающийся на основе закономерности, присущей самой этой действительности.

§ 3. Законы истории

1. Общие и специфические законы

Итак, мы установили, что в историческом мире имеется как свобода, так и закономерность; затем мы выяснили, что наличие свободы еще не делает невозможным наличие закономерной необходимости. Подлинным ученым, доказавшим все это строго научно, на фактах реальной действительности, был Карл Маркс. Не случайно и то, что на исторической науке как закономерной науке настаивают именно марксисты.

Но прежде чем приступить к рассмотрению этой проблемы, мы должны выяснить отношение законов истории к законам природы, а также различие общих и специфических законов. Марксизм не просто выделяет историю человека из истории природы; он скорее признает непрерывность связи между ними, ибо история человека рассматривается как продолжение развития истории природы, а развитие истории человека определяется как естественно-исторический процесс. В этом, можно сказать, и заключается эпохальное значение марксистского взгляда на историю.

Как известно, не все законы истории идентичны законам природы. Они во многом различаются между собой, но эти различия не имеют принципиального характера, а являются лишь такими, которые укладываются в рамки

общих и специфических законов. Так, одним из общих законов природы можно назвать закон сохранения и превращения энергии, а специфическим проявлением его — закон превращения механической энергии в тепловую через трение. К специфическим законам природы относятся, например, закон естественного отбора и закон постепенной эволюции в мире живой природы. Они обладают необходимостью не менее, чем первые, общие законы, только сфера их действия распространяется на более узкий мир живого, то есть на мир лишь органической природы, Периодический закон Менделеева господствует в области физики и химии, а закон естественного отбора — лишь в биологии. Хотя мы и говорим «живое», но поскольку речь здесь идет о материальных существах, можно сказать, что они являются и физико-химическими существами и потому подчиняются также и общим законам, однако законы живой природы нельзя применить ко всей органической и неорганической природе.

Отношения общих и специфических законов включают в себя неограниченное число слоев. Хотя мы и говорим «общие законы», но это не означает, что они вечны и абсолютны. Общими они являются всего лишь по отношению к определенным специфическим законам. Следовательно, и специфические законы специфичны только по отношению к вышестоящим, общим законам, а по отношению к нижестоящим специфическим законам они также могут выступать в качестве общих законов. Применительно к человеческой истории имеются и такие законы, которые пронизывают ее с самого начала и являются общими, а по отношению к законам биологии они уже специфичны; точно так же и законы биологии по отношению к физическим законам тоже являются специфическими. Не только в мире живой природы, но и в мире истории имеются как общие, так и специфические законы, действующие на протяжении лишь определенной эпохи, в рамках определенной ступени общественного развития. Например, закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил является общим законом, неизменным с самого начала возникновения человеческого общества, но законы, которые господствуют в сфере производства и распределения капиталистического общества, едва ли могут действовать в других общественно-экономических формациях.

Мы, японцы, как и многие другие народы, живем в условиях капиталистического общества, которое возникло в ходе длительного и мучительного развития человечества через историю первобытного, рабовладельческого и феодального обществ. Все предшествующие формации имели свойственные им специфические законы. Законы развития этих общественно-экономических формаций изменялись соответственно присущему каждому из них способу производства материальных благ. Следовательно, специфические законы действовали в ограниченные определенные историческими рамками сроки. Эти сроки были различны по своей продолжительности, но ни один из них не имел такой длительности, какую имеет действие законов живого мира природы. Это тем более будет заметно, если сравнить длительность действия законов общественной жизни человека с длительностью действия законов неорганической природы, например с законами небесной механики, движения звезд и планет; длительность законов общественной жизни человека будет выглядеть в данном случае совсем незначительной. Таким образом, в то время как специфические законы, господствовавшие в мире истории, уже много раз сменяли друг друга, в мире природы в это время неизменно действовали и впредь будут действовать такие законы естествознания, как закон всемирного тяготения, закон электродинамики, закон сохранения и превращения энергии и ряд других подобных законов.

2. Идеализм и материализм

Какой же из законов, господствующих в человеческом обществе, является самым основным, коренным законом, пронизывающим все историческое развитие? При ответе на этот вопрос со всей ясностью выступает противоположность философских позиций. Если ответ исходит от идеалистов или сторонников религии, то в основу истории человечества кладутся такие сверхчувственные, метафизические начала, как бог или абсолютное ничто, а также «мировой разум» или «мировой дух». В таком случае, напомнив, что в основе явления находится сущность, подчеркивают, что явление представляет объект опытных наук, что же касается мира сущностей, то здесь уже следует опираться на философию и метафизическую интуицию или же на провидение бога, что превосходит человеческую

ограниченность. Это, разумеется, антинаучная позиция, и мы, материалисты, стоим на совершенно иной, противоположной точке зрения. Если решение проблемы ставится вне опытного доказательства, то оно тем самым оказывается и вне какой бы то ни было научной критики. Здесь приходится иметь дело лишь с субъективной верой и субъективными убеждениями, не имеющими ничего общего с научной достоверностью и научной субъективностью.

Типичный образец подобного решения вопроса представляет «Философия истории» Гегеля. В основе всемирной истории находится «мировой дух»; хотя и говорят о материальности природы, но сама природа является не чем иным, как самоотрицанием «духа» и проявлением его в природе; мир начинается не с материи, а с духовной идеальной сущности. Что касается исторического мира, то там люди лишь воображают, что они сами делают свою историю. В действительности же всеми их действиями, всеми их поступками управляет «мировой дух». Отдельные личности, поскольку они подталкиваются реальными, практическими интересами, хотя и руководствуются этим в своих действиях, но не являются подлинными творцами истории. «Хитрость мирового разума» пользуется намерениями, страстями и поступками людей в своих целях, неведомых и непонятных для людей. Согласно учению Гегеля, сущностью духа, разума является свобода. Поэтому, учит он, всемирная история есть прогресс в сознании свободы. Если взять этот вывод Гегеля в отрыве от всей его системы, то его можно было бы признать даже правильным. Возможно, и мы историческим путем придем к такому же заключению, но для этого уже с самого начала необходимо отбросить в сторону метафизическую интуицию Гегеля.

Платон когда-то сказал, что для достижения вечных истин необходимо направиться к «потустороннему существованию». Он считал, что тело является «тюрьмой» для души, и утверждал, что, пока над нами будут господствовать чувства и желания, мы никогда не сумеем выбраться из мира призраков. Явление — это и есть призраки. Чтобы познать истину, надо освободиться от оков органов чувств и проникнуться светом идеи. Только преодолев ограниченные пределы относительных, чувственных желаний и войдя в мир чистых идей, человек впервые может

познать вечную истину. Философия Гегеля явилась не чем иным, как модернизацией философии Платона.

Мы решительно отбрасываем подобную метафизическую, идеалистическую догматику и становимся на твердую почву достоверного, опытного, научного познания для рассмотрения законов истории. Эти законы вскрыты в качестве высших достижений научного познания всей прошлой истории человечества, но вместе с тем они представляют такие истины, которые в дальнейшем наряду со всеми возможными изменениями в будущей истории должны в своем содержании получать постоянное обогащение, изменение и развитие. Это уже не та «абсолютная истина», которая произвольно устанавливается метафизическим мышлением; здесь речь идет о другой истине, до конца обладающей объективным характером, ибо она опирается исключительно на объективные факты реальной действительности. Каков же тот объективный закон, который с самого начала пронизывает весь процесс развития истории человечества?

3. Движущая сила развития истории — развитие материальных производительных сил

Наш исторический мир приводится в движение прежде всего таким коренным материальным началом, как развитие экономических, производительных сил. Здесь проходит основная разграничительная линия между материализмом и идеализмом; здесь же расходятся в противоположные стороны и взгляды на историю. Известно, что основным вопросом философии, разделяющим материалистов и идеалистов, является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе. Что первично и является определяющим — материя, природа, бытие или же дух, мышление, сознание, идея? Разумеется, реальный исторический мир включает в себя и то, что наше сознание определяет как объективный мир. Этот факт никем не может быть опровергнут. Но если односторонне увлечься данным фактом и представить себе, что мир и его история есть результат творчества субъективной воли, это будет явным заблуждением. В мире с самого начала существует не бог и не идея, а только природа, материя. Диалектическое развитие материальной природы привело к возникновению жизни, затем — к рождению человека и появлению его истории. Научный подход к истории

мира, истории Земли неизбежно должен привести к материалистическому воззрению.

Итак, в основе истории находится материальная природа, и история человечества есть не что иное, как прогресс, развитие природы. А это значит, что становление человека, его история началась прежде всего с того, что он должен был как-то поддерживать свою жизнь, иначе говоря, жить в той реальной действительности, которая предоставлялась материальной природой. А что значит — жить? Это прежде всего обеспечить себя жизненно необходимыми продуктами. И в качестве пути к такому обеспечению человек избрал себе труд. Изготовив орудия труда и используя их, человек тем самым противопоставил себя природе. Обработывая материал природы, он использовал его затем для поддержания своей жизни. Труд, производство вещей — вот главное, что явилось основой становления человека и его истории. Развитие чувств, разума, целенаправленного сознания — все это следствие прежде всего труда. Поэтому важнейшим условием для понимания истории становления человека является познание того, какими орудиями пользовался и пользуется человек, что и как он производит. Развитие истории привело к возникновению и развитию самых различных идей, но в основе всех этих идей в конечном счете находится главный фактор — развитие экономических, материальных производительных сил. И если это основное положение передается забвению и в качестве основы существующей действительности выдвигается развитие идей, это означает не что иное, как то, что все ставится с ног на голову. Конечно, идеи двигают историю, но когда им придают некий вечный, абсолютный характер, утверждая при этом, что в основе истории действует дух или бог, это приводит к мистификации, и написанная с таких позиций история уже не может представлять подлинно научное познание.

Историческая наука может стать одной из наук только в том случае, когда она будет подлинно доказательной. Если с этих позиций подойти к истории с самых первых ее ступеней, с первобытно-общинного строя, то станет совершенно очевидным, что единственным и главным началом, которое определяло и определяет непрерывное движение, развитие истории, является, безусловно, развитие материальных производительных сил. Это не значит, что тем самым отрицаются другие факторы, действующие в

истории. Но как бы то ни было, все остальное уже вторично по отношению к развитию производительных сил.

Конечно, историки-идеалисты могут возразить против этого, сказав, что «не хлебом единым жив человек». Человек-де стал человеком не только на основе лишь материального начала, но и в результате подавления в себе материальных желаний во имя осуществления высоких нравственных идеалов, отдавая этому даже свою жизнь. По мнению идеалистов, настоящий человек тот, кто — пусть даже и жена у него лежит в больнице и дети кричат голодные — все свои силы отдает государству, обществу. Разве мы не встречаемся постоянно даже среди простых людей с такими фактами, когда они не просто гонятся за более высокими доходами, а выбирают себе такой жизненный путь, который хотя и не сулит им особых экономических выгод, но зато приносит моральное удовлетворение? Из всех этих рассуждений идеалисты делают вывод, будто материалистическое учение о том, что человеческое общество определяется прежде всего таким материальным началом, как производительные силы, является не более как произвольным вымыслом.

Однако так ли это в действительности? Везде человек рассматривается материалистами не просто и не только в тесной связи с материальной средой, и никто не возражает против того, что он является существом, живущим высокими идеалами и справедливостью. Чтобы убедиться в этом, нет необходимости оглядываться на других, достаточно припомнить свою собственную жизненную практику. Конечно, люди, как отдельные личности, могут сколько угодно следовать высоким идеалам, но если взять исторический путь человечества в целом и отойти от жизненной основы, мы ничего не сумеем понять в данном вопросе.

Из земли к небу тянется росток... И как бы высоко ни ценили мы красоту растения, которое, расправив листья и раскрыв цветок, поворачивается к солнцу, мы ни в коем случае не сможем отрицать тот неоспоримый факт, что свою пищу он получает из земли, погрузив в нее свои корни. Если ценность красоты отрывать от этого материального факта, если отрывать дух от материи, то при подобной метафизической абсолютизации мы, конечно, не сможем понять подлинной, живой истории. В мире нет ничего такого, что существовало бы изолированно, в застывшем, неизменном виде. В мире все взаимосвязано, все на-

ходится в постоянном движении, изменении, развитии. И чтобы природу и историю общества познать правильно, в их подлинной, живой конкретности, надо из всех этих связей уметь выделить основное звено. Если цепь этих взаимосвязей рассматривать спекулятивно, лишь с точки зрения идей, это и будет не что иное, как идеалистический подход. Рассмотрение же этой цепи взаимосвязей через материалистическую практику будет означать материалистический подход к жизни.

В прошлом на протяжении десятков лет я, будучи субъективистом, признавал только идеализм и считал, что хотя в истории человечества и не господствует такое по-тустороннее начало, как бог и абсолют, но все же — и это было для меня бесспорным — ведущая роль здесь принадлежит истине, справедливости, разуму, ценности, идеалу. Впоследствии мне стало ясно, что эта позиция далека от подлинной науки. И уж если браться за исследование реальной действительности, то цветок надо рассматривать в неразрывной связи с корнем, а идеалы нельзя отрывать от реальных, жизненных отношений. Как бы человек ни был увлечен самыми высокими идеалами, но, будучи лишен пищи, питья, одежды, он не сможет осуществлять свою идеальную жизнь. И когда об этом забывают, игнорируя, скажем, значение хлеба, тогда с пренебрежением начинают относиться и к тем, кто напоминает о хлебе, называя их вульгарными материалистами, не имеющими никакого представления о духе.

Правильное понимание положения о том, что человек жив не хлебом единым, означает, что большая часть человеческой жизни, можно сказать, основная ее часть, отдается именно проблеме хлеба. А раз так, отсюда следует, что, кроме этой, есть еще и другая часть жизни, тоже обладающая важным значением. Однако, как бы то ни было, жизнь человека начинается не с идеалов, идей, морали, религии, которые возвышаются над реальной действительностью, а именно с производства материальных благ, столь необходимых для его жизни. Животные получают свою пищу непосредственно от природы, человек же в противоположность этому может обеспечить себя жизненными благами только через труд, обрабатывая природные ресурсы. В этом и проявляется коренное отличие человека от животного.

Безусловно, на первых порах своего существования

человек, подобно другим животным, также питался непосредственно от природы, бродил по лесам и долинам, собирал дикie ягоды и орехи, поддерживая тем самым свою жизнь. Но в тот период человек еще не обладал свойствами человека. Это был предок человека, стоявший по своему образу жизни ближе скорее к животным, чем к человеку. Когда в качестве орудия или средства добычи пищи пользуются просто камнем или деревом, взятыми в их неизменном виде из природы, здесь еще нет того, что называют трудом, то есть деятельности по производству жизненных благ. Впервые ростки человеческого труда появились лишь тогда, когда человек сам начал изготавливать из природных материалов орудия труда и с их помощью добывать себе жизненные блага.

Человек стал человеком именно благодаря труду. Процесс труда является также основой развития чувств и сознания, в том числе таких высоких форм сознания, как память, воображение, суждение. Если взять основу развития истории человечества, она представится в виде развития истории труда, истории развития производительных сил. Всякое игнорирование этой основной точки зрения и увлечение рассмотрением лишь разрозненных исторических фактов в действительности, независимо от самых больших и добросовестных усилий, не может привести к правильному пониманию человеческой истории. Коренной недостаток всех религиозных и идеалистических воззрений на историю заключается как раз в том, что этот основной факт истории не рассматривается в качестве ведущего начала. Все самые высокие проявления человеческого интеллекта — нравственность, совесть, разум и т. д. отнюдь не даны человеку от века, сразу, без всякого опосредования, точно так же как и человеческие способности не являются ни абсолютными, вечными, ни даром божьим. Все, что имеется в мире реальной действительности, формировалось во взаимной связи с другими явлениями. Так, нельзя абсолютизировать разум человека и силу его суждений, предавая забвению взаимосвязь человека с окружающей средой. Взаимосвязь человека со средой начинается с простого процесса: раздражение — рефлекс; затем происходит постепенный переход к условным рефлексам. Если такое явление назвать более конкретно, это и есть изменение природы через производительный труд. И хотя в данном случае мы снова говорим о приспособлении к

среде, но здесь имеет место уже нечто новое, именно субъективное творчество, которое и составляет качественное отличие человека от других животных. Вот почему развитие разума или морали никак нельзя представлять изолированно, в отрыве от развития производительных сил.

§ 4. Законы истории (продолжение)

4. Соответствие производительных сил и производственных отношений

Второй основной закон истории, который пропозывает все развитие истории человечества, проявляется в том, что производственные отношения по-разному складываются в различные эпохи и должны соответствовать ступени развития производительных сил своей эпохи.

Развитие истории происходит на основе развития производительного труда. Но труд человека невозможно осуществлять в изоляции. Выделившись из природы, человек мог вступить в борьбу с ней и покорить ее не в одиночку, а только в коллективе. Впервые речь человека появилась лишь после того, как он, создав орудие труда, стал применять его для воздействия на природу, причем это воздействие осуществлялось, повторяем, не в одиночку, а на основе взаимопомощи людей, ибо труд всегда носит общественный характер.

Таким образом, производительный труд человека является, с одной стороны, деятельностью, направленной на природу, а с другой стороны — общественной деятельностью. Вот почему человек находится в двух сферах — природной и общественной. В отрыве от общественной среды вообще невозможно осуществление какого-либо производительного труда. Другими словами, выступив против природной среды, человек всегда находился и находится в определенных общественных отношениях, и именно при этих отношениях происходит развитие его производительных сил.

Производительные силы и производственные отношения постоянно взаимосвязаны. Нет таких производительных сил, которые бы действовали вне определенных производственных отношений. Производительные силы всегда носят общественный характер. Но они благодаря постоянному процессу совершенствования орудий труда на-

ходятся в непрерывном движении и развитии, в то время как производственные отношения, однажды сложившись, как бы застывают и в течение определенного, иногда длительного времени остаются неизменными. Производственные отношения являются той необходимой формой, которая призвана охранять производительные силы и создавать им возможность успешно развиваться. Но эту функцию производственные отношения выполняют только до тех пор, пока развитие производительных сил не достигло определенного уровня. За пределами этой границы они, как известно, становятся тормозом для дальнейшего развития производительных сил. Иными словами, производственные отношения уже не соответствуют развившимся производительным силам. При таком несоответствии возникают экономические противоречия, обостряются социальные противоречия и, наконец, начинаются бурные выступления и столкновения противоположных сил. Все это приводит в конечном итоге к ломке старых производственных отношений и к созданию новых их форм, соответствующих развившимся производительным силам. Разумеется, это весьма сложный процесс. Иногда такая замена одних форм другими происходит сразу, одним приемом, а иногда неоднократные попытки их замены кончаются поражением определенных сил, и в результате установление новых производственных отношений задерживается. Но как бы ни сдерживался этот процесс, те производственные отношения, которые уже не соответствуют развившимся производительным силам, не могут навеки оставаться в качестве их оков. Вопрос о смене таких отживших свой век старых производственных отношений новыми является лишь вопросом времени; и если к данной проблеме подойти с широкой, исторической точки зрения, то сразу же обнаружится, что здесь мы имеем дело также с естественноисторическим процессом.

В. И. Ленин, исходя из «Предисловия» К. Маркса к «К критике политической экономии», глубоко раскрывает естественноисторическую сущность развития истории. «До сих пор, не умея спуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные, — писал Владимир Ильич, — социологи брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, натывались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время — и оста-

навливались на этом... Материализм устранил это противоречие, продолжив анализ глубже, на происхождение самих этих общественных идей человека... Материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты.

...Потому еще эта гипотеза впервые создала возможность *научной* социологии, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом»¹.

Исторический материализм показывает, как человечество в своей общественной жизни переходило от первобытно-общинного строя к рабовладельческому, затем — к феодальному строю и от феодального — к капиталистическому. Современная эпоха является эпохой перехода от капитализма к новым производственным отношениям — к социализму. Но в ту отдаленную эпоху, когда человечество только на один шаг отошло от состояния животного и его производительные силы были еще крайне слабыми, человек лишь с большим трудом мог производить самый ничтожный минимум материальных благ, которого едва хватало ему для поддержания своей жизни. Причем тогда еще не было и не могло быть эксплуатации человека человеком; все люди в равной степени должны были вносить свою долю труда. Так сложились первые производственные отношения, отношения первобытно-общинные, которые соответствовали крайне низкому уровню производительных сил. Однако эти первоначальные производственные отношения давали простор для постепенного повышения производительности труда человека; а когда эта производительность достигала такого уровня, что трудом одного человека вырабатывалось значительно больше продуктов, чем было необходимо для поддержания его жизни, тогда появился новый класс, который сам уже не трудится, а только управляет, эксплуатирует и присваивает себе прибавочный продукт тех, кто трудится над его созданием. Это вновь появившееся общество получает па-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 136—138.

звание рабовладельческого. Но техника в ту пору остается все еще на очень низком уровне. Затем с течением времени, когда техника получила известное развитие, производственные отношения рабовладельческого строя начинают все более и более отставать от развития производительных сил и постепенно заменяются производственными отношениями феодального общества. В эту эпоху производственные отношения соответствовали тем производительным силам, на уровне которых главным средством производства было сельское хозяйство, то есть земля. В эпоху рабовладельческого строя основным средством производства был раб. Рабовладельцы держали в своих руках как экономическую, так и политическую власть.

В феодальном обществе, где владельцы земли — князья, даймё¹ — также крепко держали в своих руках политическую и экономическую власть, постепенно начинают развиваться товарно-денежные отношения, и тогда центр производительных сил перемещается сначала от ремесла к мануфактуре, а затем и к машинному производству. Происходит переход основных средств производства от земли к капиталу. Начинается эпоха капитализма, и, таким образом, властелином в области экономики и политики становится буржуазия. После, уже в условиях капиталистического общества, производительные силы начинают стремительное развитие и наконец достигают той ступени, когда их дальнейшее развитие в рамках этого общества становится невозможным. Одним словом, производственные отношения капиталистического строя лишь до определенного момента являлись формой, дающей простор развитию производительных сил, но вскоре затем они стали их оковами. Наступила эпоха социалистической революции. Ныне уже многие страны отбросили капитализм и развиваются по социалистическому пути, формируя и укрепляя новые производственные отношения. В основе этого развития находится как непрерывный рост экономических, производительных сил социалистических стран, так и соблюдение принципа их соответствия новым производственным отношениям.

Более подробно останавливаться на этих вопросах здесь нет необходимости. Мне хотелось поставить только

¹ Даймё — крупные феодалы, владельцы князья в средневековой Японии. — *Прим. перев.*

один вопрос и высказать свое отношение к его решению. Поскольку философия истории является методологией конкретной — исторической — науки, то следует показать, какой же закон является основным законом этой науки.

5. Базис и надстройка

Таким образом, все исторические эпохи имеют свой экономический базис в виде производственных отношений, которые соответствуют производительным силам каждой данной эпохи и составляют экономическую структуру своего общества. На этом базисе раскрываются цветы политических, правовых, моральных идей, всех видов искусства и всей культуры. Здесь мы подошли к третьему основному закону истории — закону об отношениях между базисом и надстройкой.

Главный вопрос, по которому происходит коренное расхождение между историками-материалистами и историками-идеалистами, — это вопрос о том, что признается основным началом, господствующим над всеми историческими явлениями, другими словами — что является базисом истории? Для тех, кто придерживается идеалистических позиций, базисом общества, как уже говорилось, служат такие идеальные, метафизические начала, как «мировой дух» или «мировой разум», «нравственная сила», бог, абсолютное ничто. Для материалистов этим базисом является такое доказательное, практическое и научное, материальное начало, как производительные силы и производственные отношения, составляющие в совокупности способ производства. С точки зрения первых в основе развития материального производительного труда человека действуют такие силы, как «мировой дух», «мировой разум» или же провидение бога; все материальное есть не что иное, как проявление самоотчуждения этих духовных начал. Но если вопрос решать с позиций материализма, то в основе всего духовного творчества лежит материальное начало, называемое базисом. До того как сознание начинает определять бытие, бытие определяет сознание. И поскольку человек — существо общественное, подобное общественное бытие и определяет общественное сознание. То, что лежит в основе процесса исторического развития, и есть общественное бытие в виде базиса. А общественное сознание и есть та надстройка, которая фор-

мируется на основе своего базиса. Исторический мир предстанет перед нами в двух совершенно различных видах, в зависимости от того, с какой из двух позиций мы подходим к истории. При рассмотрении истории возможна только одна из двух позиций; никакой «третьей», «нейтральной» не может быть. На практике, однако, имеются и такие историки, которые заверяют, что они придерживаются какой-то третьей позиции, хотя по существу это не что иное, как беспринципное шатание между двумя позициями. Подобные историки не в состоянии дать ни одного цельного, последовательного исторического исследования. При выборе одной из двух основных позиций необходимо руководствоваться главным, объективным, материальным, а не личными симпатиями или антипатиями, не субъективным и произвольным. Это не такой вопрос, при решении которого исходят из положения, что истинны обе позиции. Он должен решаться на основе достоверных фактов, на основе научной объективности. А исходя из таких принципов, нельзя не стать на материалистические позиции. Во всяком случае, если началом мира признать дух или провидение бога, то здесь ни в коем случае не остается места для достоверной науки. Достоверность же состоит в том, что становление человека начинается не от «мирового духа», не от «мирового разума», а от общественно-производительного труда, направленного на борьбу с природой. И эту истину невозможно поколебать. Что же касается различных химер, вроде утверждения: «вижу то, что невозможно увидеть, слышу то, что невозможно услышать», то следует сказать, что, сколько бы они ни доказывались с помощью мистики самой утонченной философской интуиции, они никогда не предстанут перед нами в виде научно доказуемых, объективных данных. Это не что иное, как порождение религиозного, метафизического подхода к реальным вещам.

Мы, материалисты, не идеализируем и не мистифицируем существующую вне нас и независимую от нашего сознания реальную действительность. Мы берем ее непосредственно, как она есть, и выясняем ту важную, основную роль, которая принадлежит борьбе за производство материальных благ в истории человечества. И за то, что мы, материалисты, говорим о материи, об экономике, идеалисты относятся к нам с презрением, так как здесь якобы принижается сущность человека. Но в действитель-

ности именно в идеализации человека и коренятся все основные недостатки идеализма. Наша реальная действительность отнюдь не такая уж сладкая, как порой представляют ее идеалисты. Без экономического базиса сразу же завянет любая культурная, духовная деятельность, подобно лишенному корня цветку. В основе любого исторического общества всегда находится в качестве его базиса определенная экономическая система, представленная производственными отношениями, связанными с производительными силами каждого данного общества. Если это не учитывать, то об истории нечего и говорить.

С самых древних времен, как и в наши дни, каждое общество обладало и обладает своим экономическим базисом, и на этой основе разворачивались все исторические явления. Но в таком случае что же представляют собой этот базис, эти производственные отношения? Производственные отношения того или иного общества выражают прежде всего отношение собственности к основным средствам производства, в центре которых находятся производительные силы данной эпохи. В рабовладельческом обществе, как известно, главную производительную силу составляли рабы, в феодальном — крепостные, а также земля, в капиталистическом — капитал. В чьих руках находились производительные силы, тот и играл руководящую роль в истории данного общества. Эти же отношения собственности порождали антагонизм между теми, кто владел средствами производства, и теми, кто был лишен их, ибо форма распределения продукта осуществлялась в соответствии с формой собственности на средства производства. Само собой разумеется, что при праве собственности на средства производства всех членов данного общества подобные вопросы не могут и возникнуть. Однако общество, где имеется частная собственность на средства производства, неизбежно распадается на классы, и между ними с необходимостью возникают и развиваются враждебные отношения.

С появлением базиса над ним возводится и соответствующая надстройка — политический и правовой аппарат общества, а также его политические, правовые, нравственные, религиозные, философские и художественные взгляды. И если забыть о том, что такая надстройка формируется только на основе своего базиса, и не понимать ее как временную, относительную, появившуюся на основе

определенных исторических условий, то она обычно начинает представляться каким-то непоколебимым порядком, вечным и абсолютным, как вселенная, как безусловная истина.

Так, для людей феодального общества сословия воинов, крестьян, ремесленников и торговцев представлялись вечными; вечной считалась и мораль, разработанная на основе учения Конфуция и его последователя Мэн-цзы (ок. 372—289 гг. до н. э.). С наступлением периода Мэй-дзи (после буржуазной революции в Японии 1868 г., сохранившей множество феодальных пережитков), когда устанавливался монархический строй во главе с императором, начинает усиленно распространяться учение о том, что император является сверхчеловеческим существом и к нему нельзя даже прикасаться, как к святому. Для императорского дома народ должен был отдавать все. И в этом проявляется истинный «дух ямато», дух японского народа, сущность тогдашнего государственного строя, который не имел ничего равного себе во всем мире. Мораль, насаждаемая на основе императорского рескрипта о воспитании, объявлялась вечной, абсолютной, как мораль, которая «ни прежде, ни теперь не ошибается, применима как вне, так и внутри страны».

Но когда на все это смотришь сегодня, то оказывается, что ни политический строй, ни идеология тех времен не являлись ни абсолютными, ни вечными. И политический строй и идеология представляли не что иное, как надстройку, возведенную над феодальными производственными отношениями, над феодальным базисом. В историческом обществе нет явлений отдельных, разрозненных, существующих в отрыве друг от друга; все они поддерживают свое существование, свои особенности только во всеобщей взаимосвязи. Причем эта взаимосвязь вовсе не подобна той, которая наблюдается в природе, например когда одна лоза виноградника обвивается вокруг другой; в обществе имеются определенные отношения основы и того, что опирается на нее. И если не вникнуть в структуру взаимосвязей общественных, исторических явлений, а ограничиться рассмотрением их лишь как однопорядковых, то нельзя будет понять и действительных причинно-следственных связей между различными явлениями исторического мира. Достоверное, эмпирическое — это не просто чувственное впечатление само по себе, без всякого

добавления рационального, научного упорядочения. Научное познание формируется только в том случае, если чувственное впечатление упорядочивается на основе рациональных понятий и законов.

Само собой разумеется, что общие понятия и законы вовсе не конструируются априорно в голове философа, а формируются на основе бесконечного повторения практики и в дальнейшем постоянно совершенствуются в ходе развития науки. Затем при следующем поколении ученых они подвергаются дальнейшей, еще более строгой научной шлифовке. Здесь мы имеем дело уже с прогрессом науки.

Закон базиса и надстройки впервые был сформулирован Карлом Марксом. Однако буржуазные ученые всячески игнорировали это его открытие, хотя сами, подобно кораблю без компаса в темную ночь, продвигались, не зная куда, и занимались только тем, что нанизывали подряд все исторические факты, не придерживаясь ни определенного принципа, ни направления. И если буржуазные историки и впредь ничего не изменят в этом отношении, им никогда не добиться прогресса исторической науки.

По учению Маркса, производственные отношения, как соответствующие определенной ступени развития материальных производительных сил данного общества, формируются исторически, закономерно. Формируясь в качестве экономической структуры общества, они становятся базисом для различных явлений исторической действительности; над базисом устанавливается соответствующая ему правовая и политическая надстройка, а затем — определенные формы общественного сознания: религия, мораль, идеология, искусство, философия. Таким образом, способ производства материальной жизни обуславливает в целом процесс общественной, политической и духовной жизни. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание», — говорит Маркс в «Предисловии» к своей книге «К критике политической экономии»¹.

Задача историков вовсе не в том, чтобы составлять хроники с простым перечислением общественных явлений, а в том, чтобы выяснять причинно-следственные связи между ними. Но при выяснении этих связей ни в коем случае нельзя ограничиваться только миром созна-

¹ К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.

ния и идей. «Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает,—указывает далее Маркс,—точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию»¹. Когда врач ставит диагноз больному, он делает это не на основе сознания самого больного. Правильным его диагноз будет только тогда, когда он причину болезни ищет в материальных, физиологических изменениях организма. То же самое можно сказать и в отношении изменений в общественно-экономических формациях: здесь та же связь. Идеалисты как раз и забывают то положение, что наши идеи и понятия являются надстройкой, порождаемой базисом. Поэтому они берут их изолированно и абсолютизируют, полагая, что история создается именно на основе этих идей. Так они приходят к упрощенному пониманию человеческой истории, утверждая, например, что историю произвольно творит сам человек. В действительности же она развивается не произвольно, на основе только свободной воли человека, без всякой закономерности, а вполне закономерно.

Несомненно, человек действует, руководствуясь своей определенной целью; именно на такой основе он изменяет природу и управляет экономикой. То, что сознание, идея воздействует на материальное и изменяет это материальное,—все это факты, которые невозможно опровергнуть. Но ведь эти идеи, это сознание порождаются отнюдь не из ничего, не сами по себе, а всегда из материальной основы. Точно так же нельзя представить себе и такое общественное сознание, которое не формировалось бы на основе общественного бытия.

Какой бы глубокой и возвышенной ни казалась философия Платона, она могла трактовать о вечной истине не в пустом пространстве, а в атмосфере рабовладельческого общества Древней Греции, в качестве идеологии господствовавшей там аристократии. Когда К. Маркс в конце 40-х годов XIX столетия писал «Манифест Коммунистической партии», в Дании в это же время выступил Кьеркегор. И это почти одновременное выступление двух основоположников — с одной стороны, диалектического материализма, с другой — экзистенциализма,— было вовсе не случайным явлением, лишенным социальных,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.

экономических оснований. Разумеется, здесь имелась и некоторая случайность. Но в глубине самой этой случайности действовала необходимость, которая отнюдь не была простой случайностью. Когда капиталистические противоречия начали проявляться с нарастающей остротой, люди, оказавшись перед лицом такого явления, пошли по двум диаметрально противоположным направлениям: одни избрали субъективно-идеалистический путь, ведущий к религии, другие стали на путь объективно-материалистических действий, ведущих к социалистической революции. Так одни и те же изменения в общественном бытии породили и Кьеркегора и Маркса. Как же после этого можно утверждать, что идеи, будучи надстройкой, по существу, опираются в своем логическом развитии только на самих себя?

При разрушении старого базиса и создании нового происходит соответственно и смена надстройки. Но разве при этом нет никакой преемственности, никакой непрерывности? Если бы этого не было, были бы возможны лишь поверхностные изменения и не было бы развития в подлинном значении данного слова. Разве в классовом обществе идеология не включает в себя элементы объективной истины? Если бы этого не было, она не могла бы влиять на массы (хотя бы временно). Причем следует иметь в виду, что эта идеология, будучи классовой, не может избежать того, чтобы в известной степени (или даже в очень большой степени) не быть извращенной с целью укрепления и поддержания своего общественного строя. Эти извращения подвергаются критике со стороны угнетенных классов. Идеология нового революционного класса, который выступает в качестве силы, созидающей новое общество, созревает в лоне старого общества. Такова была идеология демократического гуманизма класса горожан нового времени, которая открывает эпоху Возрождения искусства и литературы, направленную против религиозной идеологии средневекового феодализма.

Но и эта идеология, поскольку она становится исторической идеологией в новом классовом обществе, еще больше включает в себя сравнительно с предшествующей эпохой такие истины, которые могут быть подвергнуты критике и исправлены, ибо она не может избежать той ограниченности, которая присуща идеологии всякого классового общества.

Указанная ограниченность идеологии впервые преодолевается при выступлении на арену исторической борьбы того нового класса, который облечен миссией уничтожения классов во всем мире; этим классом с такой исторической миссией является именно пролетариат. Здесь впервые становится возможным единство идеологии и объективной истины. Социалистическая мораль, вырастая из традиций буржуазной демократии, воплощается в виде современного нового искусства и пролетарской демократии. Диалектический материализм как мировоззрение подводит итог всем открытиям современной науки и является классовой, партийной идеологией нового революционного класса современности, причем это мировоззрение непрерывно продолжает совершенствоваться в направлении научной объективности и общечеловеческой значимости.

Таким образом, история идеологии показывает, что в каждую данную эпоху она соответствует изменившемуся базису и в то же время всегда извращается в соответствии со своим особым базисом, не дающим ей возможности развивать свою собственную, независимую логическую систему, но одновременно внутри этой идеологии имеется и частица объективной истины, которая развивается в одном направлении через смену эпох и общественных классов.

Историки-идеалисты свое исследование общества начинают с истории политических и правовых идей, литературы и искусства, морали и философии, игнорируя при этом его экономический базис. Разумеется, такое исследование не может вскрыть содержание и глубину подлинной реальной истории. Ошибочным является и тот подход, когда в классовой идеологии вообще отрицают наличие элементов объективной истины. Истина диалектически развивается через сложный исторический процесс классовой борьбы в области идеологии.

Итак, в основе каждого общественно-экономического строя имеются определенные производственные отношения, которые и составляют экономический базис данного исторического общества. Над базисом возводятся правовая система и политическая организация с соответствующими им идеями в области морали, искусства, религии — словом, всеми формами общественного сознания. Все это преподносится в каждую эпоху как раз и навсегда данное, вечное и неуничтожимое. На самом же деле это все-

то лишь надстройка над базисом, призванная укреплять и поддерживать его. И при рассмотрении любых исторических явлений следует исходить именно из такой взаимосвязи базиса и надстройки. Таков третий основной закон исторического развития человеческого общества.

6. Классовый характер общества и классовая борьба

Наконец, рассмотрим четвертый основной закон, движущий историю, — закон классовой борьбы, который до сих пор почти полностью игнорировался историками-идеалистами, хотя в действительности он имеет чрезвычайно важное значение.

За исключением первобытной общины с ее неразвитыми производительными силами, все последующие общества были основаны не на свободе и равенстве людей, а на классовом антагонизме, при котором господствующие классы, опираясь на экономические и политические привилегии, подвергали эксплуатации и угнетению трудящиеся массы. Это становится совершенно ясным уже при простом объективном рассмотрении истории, даже если при этом не опираются на марксистское мировоззрение. Больше того, падение феодальной системы в новое время и развитие капитализма, затем все современные общественные потрясения, войны и различные другие события — словом, все и везде связано в своей основе прежде всего с классовой проблемой. Бурные потрясения современной истории также происходят на основе все той же классовой борьбы.

И если некоторые историки игнорируют факт классовой борьбы или, исходя из соображений морали, отвергают правомерность такой борьбы, это свидетельствует о том, что они вообще не смогут правильно обращаться с объективными фактами исторической действительности.

Далее, если нельзя игнорировать классовую борьбу в прошлых обществах, неизбежно возникавшую из противоположности интересов, то это тем более недопустимо в современном мире. Современная эпоха представляет собой эпоху все более обостряющейся классовой борьбы, эпоху, когда эта борьба является главной силой, с нарастающей скоростью двигающей вперед всемирную историю. Поэтому отрицать в подобных условиях значение классовой борьбы как основной движущей силы исторического раз-

вития могут только те историки, которые не обладают ни чистой совестью, ни научным мышлением.

Исходя из этого, я и выдвигаю классовый характер общества и связанную с ним классовую борьбу как четвертый основной закон развития человеческого общества, действующий в основе движения и развития всей истории. Однако этот закон в качестве всеобщего закона человеческой истории отличается одной особенностью: он не применим к бесклассовому обществу.

7. Историческая наука и философия истории

Итак, мы пришли к выводу, что мир истории, будучи дальнейшим развитием мира природы, обладает естественно-исторической необходимостью, закономерностью. И именно поэтому историческая наука имеет возможность стать закономерной, подобно всем другим наукам. И пусть даже человек обладает известной свободой, он все равно не в состоянии отменить закономерную необходимость истории. Современный капитализм сегодня вступил во второй этап своего всеобщего кризиса. В этих условиях мелкобуржуазная интеллигенция, например, будучи промежуточной прослойкой, может или стать сторонником консервативного класса, поддерживая курс буржуазно-демократического либерализма, или примкнуть к революционному движению в качестве сторонника нового класса — пролетариата. И конечно, избрание одного из двух путей в известной мере находится в зависимости от свободной воли той или иной личности. Более того, свободное решение данной личности может оказать свое влияние на ход истории, придать определенное направление тому или иному течению, ускорить или замедлить его движение.

Однако, когда экономические, производительные силы того или иного общества достигают определенной ступени развития, тогда едва ли можно будет отменить одной лишь свободной волей подобной личности неизбежность создания новых производственных отношений, соответствующих этой ступени развития производительных сил. Разрушение старого и возникновение нового происходит отнюдь не на основе случайностей; точно так же и свобода человека проявляется не на основе игнорирования

необходимых закономерностей природы, не в действиях вопреки этим закономерностям, а на основе познания их, опираясь на них и используя их соответственно своим жизненным потребностям

Повторяем, историческая наука без познания закономерностей истории не может стать подлинной наукой. Но само познание этих закономерностей не составляет непосредственного объекта исследования исторической науки. Это уже объект другой науки — философии истории, которая называется историческим материализмом. Историческая наука, осуществляя свои исследования при опоре на закономерности истории, безусловно, может внести определенный вклад в развитие такой философской науки, не делая это непосредственной целью своих исследований.

Историков от ученых в области естественных наук отличает то, что они не все признают наличие закономерностей в истории. Единственно, кто признает историческую науку как закономерную науку, так это лишь историки, стоящие на материалистических позициях.

А ведь история представляет собой именно такую науку, которая связана с исторической практикой, ибо знание истории есть знание происхождения и становления нашего настоящего. Без знания прошлого невозможно правильно понять и настоящее. И если настоящее обладает какими-то индивидуальными чертами, то не лишено их в известной степени и прошлое. Япония обладает японским прошлым, Китай — китайским. Установление этих различий настоящего является той основой, которая заставляет нас идти в своих поисках по соответствующим оригинальным путям. Но, само собой разумеется, в истории есть и всеобщие законы. И в Англии, и во Франции, и в Японии — всюду действуют всеобщие законы движения и развития. Познание этих законов также весьма важно. Однако задача исторической науки заключается вовсе не в том, чтобы строиться только на основе этих всеобщих законов. В исторической практике копирование невозможно. Каждый шаг исторической практики всегда оригинален, он не повторяет пройденные пути предыдущих поколений. Если вместе с улавливанием закономерностей реальной действительности не уловить ее индивидуальность, то и историческая практика не может быть правильно осуществлена.

Только тогда, когда становятся на позицию практического настоящего и оттуда оглядываются на свое прошлое, чтобы познать, через какое прошлое установилось это настоящее, и уже после этого приступают к сознательным действиям,— только тогда безошибочно устанавливается правильное направление действий, нацеленных на будущее. Историческая наука создается отнюдь не в соответствии с субъективными интересами и вкусами дилетантов. Активно продвигающаяся вперед нация не может не знать своей истории, ибо такое знание помогает ей направлять свое настоящее по закономерному пути. А познание, как известно, не ограничивается исследованием только общих закономерностей. Один из древнегреческих философов любил повторять: «Познай самого себя». И действительно, практическое познание каждой нацией своей истории не ограничивается лишь познанием закономерностей развития человечества в целом.

Но при этом нельзя игнорировать и всеобщих связей и законов. Больше того, если не опираться на такие всеобщие законы, невозможно будет выявить и то своеобразное, индивидуальное, что имеется в конкретной действительности. Подобно тому как невозможно дать подлинную историю таких стран, как Англия и Франция, в отрыве от всего европейского мира, так же точно нельзя написать и историю Японии вне связи с Китаем и Кореей. Это тем более справедливо, если взять историю с начала XIX века, а в особенности наш век: любое событие внутри той или иной страны тесно связано сейчас с международными событиями, точно так же как международные события связаны с событиями внутри отдельных стран. Сегодня невозможно писать историю той или иной нации вне всемирной истории, точно так же как вне подобных всеобщих исторических связей невозможно выявление всеобщих закономерностей.

Но значит ли это, что здесь хоть в какой-то степени умаляется значение отдельных исторических описаний? Конечно, нет. Хотя связь со всеобщим и придает конкретному событию какое-то особое значение — уже как чему-то всемирно-историческому, но именно на фоне всемирно-исторического это событие выступает в своей индивидуальности, конкретности, и здесь проявляется его подлинно исторический смысл. Если не познать подобную «историческую» индивидуальность в ее конкретном существова-

нии, тогда мы не сумеем правильно познать и себя. А если у вас нет знания о самом себе, тогда едва ли возможно установление и своей индивидуальной сознательной деятельности. Поскольку история является описанием процесса причинно-следственного развития индивидуальных фактов, происходящих только один раз, то нельзя ограничиться лишь простым признанием наличия всеобщей закономерности в истории.

И это относится не только к рассмотрению биографии отдельной личности или истории отдельной науки, но и ко всемирной истории.

Всемирная история — не просто всеобщая история; она имеет также свое индивидуальное настоящее время. С самого начала истории человечества наибольшей индивидуальностью обладает всемирная история второй половины XX века. А раз так, то и здесь имеется та индивидуальная реальная действительность, которую невозможно растворить на основе всеобщей закономерности.

Таким образом, я и здесь выступаю вместе с материалами, которые подняли историческую науку на уровень закономерной науки. Здесь я пытался выяснить роль исторической науки и философии истории. Философия истории занимается исследованием исторических закономерностей, а историческая наука использует данные философии истории в качестве своей методологии, чтобы дать правильное познание индивидуальности своего настоящего времени.

Я не историк, но для меня совершенно ясно, что историческая наука не должна ограничиваться лишь простым описанием, перечислением исторических явлений; она должна также тщательно выявлять необходимые связи между этими явлениями и не оставаться равнодушной к тем закономерностям, которые выясняются через эти связи. Если же в истории уже с самого начала отрицается наличие закономерной необходимости, то такая идеалистическая позиция может привести лишь к догматизму, который ничего общего не имеет с наукой.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

§ 1. Историческое пространство и географическое пространство

В нашей повседневной жизни мы не часто употребляем выражение «историческое пространство». Обычно полагают, что история сама по себе есть временная категория, ибо она изменяется и развивается во времени. Поэтому, когда говорят «историческое пространство», может показаться, что здесь искусственно связаны между собой два несовместимых понятия. Однако в действительности время и пространство — абстрактные категории, которые, подобно количеству и качеству, взаимно дополняют друг друга, в результате чего может возникнуть новое конкретное явление, ибо в реальном мире нет количества без качества и качества — без количества. То или иное количество всегда имеет определенное качество, а качество всегда характеризуется определенным количеством. И подобно этому, нет также времени, не имеющего какой-либо пространственной определенности, как нет и пространства без временной определенности. В действительности любое пространство обязательно имеет исторический характер, а любая история — пространственный характер.

В таком случае, что же собой представляет историческое пространство? Историческое пространство означает, что история вовсе не подобна прямой линии, не имеющей ни ширины, ни толщины, а всегда обладает определенным распространением пространственной среды. Историческое мировоззрение не может брать просто отдельные вещи или отдельных людей, ибо одна личность поддерживает свое существование всегда в связи с другой личностью. Поэтому даже биографию отдельной личности невозможно излагать, упуская из виду ее связи с природной и обще-

ственной средой своей эпохи. Каждая личность формирует историю внутри подобной целостной среды как звено данной среды.

Итак, исторический мир можно назвать пространственным, поскольку он является местом взаимодействия между средой и субъектом. Исторический мир — не просто мир определенной среды и определенного субъекта, а мир взаимоопосредования этих двух сторон. Причем определенная среда включает в себя одновременно и географическую среду и человеческое общество. Другими словами, человек, создающий историю, находится в двух средах — природной и общественной. Но по времени первоначальной средой была природа. Во всяком случае, человек, прежде чем стать детищем общества, является детищем природы, ибо он порожден природой как последний и высший продукт исторического развития ее. И. Я. Бахофен (1815—1887), видимо, это и имел в виду, когда писал: «Материя, которая как мать породила бога-мужчину, теперь стала женой этого бога. По преданию, Бахус, будучи сыном Афродиты, стал ее супругом. Таким образом, в единстве выступают мать, жена, сестра. Материя воплощает в себе переходы качества»¹.

Хотя форма здесь и идеалистическая, но в ней выражена интересная мысль Природа и есть основное опосредование исторического мира; можно сказать, что именно она является материнским чревом исторического человека. Но, появившись из природы, человек стал творческим субъектом, создающим историю, а природа становится объектом его действий (партнер-жена), в результате чего человек должен был стать господином природы, покорить ее своей воле. Другими словами, прежняя мать становится женой и сестрой. Можно сказать, что история человека есть процесс превращения природы из матери в жену и сестру. А если так, то каким образом произошло это рождение человека матерью-природой и какое влияние оказывала и оказывает природа на человека?

Во-первых, свое воздействие на способ жизни человека она оказывала при помощи климата. На Северном и Южном полюсах, как известно, нет условий для жизни человека. Нельзя также сказать, что и пустыни тропического пояса способствовали появлению человека. Уме-

¹ Bachofen, Grabersymbolik der Alten

ренный холод стимулирует упорство и устойчивость. История возникла в сравнительно жаркой местности, а затем в процессе ее дальнейшего развития стали преобладать северные мотивы культуры, и, надо полагать, это было не случайным явлением. История человечества возникла на равнинах Египта и Месопотамии, затем переместилась в Грецию и Рим, а оттуда — в центральную часть Северной Европы; точно так же и японская культура, зародившись на острове Кюсю, переместилась на Север, в центральную часть острова Хонсю. В обоих случаях перемещение центров культуры в северные районы было вызвано, видимо, климатическими условиями. Точно так же и различие диалектов, очевидно, есть следствие влияния климатических условий: на юге гласные звуки произносятся четко, на севере — бегло, как бы скрадываясь. Эта мысль получает подтверждение при сравнении французского и немецкого языков, а также при сравнении местных диалектов японского языка Кансай и Тохоку. Не является ли общим для всего мира приветливость и жизнерадостность южного человека при молчаливости и замкнутости северянина?

Во-вторых, огромное влияние на развитие человека и его культуры природа оказывала своими географическими условиями — наличием рек, морей, гор. Общеизвестно, что культура человечества зародилась прежде всего в долинах рек. Так, египетская культура появилась в долине реки Нил, месопотамская — в бассейне Тигра и Евфрата, китайская — в долинах рек Хуанхэ и Янцзицзян, наконец индийская — в долинах Ганга и Инда. Города, представлявшие центры уже довольно высоко развитой культуры, возникали на реках и большей частью при их впадении в море, причем следы этого остаются и поныне. Разливы рек обогащали почву и содействовали появлению и развитию сельского хозяйства, а развитие сельского хозяйства содействовало появлению и развитию городов, центров торговли сельскохозяйственной продукцией.

Моря сначала отдаляли людей друг от друга, но по мере развития средств связи создавались условия для все более тесных взаимосвязей их. Средиземное море называли «внутренним», так как пути сообщения по этому морю явились центром древнегреческой и древнеримской культуры. Древнюю культуру называли еще

«средиземноморской», а древний мир — «средиземноморским миром», ибо в действительности самая высокая культура древнего мира развилась по побережьям Средиземного моря, куда включалась Малая Азия и северная часть Африки. Впоследствии, вместе с дальнейшим развитием средств производства и средств связи, центры культуры переходят на побережье сначала Атлантического, а затем и Тихого океанов. Само собой разумеется, что эти перемещения свидетельствуют уже не о географическом влиянии, а, наоборот, о том, что развившаяся культура человека в свою очередь влияет на географические условия. Здесь можно говорить даже о взаимопосредовании человеческой культуры и географических условий, но при этом нельзя не принять во внимание силу, которая уже действует независимо от географических условий.

Горы не сравнишь с морями, ибо они сильно препятствовали общественным связям людей, и их влияние было скорее отрицательным. Конечно, в наше время эти препятствия успешно преодолеваются, но при этом не следует забывать, что здесь требуются исключительно большие усилия. Вот почему историческая культура человечества разворачивалась прежде всего на равнинах. Горные местности требовали для своего развития известного времени и потому обычно отставали.

В-третьих, природа имеет для нас важное значение и как источник жизненных ресурсов. Для человека она была сначала просто своего рода кладовой, дающей ему пищу. Поэтому решающее значение для поддержания жизни первобытного человека имели такие факторы, как степень естественного плодородия почвы, наличие обилия рыб в водоемах, дичи и диких плодов в лесах. Затем с развитием производительных сил природа стала приобретать важное значение как источник различных средств труда. Первоначально на судходных реках люди использовали в основном такие материалы, как дерево, металл, каменный уголь, нефть, затем источником дешевой энергии, в том числе и электрической, становятся горные потоки и водопады... Использование всех этих природных ресурсов дает возможность человеку расширять места своего жительства, и он устремляется в различные концы мира. Если раньше пригодными для местожительства были обычно равнины и побережья мо-

рей и рек, то теперь в поисках таких ресурсов, как железо, каменный уголь и нефть, марганец и хром, человек проникает в недра гор. Вот почему влияние географических условий на человека нельзя представлять как нечто раз и навсегда данное, застывшее; оно изменяется вместе с развитием истории человечества, особенно в соответствии со степенью развития производительных сил человека. Земли, которые раньше не имели никакой ценности и иногда служили скорее даже помехой в жизни человека, впоследствии привлекают внимание всего мира как кладовые важнейших ресурсов. В качестве примера можно напомнить Калифорнию на западе Америки. А сегодня повсюду ищут урановую руду как сырье для атомной промышленности. Таким образом, первоначально географические условия определяют возникновение и рост культуры, а затем по мере развития сама культура в свою очередь начинает определять географические условия.

Те социологи и историки, которые придают географическим условиям особое значение и подчеркивают решающую силу влияния географической среды на историю человечества, представляют собой сторонников так называемой «географической школы». Они полагают, что именно географическая среда влияет на психологию и физиологию людей, определяет их наклонности и характер и потому является определяющей причиной, движущей всем общественным строем. Один из идеологов французского просветительства, Монтескьё, в своем произведении «О духе законов» писал: «...чрезмерная жара подрывает силы и бодрость людей, и... холодный климат придает уму и телу известную силу, которая делает людей способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным». И далее он продолжал: «...малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу»¹.

В этих суждениях, безусловно, преобладает односторонность в подходе к явлениям, ибо, признавая влияние географической среды на человека, не следует забывать, что и человек в свою очередь влияет на природу и даже

¹ III. Монтескьё, Избранные произведения, Госполитиздат, 1955, стр. 387.

господствует над ней. Человек действительно находится под влиянием воздействия сил природы, и нельзя игнорировать значительность этого влияния, однако нельзя также игнорировать и воздействие человека на природу, изменение им географической среды и, наконец, даже его господство над природой. К тому же развитие исторической культуры человека постепенно сводит влияние природы к минимуму, в то время как влияние человека на природу все время развивается и усиливается, направляясь в сторону максимальных возможностей. В самом начале своей истории человек, как крайне слабое существо, буквально дрожал в страхе перед силами природы, угрожающими его существованию, и с большим трудом, еле-еле поддерживал свою жизнь. Теперь же человек является скорее господином природы, ему покорны морские глубины и небесная высота, бурные потоки рек и высочайшие вершины гор.

Таким образом, при неизменности географических условий человек по мере изменения исторических социальных условий создает совершенно отличную от прежней историю общества. Те народы, которые когда-то создавали древнегреческую и древнеримскую культуру, оказавшую огромное влияние на историю Европы и явившуюся колыбелью мировой культуры, сегодня уже не играют такой роли. Географическая среда этих народов не изменилась по сравнению с древней эпохой, однако история и общественная роль живущих здесь людей приобрела совершенно иное, чем в эпоху древности, значение. Бокль, английский историк и социолог-позитивист, в своем произведении «История цивилизации в Англии» пошел дальше Монтескье и стал утверждать, что не только климат, но и особенности ландшафта, почвы и географического положения, включая питательную среду, оказывают влияние на характер и психику наций, определяя даже общественно-политический строй. По мнению Бокля, частые повторения таких явлений, как вулканические извержения, землетрясения, штормы, порождают у людей страх и суеверие и одновременно создают условия для увеличения влияния и даже господства церкви и церковников. Бокль полагал, что природа таких стран, как Греция и Англия, способствует развитию логического мышления и научного познания; что же касается Испании и Италии (по-видимому, к ним

можно присоединить и Японию), то в них нельзя избежать распространения суеверий и значительного влияния поповщины. Мы не можем полностью отрицать влияние подобных сил. Однако рассматривать историю только с этой стороны было бы явной односторонностью. Тенденция признания важного значения влияния сил окружающей среды на человека ведет скорее к материалистическому пониманию истории, чем к идеалистическому. Но современный развитый, диалектический материализм совсем не ограничивается простым настаиванием на «материализме». Материализм философский часто путают с тем «материализмом», который чужд высоким идеалам. Такой «материализм» скорее присущ капиталистическому общественному сознанию. Диалектический же материализм вовсе не принижает, не игнорирует историческое значение человеческого сознания. Природа — основа истории, ибо история человечества представляет собой дальнейшее развитие истории природы, и рассмотрение истории человечества в качестве единого естественно-исторического (закономерного, необходимого) процесса как раз и составляет особенность материалистического взгляда на историю. Но при этом здесь вовсе не игнорируется различие между человеком и животным, ибо исторические и естественно-географические явления отнюдь не звенья одной цепи.

В одинаковых географических условиях, как известно, не повторяются одинаковые исторические явления. Конечно, географические условия накладывают свой отпечаток на народы. Народы Советского Союза отличаются от японцев. Китайцы, жители материка, отличаются от островных жителей — японцев. И, сколько бы времени ни прошло, эти различия, видимо, так и не сгладятся. Но в то же время нельзя не принимать во внимание и такие исторические факты, когда в районах с совершенно одинаковыми естественно-географическими условиями имеются страны и государства с прямо противоположным политическим строем и мировоззрением.

Таким образом, географическое пространство для человеческой истории, для общественной жизни является постоянно действующим условием среды, и к тому же почти неизменным. Однако субъективная практика усилий человека становится все более независимой от этих условий. Человек на основе своей практики может корен-

ным образом изменить способ общественной жизни и содержание культуры. Поэтому так называемое географическое пространство не может быть определяющей движущей силой «изменения» и «развития» общества.

Основной недостаток сторонников географического направления заключается в том, что отношение человека к природе они рассматривают как пассивное, не будучи в состоянии оценить его активную деятельность. Человек в отличие от животных не просто приспосабливается к географическим условиям природы, а через производительный труд и развитие последнего сам приспособляет ее к своим потребностям. Дождь, ветер, вода, электричество теперь не только не угрожают человеку, а, наоборот, всесторонне используются им. В наше время человек в состоянии изменять даже климат. Для развития промышленности ныне нет таких препятствий, как отсутствие сырья в своей стране. Те материалы, которые раньше считались непригодными как жизненные ресурсы, сегодня стали уже весьма ценными. Английская хлопчатобумажная промышленность развилась на основе ввоза хлопка, выращенного в Индии и Египте. Нефть Индонезии, Ирана, Ирака добывалась и использовалась Америкой, Англией, Голландией. Из каменного угля теперь вырабатывают синтетический каучук, пластмассы, бензин.

До самого последнего времени экономическое и культурное отставание стран Восточной Азии, Африки и Южной Америки многие ученые объясняли особенностями их географических условий. Но это не соответствует истине. Подлинная причина отсталости и нищеты народов этих стран в том, что господствовавшие здесь капиталистические государства в своих экономических и политических интересах и не развивали по-настоящему промышленность данных стран, не заботились о нуждах этих народов, а, напротив, усиленно проводили там политику колониального и полуколониального гнета и эксплуатации. Возьмем для примера Индию. Ее природные богатства таковы, что могли бы с избытком обеспечить жизнь всего населения этой страны. Однако подавляющее большинство ее народа все еще остается в чудовищной нищете; будучи связан по рукам и ногам, индийский народ, долгое время находившийся под гнетом колонизаторов, раньше не мог продвинуться вперед ни на

шаг. Такое же положение и в Индонезии. Колонизаторы из империалистических держав намеренно ставят преграды развитию промышленности в этих странах. И не видеть этого факта, а только подчеркивать роль климата и географических условий как причину их неразвитости — это уже, конечно, не просто теоретическая ошибка. Здесь мы усматриваем политическую реакционность сторонников географических направлений.

§ 2. Противоречия и противоположности в историческом пространстве

В историческом пространстве все события и явления происходят не беспорядочно как изолированные и одиночные, а в бесконечной взаимосвязи и взаимообусловленности. Поэтому, если историки занимаются даже самым тщательным исследованием какого-либо события, но рассматривают его в отрыве от других событий, они при всем желании не смогут создать подлинной истории. Чтобы правильно воспроизвести ее как реальную, живую историю, необходимо прежде всего уловить ее взаимосвязи в их целостности. Мелкие, поверхностные по взглядам на историю и по пониманию основных закономерностей историки, если даже они при описании отдельных фактов не упускают ни малейших подробностей, смогут представить не больше, как сборник отдельных фактов, но не в состоянии дать более или менее полного представления об определенной эпохе, об обществе в целом. Такие историки не смогут вскрыть сколько-нибудь глубокой взаимосвязи описанных ими фактов, а если они и обращают внимание на подобные связи, то делают из них совершенно неправильные выводы. Обратимся для иллюстрации этого к конкретному историческому примеру.

В 1853 г. американский адмирал Перри во главе целой эскадры прибыл в Японию в порт Урага. Это достоверный исторический факт, признаваемый всеми историками. Историки были единодушны и в ответе на вопрос о том, с какой целью прибыл этот адмирал в Японию: чтобы заставить японское правительство открыть порты для установления торговых связей с США. Однако вставал далее другой вопрос: что же заставило Аме-

рику выступить с требованием открытия японских портов? Ибо известно, что спустя некоторое время с подобным же требованием к Японии обратились и Англия с Францией. Спрашивается, почему же Америка первая выступила с таким требованием? Нельзя же всерьез принять такое объяснение, будто бы Америка ближе всех к Японии, когда на самом деле она находится на огромном расстоянии, по ту сторону Тихого океана. Ведь надо иметь в виду, что в то время в отличие от настоящего времени, когда морские линии Тихого океана сближают между собой страны, Тихий океан являлся серьезным препятствием для связей между ними. Если говорить о факторе близости, то Англия вступила на территорию Китая еще до «опиумной войны» 1839—1842 гг., а Франция успела захватить плацдарм в Индокитае, и этим странам оставалось сделать только один шаг, чтобы дойти до Японии. К тому же «черные корабли» явились в Японию не по прямому пути через Тихий океан, а прибыли сюда с далекого Атлантического океана, обогнув мыс Доброй Надежды на юге Африки, проплыв через весь Индийский океан. Так что по сложившейся тогда обстановке Англия и Франция должны были явиться в Японию раньше Америки. Если же говорить вообще, то торгово-промышленный капитализм Европы и Америки к тому времени не достиг еще такого развития, чтобы он мог вовлечь в мировую экономику и небольшую дальневосточную страну, Японию, в качестве своего звена. Но это еще не конкретное выяснение положения.

Каковы же были взаимосвязи между всеми этими державами? Имелась ли историческая необходимость для прибытия кораблей адмирала Перри в Японию? Разумеется, этот приход осуществлялся не просто в силу добрых или злых намерений американского адмирала в отношении Японии. Япония того времени не являлась такой страной, которая могла стать центром интересов американского народа, чтобы толкать Америку на захват этой страны. Если уж говорить о захватах, то Америку привлекали прежде всего такие большие и богатые страны, как Индия и Китай. В то время происходила ожесточенная борьба за закуску и быстрейшую перевозку чая в Европу. Если бы Америка вывозила чай из Китая прямым сообщением через Тихий океан, ее путь в Китай

был бы самым кратчайшим, но в том-то и дело, что этот океан в то время еще не был открыт в качестве мировой дороги. Тихий океан не мог тогда быть такой дорогой скорее не по техническим причинам, а в силу коммерческих расчетов. Хотя путь через Атлантический и Индийский океаны был значительно длинней, но корабли на этом пути заходили в многочисленные порты, где совершались торговые операции. На Тихом же океане тогда не было таких портов. Здесь корабли на протяжении многих суток совершали рейсы по безлюдному простору без коммерческих операций, и поэтому тихоокеанский путь был явно невыгоден. Более выгодным для Америки был путь не от восточного ее побережья, огибающий южный мыс Южной Америки для выхода в Тихий океан, чтобы направиться к далекому Китаю, а через Атлантический океан на быстроходных парусных судах, огибающий южный мыс Африки, идущий по Индийскому океану и через Малаккский пролив к Кантону и Шанхаю, где Америка конкурировала с Англией. Но на этом пути все шансы на победу оставались за Англией. Чтобы победить в конкуренции с Англией, Америке следовало переплыть через Тихий океан прямым путем. Однако такой путь в коммерческом отношении, как уже упоминалось, был невыгоден. Именно в этих противоречиях и металась тогда Америка.

В это же самое время, в 1848 г., на западе Америки, в Калифорнии, обнаруживаются золотые месторождения. Начинается страшная золотая лихорадка. «На Запад! На Запад!» В мгновение ока только в одном штате Массачусетс появляются 124 компании по добыче золота. До этого с берегов Атлантического океана в бухту Золотые Ворота в течение года входило только 4 судна, теперь же их число увеличилось до 775 в год! Если раньше судовой команде выплачивалось жалованье 200 долларов в месяц, то, став приисковыми рабочими, они за день даже нетрудоемкой работы стали получать по 30 долларов. Уже в 1849 году океанские почтовые пароходы совершали регулярные рейсы Нью-Йорк — Сан-Франциско. Едва проходит 10 месяцев после открытия золотых приисков, а янки уже приступили к строительству железной дороги от Мексиканского залива, затем — железнодорожной магистрали, пересекающей страну от Атлантического до Тихого океана, и к сооружению ка-

нала. От Нью-Йорка к Чагресу, от Панамы до Сан-Франциско уже регулярно курсировали суда. Таким образом, центром торговли на Тихом океане становится Панама, и путь через мыс Горн уже теряет свое значение. Если в древнем мире центрами мировой торговли являлись Тир, Карфаген и Александрия, в средние века — Генуя, затем Венеция, в новые времена — Лондон и Ливерпуль, то в описываемый период такими центрами становятся, видимо, Нью-Йорк и Сан-Франциско, Сан-Хуан-дель-Никарагуа, Леон, Чагрес, затем Панама.

Бурное развитие Калифорнии открывает новые перспективы для связи с Китаем. В то время подсчитали, что на пароходе можно из Сан-Франциско прибыть в Китай через 20 суток, а на парусных судах требовалось 10 месяцев, чтобы совершить рейс в Китай и обратно, огибая мыс Горн. Путь из Европы в Китай и обратно требовал 12 месяцев. И в противоположность этому, если проложить линию через Тихий океан, время прохождения судов из Лондона в Китай и обратно можно будет сократить до 5 месяцев. И это обстоятельство для европейских и американских торговых дельцов имело огромное значение, ибо при условии доставки свежего китайского чая хоть на один день раньше в Европу они получали огромные барыши. Но в таком случае на тихоокеанской линии должны были обязательно появиться порты, где пароходы могли бы получать уголь. Пароходы водоизмещением три тысячи тонн являлись самыми совершенными судами того времени, но техника еще не была в состоянии сооружать такие порты, куда могли бы входить эти суда для получения угля и воды. Договор, который был заключен между Америкой и Японией в результате прибытия в Японию «черных кораблей», сначала явился просто договором о «дружеских отношениях» между двумя странами, а не о торговле. В то время когда для развития промышленного капитализма важной проблемой являлся прежде всего захват новых рынков, договор о «дружеских отношениях», запрещающий торговлю, мог действовать еще в течение почти 5 лет, ибо для этого имелись благоприятные международные условия. Для Америки во что бы то ни стало надо было заполнить Иокогаму в качестве опорного порта на линии Сан-Франциско — Шанхай, где «американские пароходы получали бы от японцев топливо, во-

ду и продовольствие». Договор о «дружеских отношениях» был заключен в 1854 г. И если пришествие «черных кораблей» рассматривать вне взаимосвязей истории в целом, то историческое значение этого факта останется нераскрытым.

Итак, отдельные факты исторического пространства настолько взаимосвязаны, что разъединить их просто невозможно; исторический мир, чреватый бесконечными противоречиями и противоположностями своих взаимосвязей, находится в непрерывном процессе переходов, все время движется, изменяется, развивается. Если бы историческое пространство представляло собой согласованный единый мир без всяких противоречий, общество застыло бы на одной и той же ступени и было бы невозможно разрушение старого и создание нового. Капитализм, разрушив феодализм, пришел на смену последнему; теперь разрушается капитализм и на смену ему идет социализм. В обоих случаях события развиваются как следствие тех непримиримых противоречий и противоположностей, которые таятся внутри названных обществ. К тому же внутренние противоречия не остаются изолированными, только внутренними; они тесно переплетаются с внешними международными противоречиями. Для примера рассмотрим революцию Мэйдзи.

Япония оказалась единственной страной, которая избежала участи стран Азии и Африки, и прежде всего Индии и Китая, потерявших свою независимость и оказавшихся на положении колоний и полукolonий. И чтобы не попасть в такое тяжелое положение и избежать опасности стать колонией, Япония должна была ускорить тот процесс капиталистического развития, который уже происходил здесь. В результате она получает в конце концов право называть себя лидером Восточной Азии и одной из пяти великих держав мира. Какова же причина этого исторического факта?

Такие японские историки, как Вацулди Тэцуро, делают упор на так называемый «японский дух», или «дух ямато», и утверждают, будто Японии спасло движение «Сонно дзэй» (движение, выступавшее под лозунгом «почитания императора и изгнания варваров»), а также характер японского народа, не складывающийся даже перед самым грозным врагом. Но, как известно, дух патриотизма является особенностью не только японского на-

рода. И китайский народ еще во время Тайпинского восстания проявил необычайный дух сопротивления. То же самое наблюдалось и в Индии во время восстания сипаев. И если с ними сравнить дух сопротивления, проявленный в Японии во время «инцидента в Намамуги»¹, борьбу за изгнание иностранцев в Кагосиме и Симоносэки, то ничего другого не остается, как признать не сравнимую с ними слабость. Здесь, скорее, следует подчеркнуть, что, только испытав на практике упорство национального сопротивления в Китае и Индии, колонизаторы вынуждены были осознать невыгодность политики силы, что не могло не сказаться на их более осторожной политике в отношении Японии. И, по-видимому, это, а не политика изгнания иностранцев является основной причиной победы. Обычно человеку бывает свойственно впадать в переоценку своих возможностей и упускать из виду сложившиеся благоприятствующие условия. Именно так получилось и с Вацудзи Тэцуро, для которого, видимо, трудно было избежать подобного недостатка².

Чтобы понять то или иное событие, надо прежде всего взять в целом международное положение того времени, а затем определить место этого события во всех его взаимосвязях с другими событиями. Если же его метафизически изолировать и объяснять на основе абстрактных идей, например «способностями японцев», то это не даст полного понимания истории. В момент, когда начался «инцидент в Намамуги», Великобритания потребовала от правительства Бакуфу 110 тыс. фунтов стерлингов (330 тыс. иен) в качестве компенсации. Но здесь проблема заключалась не в деньгах. Англия замышляла воспользоваться внутренними беспорядками Японии, чтобы вторгнуться на ее территорию: 11 судов военной

¹ «Инцидент в Намамуги» — нападение в 1862 г. близ деревни Намамуги провинции Мусаси самураев сацумского князя Симадаэ на группу англичан, ле свернувших с дороги, по которой проходила княжеская процессия. Один англичанин был убит, двое ранены. Англия потребовала компенсации и наказания виновных, а в следующем, 1863 г. подвергла бомбардировке и разрушила Кагосиму — главный город княжества Сацума. — *Прим. перев.*

² Справедливость требует сказать, что этот недостаток проявлялся в статьях Вацудзи военного времени, когда в обществе всюду господствовала идеология «японского духа». В статьях последнего времени у автора нет подобных утверждений.

эскадры тихоокеанского флота в полной боевой готовности стояли у ворот Эдо (старинное название Токио). В это же время Франция применяет по отношению к Японии другую политику: полностью поддерживает правительство Бакуфу, которое упорно проводило феодальную политику изгнания иностранцев, и даже предлагает для этого свои вооруженные силы. Деятельность Наполеона III была бурной: он тянулся к захвату одновременно и Мексики и Китая. Из Тулона через Сайгон он отправил многочисленные вооруженные силы прямо в Иокогаму. Но в противовес этим силам выступила царская Россия, готовясь к хищному прыжку, чтобы захватить острова Цусима. Однако эта попытка была отбита вооруженными силами Англии, после чего Англия пристально наблюдала за Россией, поскольку это был противник, которого нельзя было недооценивать. Вот почему, когда начался «инцидент в Намамуги» и Англия выступила, угрожая правительству Бакуфу, Россия сразу же предложила Бакуфу свою помощь. Короче, при наличии единства между собой такие великие державы того времени, как Англия, Франция, Америка и Россия, легко одержали бы победу над Японией, она оказалась бы явно бессильной против столь сильных противников. Что бы ни говорили, но перед лицом этих могущественных сил японская теория изгнания иностранцев не сыграла бы никакой роли, с каким бы упорством ее ни насаждали; напротив, эту же теорию противники использовали бы в качестве удобного предлога для вторжения в страну.

Почему же великие державы не сумели прийти к соглашению между собой? Прежде всего потому, что отношения между ними были переполнены острыми противоречиями и противоположностями. Покажем это на примере войны между Севером и Югом Америки. Война началась 12 апреля 1861 г., спустя 8 лет после прибытия кораблей Перри в Японию. В начале успех был на стороне Юга и армия Севера находилась в тяжелом положении. Но реальное соотношение сил было таково, что все преимущества находились на стороне Севера, ибо он превосходил Юг как по численности населения, так и в развитии промышленности. Юг обладал узкой экономической базой в виде хлопковых плантаций, к тому же основанной на труде рабов. Хлопок вывозился в

Англию и Францию, откуда привозили все необходимые товары, ввиду чего Юг защищал принцип свободной торговли. Однако Север не мог не стать сторонником покровительственных пошлин во внешней торговле, поскольку это было необходимо для его развивающейся промышленности. Поэтому в войне между Севером и Югом Америки Англия и Франция сразу же становятся союзниками Юга, ибо при всех случаях ввоз дешевого южноамериканского хлопка был для них абсолютно необходимым.

Между Северной Америкой и Англией начиналась ожесточенная конкуренция и в мировой торговле, прежде всего в Китае. В то время коммерсанты всего мира центром своих интересов имели Шанхай и Кантон, чай и шелк-сырец. К тому же развитие Северной Америки было настолько стремительным, что она с каждым днем все более вытесняла Англию. Появление кораблей адмирала Перри у берегов Японии и было одним из проявлений борьбы между Америкой и Англией. Когда же спустя 8 лет между Севером и Югом Америки началась война, Англия, естественно, желала для Севера, как своего конкурента в мировой торговле, только поражения. Англия не могла допустить, чтобы Север непосредственно закупал дешевый хлопок Юга. В таком случае Север Америки легко мог перегнуть Манчестер, а это для Англии было бы совершенно невыгодно. Именно поэтому она и стала сторонником Юга. Подобную же позицию занимала и Франция.

Что случилось бы, если бы Англия и Франция отправили свои войска на Юг и Юг бы победил? В таком случае Америка, Англия и Франция заключили бы между собой союз и под предлогом «инцидента в Намамуги» выступили бы против Японии. Движение за изгнание иностранцев из Японии послужило бы самым удобным предлогом для вторжения в эту страну и превращения ее в колонию. Но что же предотвратило реальную опасность, грозно нависшую тогда над японской страной? Помощь пришла не из самой Японии, а от европейского пролетариата. Спустя три года после появления кораблей адмирала Перри у берегов Японии, в 1857 г., разразился экономический кризис, вызвавший напряженную борьбу пролетариев Англии, Франции и Америки. Там возникают профсоюзы — органы борющихся масс. В

1860 г. в Лондоне был создан Лондонский совет тред-юнионов¹, и, подобно пламени, это движение охватывает Францию, Германию и Америку, с каждым днем становясь все более сильным. Именно в этом, в наступлении трудящихся внутри самих этих стран, и следует искать основную причину, не позволившую Англии и Франции осуществить их вмешательство в войну на стороне Юга Америки. Это же явилось и главной причиной, приведшей к победе северных армий, которые одно время даже потеряли надежду на победу. То была сила рабочих Европы. В сентябре 1864 г. в Лондоне был создан I Интернационал, и то, что содействовало этому международному объединению рабочих, представляло собой основную движущую силу, предотвратившую вторжение Англии в Америку. К тому же против вторжения в Америку подняли свой голос рабочие всего мира. Это подтверждается таким документом, как послание I Интернационала президенту Америки Линкольну по случаю вторичного избрания его на пост президента.

«Милостивый государь!

Мы шлем поздравления американскому народу в связи с Вашим переизбранием огромным большинством.

Если умеренным лозунгом Вашего первого избрания было сопротивление могуществу рабовладельцев, то победный боевой клич Вашего вторичного избрания гласит: смерть рабству!

С самого начала титанической схватки в Америке рабочие Европы инстинктивно почувствовали, что судьбы их класса связаны со звездным флагом².

Это послание было написано К. Марксом. Ответ Линкольна был также глубоко взволнованным.

Из всего этого становится ясным, что в XIX веке Япония была спасена от господства великих держав того времени благодаря победе Северной Америки, Линкольна, благодаря силе рабочего класса Европы, оказавшей содействие этой победе, а также руководящей силе коммунистов во главе с К. Марксом³.

¹ Лондонский совет тред-юнионов возник из стачечного комитета лондонских строительных рабочих, объявивших летом 1859 г. стачку, в которой участвовало более 16 тыс. человек. — *Прим. перев.*

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 17.

³ Хаттори Сисо, Становление Японии нового времени, стр. 115 (на японском языке).

Разумеется, были и другие причины, предотвратившие тогда порабощение Японии. Ее экономическое развитие достигло к тому времени уже ступени мануфактурного производства, что указывало на созревание в ней экономического базиса капитализма. Таким образом, в своем развитии Япония далеко опередила Китай и Индию. Но в историческом мире все события, происходящие во времени и пространстве, всегда чреваты как внутренними, так и внешними противоречиями, и если эти события рассматривать по одиночке, изолированно, в отрыве друг от друга, то, как бы подробно их ни анализировали, все равно не удалось бы воспроизвести их в качестве живых, конкретных исторических явлений.

Тояма Сигэки¹ перечисляет следующие причины, мешавшие иностранным державам захватить Японию в годы Бакумацу².

1. Великие державы Европы и Америки с их антиазиатской политикой встретили упорное сопротивление народных масс Китая и столкнулись с восстанием сипаев в Индии, ввиду чего при подходе к Японии стали применять более гибкие формы насилия.

2. Для промышленного английского капитала Япония не являлась главным рынком в Азии и интересовала Англию лишь как «передовой пост» в деле сохранения своего влияния в Индии и Китае.

3. Равновесие сил таких держав, как Англия и Россия, Англия и Франция, приводило к взаимоограничению их дипломатии, направленной против Японии.

4. Силы передовых господствующих элементов феодальной Японии постепенно вытесняли феодальную систему внутри страны, в связи с чем дипломатический корпус держав Европы и Америки предвидел возможность открытия японского рынка для мирового капита-

¹ Тояма Сигэки — последователь известных прогрессивных историков Хаттори Сисо и Хани Горо, сделавших большой вклад в исследование новой истории Японии с позиций исторического материализма. Сотрудник историографического института при Токийском университете. — *Прим. перев.*

² Бакумацу — последние годы правления токугавского правительства Бакуфу. Хронологические рамки его точно не установлены. Некоторые японские историки началом этого периода считают конец XVIII в., когда обострились противоречия феодального общества; другие — 50-е годы XIX столетия, когда были заключены неравноправные договоры. — *Прим. перев.*

лизма; задача открытия рынка возлагалась на европейскую и американскую буржуазию, которая после 1848 г. в ответ на подъем классовой борьбы пролетариата становится, как известно, реакционной и стремится воспрепятствовать развитию японской буржуазно-демократической революции.

Все эти обстоятельства в совокупности и были причиной того, что указанные державы по мере возможности избегали применения внешнего давления на так называемые «земельные интересы», являвшиеся наиболее острым вопросом крестьянского движения Японии. Из истории дипломатии последних лет Сёгуната видно, что каждый раз, как только возникала угроза «земельным интересам», обязательно начиналось сопротивление народных масс. Ярким свидетельством этого служат выступления масс во время захвата царской Россией Цусимы в 1861 г. и во время нападения объединенного флота четырех держав — Англии, Франции, Америки и Голландии — на Тёсю в 1864 г.¹

Все эти противоречия в целом можно разделить на внутренние и внешние, а по их сущности — на основные и производные. В таком случае какие же противоречия являются основными? К основным противоречиям не относятся ни мораль, ни религия, ни искусство, ни философия — словом, ни одно из надстроечных явлений. Как уже говорилось, самой важной основой для жизни человека служит экономический базис. Однако из всех противоречий и противоположностей самыми глубокими, пронизывающими всю историю и к тому же наиболее непосредственным образом определяющими исторические переходы и смены являются, можно сказать, классовые противоречия и противоположности. Если не считать первобытную общину, в которой человек еще не мог создавать прибавочный продукт, то в истории с самого ее начала существование общества равных было неслыханным делом. Общество неизменно распадалось на две части — угнетенных и угнетателей. Господствующие классы, опираясь на частную собственность, на основные средства производства каждой данной эпохи, не только полностью подчиняли себе экономику и на этой основе

¹ Тояма Сигэки, История нового времени. История как наука. Курс лекций по истории, ч. II, стр. 160 (на японском языке).

владели политической властью, но и безнаказанно осуществляли гнет и эксплуатацию народных масс в самых различных формах. Вот почему история человечества любой эпохи и любой нации окрашена классовой борьбой в открытой или скрытой форме. Именно она является глубинным, определяющим течением всех исторических событий и явлений. И что бы ни говорили, как бы ни затушевывали этот факт, он неопровержим и убедителен.

К сожалению, от обыденного сознания людей еще очень далеко стоит тот неоспоримый факт, что определяющей силой истории является именно классовый характер общества.

Если взять международные противоречия и противоположности, то достаточно бросить взгляд на сегодняшний мир, как все становится ясным. Неравенство общественных отношений внутри государств неизбежно приводит к неравенству и в международных отношениях. Общеизвестно, что начиная с XIX века капиталистические государства Европы и Америки стали силой захватывать народы и страны Азии, Африки и других континентов и превращать их в колонии. Затем центральной проблемой становится передел колоний между капиталистическими странами, что приводит к международной напряженности, а потом и к возникновению мировой войны. В наше время особенно примечательно то, что народы Азии и Африки, испытав до конца муки гнета и эксплуатации, поднялись во весь свой рост и, став под знамена национальной демократии, развернули невиданную в истории борьбу за свою независимость и свободу. Это мощное национально-освободительное движение тесно связано с победой социалистической революции в ряде стран, с классовой борьбой пролетариата в капиталистических странах; и, таким образом, создается небывалое в истории могучее единство действий всех этих трех потоков, имеющее всемирно-историческое значение.

До недавнего времени угнетенные классы не признавали себя как единый класс и потому не знали путей, которые привели бы к организации единства действий. Поэтому борьба этих классов носила, как правило, лишь местный, локальный характер, сравнительно легко подавлялась господствующими властями и в результате не имела должных успехов.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года впервые рождается могущество пролетариев в виде их единства и организованности как исторической революционной силы, ставшей реальной силой, двигающей мировую историю. Это единство пролетариата с течением времени все сильнее влияет на угнетенные классы и нации всех континентов, активизируя их борьбу против империализма.

Как и в наше время, господствующие классы всегда насаждали политику раскола в рабочем движении и для воспитания рабочей аристократии создавали нечто вроде вторичных профсоюзов. Чтобы препятствовать развитию национально-освободительного движения, они использовали компрадорскую буржуазию зависимых стран. И подобная политика имела известный успех, в чем можно убедиться на примере хотя бы Японии. Но сегодня мировая история ускоренным ходом движется вперед, к новой эпохе. Чтобы избавиться от всевозможных видов угнетения, начала свое движение вперед и Япония. История Японии отнюдь не изолирована от истории других стран, и если мы сумеем правильно понять внутренние противоречивые связи исторического пространства, охватывающего весь современный мир, тогда мы, конечно, сможем ясно определить и направление недалекого будущего своей страны.

§ 3. Развитие исторического пространства — расширение социальной сферы

Человеческое общество всегда имеет определенные границы. Историческое пространство не может быть беспредельно великим. К тому же, если оглянуться в глубь истории, мы обнаружим, что по мере приближения к первобытному обществу пространство становится все более тесным. Древнегреческие города-государства, раздробившие небольшой полуостров на десятки отдельных частей, в конечном итоге так и не смогли слиться в одно государство. Даже Афины, оказавшие в высшей степени глубокое влияние на всю мировую культуру, в период своего наивысшего расцвета после Персидских войн едва насчитывали 90 тыс. населения, а вместе с рабами

и колонами там находилось самое большее всего несколько сот тысяч человек. И в Японии, судя по историческим документам, наблюдалась та же картина. Так, на острове Кюсю размещалось более 100 государств; величину каждого из них нетрудно себе представить. Правда, как в Греции, так и в Японии малые государства вели отнюдь не такую уж замкнутую жизнь, между ними, конечно, осуществлялись какие-то связи. Доказательством этого служат прежде всего войны тех времен. В Греции можно назвать знаменитые Пелопоннесские войны. Точно так же и в Японии в конце II века довольно часто возникали войны. Слово «война» означает прежде всего прекращение связей между воюющими государствами, и поэтому эти государства не могут избежать такого явления, как шовинизм. Но войны свидетельствуют и о том, что между воюющими государствами имелись довольно сильные столкновения интересов, а последнее как раз и говорит о наличии каких-то непосредственных связей между государствами. Если страны не имеют никаких связей между собой, то здесь невозможно и возникновение войны. Война за независимость Америки, например, или война между Югом и Севером явились следствием определенных связей между Англией и Америкой, между Югом и Севером.

И все же по сравнению с современностью сфера тех обществ была очень узкой. Чем же вызывалась такая их узость? Исторический материализм видит причину этого в неразвитости производительных сил той эпохи. Если взять в целом историю человеческого общества, то чем больше уходишь в прошлое, тем беднее становятся производительные силы, а на первобытной ступени, когда человек только отделился от животных, обнаруживается, что он находился тогда на положении, близком к животному. В доисторические времена человек обитал в девственных лесах и, перебираясь с одного дерева на другое, утолял свой голод, раскалывая орехи и собирая дикие ягоды. Можно сказать, что в ту пору производительные силы человека равнялись нулю. Даже тогда, когда люди стали изготовлять кое-какие орудия, добывалось лишь крайне ограниченное количество самых необходимых для жизни продуктов. И даже при самом предельном приложении своих усилий они не могли еще перешагнуть через этот порог.

В ту эпоху даже при необходимости вести групповой образ жизни человек не имел иной возможности, кроме ведения замкнутого хозяйства, нацеленного на обеспечение себя лишь самым необходимым. Чтобы перейти к обмену, нужны были такие условия, как постоянное производство продуктов, превышающее необходимое количество их для поддержания своей жизни. Замкнутая в себе экономика, где продукт производят только для себя, приводит к тому, что человек начинает признавать лишь ту общину, к которой он сам принадлежит, и не ощущает необходимости связи с другими общинами. При условии производства и потребления только внутри своей общины отсутствуют и побуждающие причины к контакту с другими общинами. Поэтому чем ниже ступень развития производительных сил, тем уже общественная сфера человека, тем ограниченнее его кругозор, и в таких условиях невозможно избежать шовинизма, раздуваемого иногда до фантастического самовозвеличения. Вот почему, например, в Китае полагали, что их государство является центром мира, и потому там долгое время господствовало представление, согласно которому на востоке была дикость, а на западе — варварство, на юге — дикость, а на севере — тоже варварство. Короче, кроме Китая, все остальные страны были дикими или варварскими. И в Японии до самого последнего времени считали, что их страна является священной, не идущей в сравнение ни с одной другой страной мира, и ее миссия — господство над всем миром. Было и такое, когда захватническая война Японии в Азии считалась естественным делом. Но все это означало не что иное, как неумение освободиться от такого рода сознания человека, которое характерно для общества с низким уровнем развития производительных сил.

Япония еще совсем недавно имела лишь ограниченные связи с внешним миром, которые кое-кто склонен был объяснять островным ее характером. Эта ограниченность немало задержала развитие производительных сил страны, в результате чего здесь был установлен принцип замкнутой экономики. Обычно в обществе подобного типа связи между его членами бывают крайне сильными, и соответственно этому в нем господствует раз и навсегда установленная мораль. И поэтому здесь нелегко избежать ограниченности, возникающей из узости

общественной сферы В таком обществе крайне трудно установить подлинно человеческую мораль с широким кругозором, преодолевающим кровное и местное родство, мораль, дающую возможность взаимопонимания и дружбы между людьми. В этом смысле развитие морали и развитие производственного обмена тесно взаимосвязаны. При неразвитости экономических средств производства мораль сама по себе не в состоянии подняться до уровня подлинно человеческой морали. Поэтому, следовательно, та мораль Японии, в основе которой лежат принципы верноподданничества и сыновнего почитания, сколько бы ни восхвалялась как высшая мораль мира, не может быть признана прогрессивной, подлинной моралью человечества.

Конечно, в первобытном обществе этой ограниченности в обмене продуктами первой жизненной необходимости и нельзя было избежать. Можно даже предположить, что само разделение труда в человеческом обществе стало возможным именно благодаря тому, что сначала была создана экономика самоудовлетворения, то есть замкнутая в себе экономика. Поэтому историю становления человечества нельзя представить себе иначе, как в виде появления специализированного производства по районам природных условий: приморских, горных и т. д. Попытаемся уточнить эту мысль на примерах.

Остатки синантропа были обнаружены сравнительно недавно в пещере к югу от Пекина. Это самый древний из известных нам древних людей. Но этот человек уже умел пользоваться огнем, разжигал его в пещере и жарил мясо добытых им животных; при приготовлении пищи пользовался каменной посудой. Он был охотником, но сфера его деятельности еще крайне узка, радиус удаленная от пещеры едва достигал нескольких километров. Исследование показало, что из сорока экземпляров найденных остатков людей той эпохи более 40% умерли в детские годы и только около 10% — по достижении зрелого возраста. Отсюда можно себе представить, насколько тяжело жилось первобытному человеку.

Питекантроп был открыт на острове Ява. В те времена этот остров составлял часть Азиатского материка, и поэтому сюда вместе со стадами животных китайско-малайской линии передвинулся и представитель древнейшего человека. Здесь наряду с каменными орудиями синан-

тропа и питекантропа находятся также каменные орудия индийского типа¹.

Таким образом, на острове Ява были открыты довольно ранние следы культуры двух систем материка той эпохи. Тем самым при крайней узости общественной сферы того времени обнаруживается удивительно широкое пространственное распространение культуры².

Из реликвий той эпохи, которая нашла свое отражение в таких памятниках, как «Кодзики» и «Нихонги», мы находим уже следы товарной экономики, когда происходит обмен между различными районами Японии. Например, самые острые наконечники для стрел выделывались из обсидиана. Эти наконечники раскапываются сейчас по всей Японии, между тем центром их производства был перевал Вада, в горах Хаккадакэ, в центре острова Хонсю. Другими словами, какое-то племя уже в то время занималось исключительно производством стрел из обсидиана и, видимо, обменивало их на соль и продукты моря. К тому же производство стрел было сосредоточено не только в районе перевала Вада. На острове Хонсю таким центром был район деревни Токати, близ города Нара — гора Футаками; на острове Кюсю — гора Асо. Все это свидетельствует о том, что уже в то время было достигнуто известное разделение труда и не было чисто самодовлеющей экономики; экономический обмен производился в довольно широких пространственных масштабах. Разумеется, вся экономика в ту пору определялась еще местными природными данными, а что касается той стороны ее деятельности, которая основывалась на задачах продуктообмена, то она занимала всего лишь подчиненное положение. Однако при всем этом нельзя умалять и значение обменной функции экономи-

¹ Каменные орудия индийского типа появились в сравнительно жарких и влажных лесных районах, где жизнь людей поддерживалась сбором растений, а каменные орудия, представлявшие массивные кремневые отщепы, могли появиться только в сравнительно холодных и засушливых степях или на мерзлых землях, где человек добывал себе пищу охотой на зверей. Таким образом, топор с рукояткой явился типичным орудием первых, а каменная ложка, каменный наконечник — орудием последних. И не удивительно, что от первых пошло земледелие, а от вторых — кочевое скотоводство.

² См. Нидзука Кодзи и др., Всемирная история На заре истории, стр. 13—16 (на японском языке)

ки того времени; скорее, наоборот, следует восхищаться теми широкими связями, которые осуществлялись тогда при почти полном отсутствии специальных средств передвижения¹.

Таким образом, развитие производства (развитие разделения труда) содействует расширению связей и торговли между отдельными районами и народами; развитие путей сообщения и торговля расширяют сферу общественной жизни, и, наконец, последнее способствует прогрессу исторической культуры. Вот та основа, та цепь, за которую прежде всего должен ухватиться историк, приступая к изложению истории. Колыбелью мировой исторической культуры считают долину Нила в Египте, междуречье Тигра и Евфрата в Месопотамии, бассейн Ганга и Инда в Индии, долину Хуанхэ в Китае. Общеизвестно, что в каждом из названных районов складывались соответствующие характеру производительных сил свои общественные и политические отношения. Но ни одна из этих культур не явилась той силой, которая могла породить современную мировую культуру. Для появления высокой мировой культуры необходим взаимообмен между отличающимися друг от друга районами, народами, социальными сферами. В сравнении с Западом Восток отличается отсталостью своей культуры. Но в чем же причина такого отставания? Разве не в том, что Восток не располагал той ареной, на которой должны были происходить международные контакты, обмен с различными чужеземными культурами? Конечно, и сегодня немало есть таких авторов, которые все еще утверждают, что в действительности якобы и нет никакого отставания Востока. По их мнению, культуры Востока и Запада принадлежат к культурам различных типов, и нет никаких оснований для их сравнения. Если культуру Востока оценивать, применяя критерии Запада, говорят они, то, естественно, западная культура будет выглядеть выше восточной. Однако в таком случае игнорируется своеобразие и ценность восточной культуры, что с самого начала приводит к неправильному выводу о превосходстве западной культуры. В оценке значения восточной культуры необходимо пользоваться ее собственным критерием.

¹ См.: Хаттори Сисо, Становление Японии нового времени, стр. 7—8 (на японском языке).

Если за этот критерий принять такой материальный фактор, как производительные силы капиталистической экономики, то, разумеется, восточная культура не сумеет соперничать с западной. Но в том-то и дело, что в основе восточной культуры лежит особая духовная традиция, которая не может быть измерена подобным материальным показателем. Ведь теперь, как известно, материальная культура Западной Европы зашла в тупик, когда она загнивает от обострения всех своих противоречий, и спасение этой культуре может принести только «восточный дух». И те, кто до сих пор не знает об этом и продолжает преклоняться перед западной культурой, изо всех сил стараясь хоть на шаг приблизиться к ней, забывают о своей восточной культуре и тем самым все ставят с ног на голову...

Однако если в современных условиях, когда исторические связи во всем мире получили столь широкие масштабы, полностью отвергать западную культуру как материальную и изолировать себя, став на позиции «восточного духа», то трудно даже представить, до чего можно довести в таком случае историю и культуру. Известно, что западная культура оказалась в тупике не из-за развития ее материальной культуры. И выход из этого тупика вовсе не на путях антинаучной теории «восточного духа», а только через дальнейшее развитие научного, диалектического материализма, дающего истинное познание общественного развития, на основе которого осуществляется историческая практика, преобразующая общество.

Шпенглер когда-то говорил о «закате Европы». Однако то, что сегодня гибнет, — это вовсе не Европа; происходит не что иное, как закат западноевропейского капитализма. Мир, который включает в себя и Восток и Запад, пока что не только не гибнет, а идет навстречу рождению новой, более высокой общественной системы. XX век является веком именно таких глубоких, революционных преобразований. И только идеологи капитализма могут представлять современную эпоху как эпоху заката и гибели.

Проблема исторического пространства имеет еще один до некоторой степени спорный вопрос. Историческая культура может достигать полного и всестороннего развития лишь на том историческом пространстве, где различные

культуры взаимоперекрещиваются с наибольшей полнотой. Возможно, не будет преувеличением сказать, что причиной, породившей отставание культуры на Востоке, явилось отсутствие здесь своего Средиземного моря. Вместо Средиземного моря на Востоке поднимались к небу Гималаи, Тянь-Шань, Гиндукуш и другие горные хребты. И не это ли определило в прошлом судьбы Востока? В то же время Древняя Греция, окружая Эгейское море, обладала поистине благодатным историческим пространством. Используя морское побережье и острова, она впитывала и осваивала высшие достижения культуры всего мира той эпохи. В то время еще не было ни христианской, ни исламской культуры. Развитые производительные силы стран Востока, представленные прежде всего египетской и месопотамской культурой, получили уже распространение в самых отдаленных уголках мира. Восточная часть Средиземного моря, центром которого является Эгейское море, как нельзя лучше соответствовала технике мореплавания того времени и поэтому служила ареной для связей прилегающих стран. Можно сказать, что древнегреческая культура не случайно получила наивысшее историческое признание как колыбель европейской культуры.

Однако историческое пространство является именно «историческим» и поэтому никогда не застывает в раз и навсегда данных географических границах. Непрерывно и безмолвно продолжают свое развитие производительные силы, а вместе с ними расширяются и морские пути: с восточной части Средиземного моря они с течением времени начинают распространяться уже на все это море, а оттуда дороги пошли в глубь Европейского материка. Центр мира перемещается на полуостров Италии, на самую середину Средиземного моря. Это также явилось в известной степени следствием закономерного расширения исторического пространства.

Далее, после длительного периода средних веков наступает эпоха нового времени с его стремительным промышленным развитием. За стенами замков из среды крепостных крестьян появляются горожане. Последние в свою очередь выдвигают предшественников буржуазии нового времени. Затем нарождается и сама буржуазия, для которой открытие Америки и морского пути через южный мыс Африки представляет новые сферы деятель-

ности. Рынки Ост-Индии и Китая, заселение Америки, торговля с колониями—все это привело к невиданному развитию торговли, мореплавания и промышленности. В этих условиях Средиземное море оказалось слишком тесным и недостаточным. Историческое пространство общественных связей стало быстро расширяться. Люди выходят через Гибралтар и мужественно встречают бурные волны Атлантического океана .

После того как все это произошло, прежняя феодальная, или цеховая, организация промышленности уже не могла больше удовлетворить спроса, возраставшего вместе с новыми рынками. Ее место заняла мануфактура. Но и мануфактура со временем перестала отвечать запросам все расширяющихся рынков. В промышленности должна была произойти техническая революция, и она произошла благодаря силе пара и машин. «Место мануфактуры заняла современная крупная промышленность, место промышленного среднего сословия заняли миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа»¹.

Таким образом, развитие средств сообщения вызывает развитие промышленности, развитие промышленности в свою очередь приводит к дальнейшему развитию средств сообщения, и такая взаимосвязь вызывает стремительное расширение исторического пространства. Крупная промышленность создает мировой рынок, мировой рынок дальше развивает крупную промышленность. С открытием мирового рынка и на его основе производство и потребление самых различных стран приобретают международный характер. Промышленность перерабатывает уже не местное сырье, а привозимое из самых отдаленных районов земного шара; фабричные продукты продаются во всех частях света. На смену старой местной и национальной замкнутости и существования за счет продуктов собственного производства приходят всесторонние связи и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Далее, изменения в сфере материального производства не могли не вызвать огромных изменений и в сфере духовной культуры: достижения отдельных наций становятся общим достоянием. Из множества национальных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 425.

литератур и искусств образуются единая всемирная литература и единое искусство. Буржуазия вовлекает в цивилизацию даже самые варварские нации. «Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам... Так же как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных»¹.

В конце концов капитализм расширяет историческое пространство в масштабах всего земного шара. Но и в древние времена имелись факты стремительного расширения такого пространства. Походы Александра Македонского охватили огромную территорию, и если вспомнить, какими мизерными средствами связи располагали люди в те времена, то масштабы этих походов могут вызывать только удивление. Немалую роль в расширении исторического пространства сыграла Римская империя. Значительный след в смысле дальнейшего его расширения оставили походы средневековых крестоносцев, но все эти исторические события не могли привести к созданию всемирной истории, обладающей прочной длительностью, ибо они исходили не из экономической основы, не из роста производительных сил. Военные завоевания могут очаровать своих современников и показаться им переворотом мирового значения, однако стоит только покачнуться данной военной власти, как происходит изменение в соотношении сил, и огромная империя сразу же распадается на свои составные части. Христианство и буддизм в качестве мировых религий проповедовали любовь к человечеству и «всемирное братство». Но все это было не чем иным, как построениями идеального мира. В реальном же обществе невозможно совершать изменения на основе только идей. Живые, реальные люди в реальном мире и на основе реальных взаимосвязей неизбежно формируют общую культуру, общую историю; поэтому никакая идея, никакая сила не в состоянии диктовать людям такое поведение, как «всемирное братство».

Конечно, на основе господства христианской религии в Европе создались какие-то связи и отношения между единовѣрцами. Но если эти связи сопоставить с теми ко-

¹ Там же, стр. 428.

репными изменениями в облике мира, которые капитализм осуществил через развитие своей промышленности, торговли и средств связи, то здесь не найдется никакого места для сравнения.

Итак, в древние времена был древний средиземноморский мир, в средние века устанавливается средневековый европейский мир. И хотя историческое пространство все время постепенно расширялось благодаря длительному процессу развития производительных сил на протяжении многих тысячелетий, следует, однако, сказать, что приближение к подлинно всемирной истории, которая имела бы в своем основе всесторонние экономические, политические и культурные взаимосвязи всех стран и народов мира, стало возможным только с развитием капитализма и особенно с вступлением его в свою последнюю, высшую стадию, в эпоху империализма. Так мы подошли к проблеме всемирной истории как высшей формы исторического пространства.

§ 4. Проблема всемирной истории

Что такое всемирная история? Ведь в любую эпоху и в любом обществе человек живет внутри определенного мира и в нем формирует историю. На древнем Востоке имелся восточный мир, на Западе — западный. Если обратиться к древней Японии, то, возможно, обнаружится, что там были и такие времена, когда ничего не знали даже о существовании своих ближайших соседей — Китая и Кореи. Но если вспомнить, что только на острове Кюсю существовало более 100 государств, непрерывно воевавших между собой, то вполне можно допустить, что людям этого острова могло казаться, будто весь мир ограничивается лишь их островом. Мир — это историческое понятие, и он в каждую эпоху охватывал максимум пространства, освоенного обществом. Поэтому можно сказать, что, поскольку имеется история человечества, постольку возможна и всемирная история.

Но подлинно всемирной историей можно назвать лишь ту историю, которая выясняет процесс жизни человечества на основе развития экономических, политических и культурных взаимосвязей всех наций и всех стран, а не на основе изложения истории только отдельных наций

или отдельных стран Всемирная история — это не просто история всех стран мира. Если создать одно историческое произведение, собрав в него все материалы, повествующие о всех народах и государствах, существовавших в прошлом, это еще не явится всемирной историей. Чтобы написать всемирную историю, необходимо прежде всего установить так называемый всемирно-исторический факт.

Что же собой представляет этот всемирно-исторический факт? История только одной общины, одной нации, одного государства, как бы детально и пространно она ни излагалась, не может составить всемирной истории. Например, Китай или Индия — каждая из этих стран и по своей территории и по количеству населения равна Западной Европе. И тем не менее мы не можем рассматривать историю Китая или Индии в качестве всемирной истории. Такие определения, как «средиземноморская всемирная история», «исламская всемирная история», «европейская всемирная история», вызывают по крайней мере большие сомнения. Однако эти определения можно принять в качестве проблемы всемирной истории, если их ограничить в определенном смысле слова. Во всяком случае, всемирная история не есть и не может быть историей одного народа; хотя Монгольская империя, охватывавшая огромную территорию, и крепко держала в своих руках удивительное по тем временам множество народов, которое она так или иначе объединяла, но здесь тем не менее не было всемирной истории.

Для создания всемирной истории необходимо прежде всего наличие многостороннего охвата всех стран и всех народов. К тому же простая сумма этих сторон еще не составляет основы для написания такой истории. Это совершенно очевидно, ибо, как мы уже установили, история всех стран еще не является всемирной. Написание всемирной истории возможно только в том случае, когда многосторонность, своеобразие каждого народа, каждой страны будут как-то взаимосвязаны с особенностями других народов, других стран, из чего, собственно, и создается факт единства всемирной истории. Причем это единство не может быть результатом экономического, политического и культурного объединения, навязанного военной силой, властью или родственными узами. В реальном мире взаимосвязи включают в себя как притяжение, так и отталкивание. История в прошлом ни разу не строилась

только на основе дружеских отношений. Если между странами устанавливаются тесные связи, это еще не значит, что между ними и внутри них нет антагонистических отношений. Мы пока не касаемся социалистического или будущего коммунистического общества, где не будет классов, эксплуатации, угнетения. Мы берем лишь прошлую историю, которая является историей противоречий, противоположностей, борьбы класса с классом, нации с нацией, в силу чего эту историю называют историей классовой борьбы или историей войн. Причем наличие этих антагонистических отношений не препятствовало зарождению всемирной истории. Независимо от характера связей — дружеских или враждебных — остается факт неразрывных многосторонних связей.

В этом смысле едва ли можно говорить о всемирной истории Востока, подобной всемирной истории Запада. Разумеется, нельзя утверждать, что, скажем, между Китаем и Индией, Китаем и Японией, затем между Индией и Японией не было никаких связей. Однако характер этих связей здесь, конечно, не тот, который необходим для установления всемирной истории. Даже при наличии таких фактов, как тот, что Гэндзэ Сандзо¹, невзирая на большие трудности, прошел по Индии и перенес в Китай огромное количество буддийской литературы, или проникновение Дарума Дайси² из Индии в далекий Южный Китай, — все это еще не может означать, что между этими двумя странами установились всемирно-исторические связи. По сравнению со связями между Индией и Китаем связи между Китаем и Японией были значительно более тесными. По крайней мере, говоря о японской культуре, просто невозможно умолчать о китайской культуре. Но и этих связей далеко не достаточно, чтобы говорить о наличии всемирной истории в районе Восточной Азии. Всемирно-исторические связи должны быть отнюдь не односторонними, выражающимися в виде господства или культурного влияния, а многосторонними. К тому же эти связи должны создавать органическое целое, чтобы при изложении истории невозможно было упустить ни од-

¹ Гэндзэ Сандзо — буддийский монах, китаец. Переводчик и комментатор буддийской литературы. — *Прим. перев.*

² Дарума Дайси — индийский буддийский монах, основатель секты Дзэн в Китае. — *Прим. перев.*

ну из сторон. Наконец, это не такие связи, которые устанавливаются лишь в одной части мира. Можно сказать, что всемирная история в подлинном смысле появится только тогда, когда взаимосвязь народов и стран будет иметь место на всем земном шаре. Поэтому, если в древней и средневековой эпохах в известном смысле и можно говорить как о средиземноморской и европейской всемирной истории, то с современной точки зрения там, конечно, еще не было подлинно всемирной истории. И все же из европейской истории и фактически и формально развились наиболее существенные элементы будущей подлинно всемирной истории.

«Фактически» — это значит, что именно развившийся европейский капитализм, опираясь на свою колоссальную мощь в области промышленности и торговли, расширил до предельных размеров историческое пространство, проник во все уголки всех материков и во все концы океанов, начиная от Северного полюса и кончая Южным. Сила влияния европейского капитализма вовлекла все человечество в единую связь, не оставив ни одного уголка на земле. «Формально» — означает, что европейские страны, пройдя через историю перемежающихся соотношений величия и падения, в конечном итоге постоянно сохраняли в отношениях друг к другу какое-то равновесие сил и, накапливая опыт в политике и в войнах, создали единую историю и культуру. Как внутри каждой европейской страны, чреватой безграничными классовыми противоречиями и противоположностями, сопровождаемыми борьбой, развилась единая национальная история и культура, так и между всеми этими странами, чреватыми безграничными национальными противоречиями и противоположностями и сопровождавшими их жестокими войнами, развилась единая историческая связь, которую можно назвать европейской общностью, способствовавшей развитию и европейской культуры.

Таким образом, если средиземноморскую всемирную историю можно назвать предпосылкой европейской всемирной истории, то современная европейская всемирная история является предпосылкой всемирной мировой истории или по крайней мере ее колыбелью. Это последнее обстоятельство имеет для историков особенно важное значение. А если так, интересно проследить, как складывалась эта европейская всемирная история

Название «Европа» пришло из древнегреческого языка. Вначале это название относилось к центральной части Греции, а через некоторое время стало обозначать всю ее территорию. В 500 году до н. э. название «Европа» распространялось и на ту территорию, которая примыкала к Греции; наконец, под Европой стали понимать весь Европейский материк. В древности границей между Европой и Азией считалась река Дон. Название «Азия» также греческого происхождения. Сначала Азией называли северо-западную часть Малой Азии. Во времена Гомера Азия обозначала земли, находящиеся за Ионией. В VIII—V веках до н. э. этим словом обозначались территории, расположенные вне Европейского материка, поэтому тогда и Африка называлась Азией; только с V века до н. э. Африка стала именоваться в качестве отдельного материка. Итак, для Древней Греции весь мир был сосредоточен на трех материках — Европы, Азии и Африки.

Но к этой справке по географии Европы следует добавить еще историю Европы, послужившую основой для становления и написания европейской всемирной истории. Там должна была формироваться единая общность всех наций на основе общих исторических задач на протяжении довольно длительного периода, общий образ жизни, общие формы культуры и сознания.

Итак, Европа сама по себе является историческим целым, обладающим своей историей, отличной от истории остального мира. В Азии не было единой всемирной истории. Там была всемирная история с центром в Китае, всемирная история с центром в Индии, наконец, имелся еще исламский мир. И все три мира Азии до самого последнего времени продолжали совершенно самостоятельные истории, и не было возможностей для формирования мира общности наций, обладающих общностью исторических задач, форм культуры и сознания¹.

Европа становится целостным субъектом истории лишь к VIII—IX векам, когда в 800 году Карл Великий, франкский король, получил из рук римского папы Льва III титул императора и присоединился к Римской империи, что и привело к «возрождению» этой империи. Здесь было по-

¹ См.: Уэхара Сэнроку, Эпохи европейской истории, в кн. «Формирование нового облика мировой истории» (на японском языке).

ложено начало общности европейских наций. К началу нового времени, в XV—XVI веках, каждая европейская нация самостоятельно развивала свою экономику, политику и культуру, но в то же время между этими нациями обострялись и противоречия, приводившие к войнам. Особенно острой отличались противоречия между католической и протестантской церковью. Результатом таких противоречий явилась Тридцатилетняя война двух соответствующих групп государств, что могло привести к расколу западноевропейского мира. Но целостность Западной Европы все же сохранилась. Произошло это по той причине, что в каждой нации, в каждом государстве, по мере того как в этой борьбе они осознавали свою самобытность, все более прояснялось понимание необходимости европейской целостности через их взаимосвязи и взаимозависимость. Известно, что и Восточная Европа — в лице России после Петра Великого — преобразуется по образцу Западной Европы, и на этой основе вырастает органическая связь между востоком и западом Европы¹.

Итак, до начала XX века под всемирной историей подразумевалась история, не выходящая за пределы Европы и европейцев. Молчаливо признавалось, что всемирная история даже и не должна охватывать все нации. Поэтому она ограничивалась также и в пространстве. Индия, Китай и другие страны Востока не включались во всемирную историю, и у них не было еще возможности создать и изложить свою историю восточного мира. В таком случае спрашивается, почему же Европа сумела создать свою европейскую всемирную историю? Ранке объясняет это общностью романских и германских народов. Но их общность начинается не с древних времен, а уже после средних веков.

Можно сказать, что начало единого целого Европы было заложено мировым господством Рима. Появление Римской мировой империи породило идею единого целого Европы, а христианская религия в свою очередь придавала духовную глубину ее общности. Эта религиозная общность особенно ясно осознавалась во время оборонительных войн против вторжения сарацин и крестовых походов. В результате и благодаря этим событиям, охватив-

¹ См. там же.

шим всю Европу, и сформировался романо-германский мир. Другими словами, христианский мир, как противоположность миру чуждых религий, создал единую общность сознания.

Вот почему Европа — не географическое, а скорее историческое понятие. Если подойти к этому вопросу с географической точки зрения, можно сказать, что она является частью Азии, едва превышающей по территории Канаду. То, что утвердило Европу как Европу, есть не что иное, как традиционный дух, корнями уходящий в определенную историю. Разумеется, эта история не представляет собой нечто раз навсегда данное, застывшее. Она беспрерывно изменяется и развивается, но бесспорно и то, что при этом все же сохраняет свой стиль или дух. Общеизвестно, что этот дух порожден двумя источниками: с одной стороны, античной культурой и христианской религией, а с другой — эллинизмом и иудаизмом. Говорят еще о Ренессансе, но это было только формой, нацеленной на восстановление этих двух больших истоков.

Средиземноморский мир античной культуры был создан из цивилизации берегов Нила, рек Тигра и Евфрата, цивилизации Малой Азии и Древней Греции. В ту эпоху европейская и азиатская цивилизации были безраздельны, взаимно как бы переплетались между собой, и их называли «средиземноморским миром». Можно сказать, что роль Персидских войн, как войн между Западом и Востоком, заключалась в освобождении Европы от Азии. Но после этого благодаря империи Александра Македонского и Римской империи снова возникает мировая империя, включающая в себя наряду с Европой также и Азию. Однако эти империи не явились ни развитием древнего государства, ни установлением европейского мира. Установление европейского мира было связано как раз с крушением этих империй и разделением Европы и Азии. Установить точное время падения средиземноморского мира трудно. В VIII веке происходит известный раскол в христианской религии, вызвавший появление римской и византийской церквей; этот раскол в духовном отношении приводит к образованию восточного мира и западного мира. Стремительное развитие исламской империи знаменует окончательный разрыв между христианской Европой и исламской Азией. Таким образом, начиная с VIII века Средиземное море перестает быть европейским озером и

становится морем, отгораживающим Европу от остального мира.

Но приходит новое время, и замкнутая Европа превращается в открытую; меняется и ее характер: она переходит от пассивной к активной деятельности и вместо сокращения своей территории начинает расширять ее. Как известно, все эти перемены были непосредственно связаны с изменением общественного строя европейских стран, изменением, вызванным развитием производительных сил. Эти изменения выражались в разрушении феодальной системы и зарождении городов, в развитии капиталистической системы¹.

Научная теория всемирной истории философски наиболее глубоко осмыслена в произведении Гегеля «Лекции по философии всемирной истории». По широте охвата исторических фактов пользуется известностью также «Всемирная история» Ранке. Но оба эти исследования были осуществлены только в XIX веке. До этого же в Европе долгое время господствовала христианская догма, согласно которой на свете все было создано богом и остается навеки неизменным. Однако уже кантовская туманность опровергала подобное представление о мире и доказывала, что мир природы носит исключительно материальный характер и может быть объектом только научного исследования. Здесь заслуга Канта поистине огромна. Но его критическая философия, будучи аналитической логикой, построенной на идеалистической трансцендентальной основе, ограничивается тем, что делает попытку обосновать существующую действительность при помощи априорных общих понятий, лишив ее живого процесса и исторического становления. Если стать на методологические позиции Канта, то понять историческое развитие действительности будет совершенно невозможно.

Тот, кто подверг критике эту ограниченность кантовской философии, кто рассматривал явления в их историческом процессе возникновения, изменения, в переходах, развитии и в этом процессе пытался выяснить логику исторического развития и ее закономерности, был Гегель, написавший «Феноменологию духа». Это общеизвестный и бесспорный факт.

¹ См.: Судзук и Наритака, Ранке и всемирная история (на японском языке).

Однако у Гегеля в основу исторического развития действительности было положено надъисторическое и, следовательно, сверхчувственное, метафизическое начало. В критике Канта Гегель выступает как продолжатель лучших традиций немецкой идеалистической философии, поскольку добросовестно отстаивает лучшие стороны его философии. Гегель много усилий приложил в философии истории, и здесь немало того, что мы и сегодня можем использовать в научном познании. Однако в основе его понимания природы и истории лежит метафизический, идеалистический принцип, стоящий и над природой и над историей. Человек и его дух, по Гегелю, не результат развития природы, ибо в основе мира природы лежит опять-таки идеалистическое начало, так называемый «мировой дух». И материальная природа, считал он, не что иное, как самоотчуждение этого духовного начала, самоотрицание духа. Отсюда необходимость нового самоотрицания этого другого существования духа и проявление его в виде исторического познания самого себя. История и есть не что иное, как закономерный процесс самообнаружения духа.

Но подобная философия всемирной истории при всей стройности ее логических построений не может представлять собой научного изложения развития истории, основанного на реальных, конкретных исторических фактах, ибо философ исходит здесь лишь из тех логических построений, которые своей основой имеют метафизическое начало, существующее только в его голове в виде априорных понятий. Отход от реальных исторических фактов, опора лишь на априорные понятия не могут не привести к элементам иррационализма. Поэтому те историки, которые пытались стать на позиции реальной науки, естественно, не могли быть удовлетворены подобной историей мира, построенной с позиций таких философских воззрений. Ранке, как известно, при построении своей всемирной истории твердо стоял на почве исторических фактов. Но в стремлении решительно отмежеваться от позиции Гегеля в науке всемирной истории он в противоположность Гегелю, который начал изложение всемирной истории с метафизических понятий, впал в другую крайность и начал ее исключительно с исторических фактов.

Таким образом, сущность исторической науки Ранке оторвал от философии и всю историю свел к познанию

отдельных, не повторяющихся фактов исторической действительности, то есть в его исторической науке была потеряна категория всеобщего. Однако сам он утверждал, что историческая наука не может ограничиться познанием только чего-то отдельного, единичного. Наряду и вместе с отдельным историк всегда должен иметь в виду и всеобщее. Нет отдельных, изолированных явлений. То, что представляется отдельным, изолированным, на самом деле есть не что иное, как результат искусственного абстрагирования реальной действительности. В реальном мире все взаимосвязано. Поэтому как бы подробно и точно ни описывались отдельные исторические факты, это еще не составит конкретной целостности живой истории. Если при рассмотрении отдельного упустить всеобщее, то историю невозможно будет понять. Особенное несет в себе и всеобщее. Только схватывая всеобщие связи, которые лежат в основе многообразия отдельного, и можно добиться исторического познания.

Возможно, что во всемирной истории нет таких закономерностей и форм координации, как в природе. Но история также не является неким беспорядочным нагромождением отдельных, разрозненных фактов и событий. Если историю всех стран изложить по отдельности, она еще не будет всемирной. История обладает трудно обозрваемым богатством многообразия, которое от начала до конца является цельным и единым. И лишь в том случае, когда любая нация и любая личность схватываются как звено внутри этого единства многообразия, впервые становится возможным живое историческое рассмотрение фактов. Небезынтересно в связи с этим напомнить, что Ранке после долгих поисков приходит, наконец, к решению стать историком, поняв, что реальный мир должен рассматриваться именно в качестве живого единства. И в возрасте 40 лет, в 1835 г., он приступает к написанию своей «Всемирной истории».

Исходя из этих позиций, Ранке создает и выпускает целую серию книг по истории. «Всемирная история» была опубликована на закате его жизни. Но до этого выходят такие его произведения, как «История монаха-императора», «История Германии», «История Франции», «История Англии». И все они хотя и относятся к определенным народам определенных эпох, но пишутся с позиций всемирной истории. Даже тогда, когда автор писал исто-

рию горячо любимой им Германии, он занимал не германские, а скорее европейские позиции.

Для него всемирная история не являлась просто историей человечества. Всемирную всеобщность он рассматривал как понятие, созданное не из абстракции различия народов, а скорее на основе реального многообразия их. Всемирная история — это не только и не просто история культур, игнорирующая интересы наций; она осуществляется и проявляется уже в том, что каждая страна имеет свои территориальные, экономические и политические интересы и, будучи независимой, соперничает с другой страной, вступает с ней в борьбу. В том, что подвижная гармония взаимной борьбы и единства, взаимных противоречий и единства не стирает оригинальности и самобытности тех или иных стран, как раз и проявляется единство всемирной истории. Однако проявляющаяся в подобном единстве всеобщность является не абстрактной всеобщностью естественных наук, а, как говорил Гегель, конкретной всеобщностью¹.

Но, если стать на позиции Ранке, можно ли современную историю определить как подлинно всемирную историю? Несомненно, весь буржуазный мир составляет теперь одно целое на основе капиталистической промышленности и торговли и все расстояния на земле стали значительно короче. Парусные суда заменены пароходами, транспорт, который раньше пользовался в основном силой лошадей и волов, теперь использует исключительно пар и электричество. Уже на основе только этих двух фактов вполне можно говорить о наличии в мире революционных изменений. А если взять самолеты, которые от использования двигателей внутреннего сгорания перешли или переходят к реактивной тяге, или связь, перешедшую ныне от беспроволочного телеграфа к радио и телевидению!.. И все это внесло такие подлинно революционные изменения в пространственные отношения людей, что расстояния сейчас не имеют почти никакого значения. Не говоря уже о различных районах своей страны, ин-

¹ Ранке недалеко ушел от Гегеля. Подобно Гегелю, он был идеалистом, признающим в истории бога и духа. Во всяком случае, в 30-е и 40-е годы XIX века понимание истории развивалось в колебаниях между материализмом и идеализмом. И это не простая случайность.

формация о событиях в любой точке мира — в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Москве, Пекине — доходит до нас, японцев, все быстрее и в более подробном изложении, да к тому же и о все более важных событиях. И в такую эпоху любое событие, пусть самое малое, мы не можем воспринимать как единичное, касающееся только одной страны. Внутренние события той или иной отдельной страны теперь тесно связаны с международными, а международные — с внутренними событиями каждой отдельной страны. В этом смысле слова Ранке о том, что любая история есть всемирная история и что иной она и быть не может, явились для того времени своего рода откровением. Сегодня же это положение стало повседневным опытом миллионов людей, стало банальной истиной, не дожидаясь открытия смелым историком. И притом характерно, что теперь не только производство и потребление приобрели всемирный, международный характер, но и войны, ставшие мировыми, и рабочее движение, и движение за мир, движение молодежи, движение женщин. А разве религия, наука и искусство не стали всемирными? Сегодня для нас, японцев, посещение стран Европы стало значительно более легким делом, чем, скажем, во времена Токугава для крестьян Канто путешествие по Токайдо. Мир стал удивительно тесным, и можно сказать, что он стал миром эпохи всемирной истории.

А если так, можно ли сказать, что современная история является высшей ступенью всемирной истории? Разумеется, нет. Как уже подчеркивалось, всемирная история — это не просто расширение истории народа. Сколько бы ни расширялись завоевания Александра Македонского или монгольского хана, это еще не означало, что создается всемирная история. Всемирная история должна явиться «единством многообразия», созидаться на основе исключительного многообразия всех народов, отстаивающих каждый свою собственную независимость при их взаимосвязях и взаимозависимости. Но в том случае, когда одна сторона навязывает свою волю другой, угнетает ее, господствует над ней, ставит ее в зависимость от себя, как это было до сих пор, нельзя созидать подлинную всемирную историю. Конечно, капитализм до последних пределов расширил историческое пространство, в особенности в наше время, когда он достиг стадии империализма. Теперь в каждом уголке мира любой народ, независимо от

степени его культурной отсталости, так или иначе втянут в качестве звена в сферу капиталистических отношений. Но эти связи не в состоянии установить равенства народов, взаимоотношения самостоятельных, независимых народов. В капиталистическом обществе имеется только одна свобода: свобода сильного пожирать слабого. Подобно тому как внутри своих стран капиталисты эксплуатируют пролетариев, лишенных средств производства, так и вовне они всевозможными методами ставят в зависимость от себя слабые народы Африки, Азии, Латинской Америки, отставшие в своем экономическом развитии, лишают их независимости и осуществляют там еще более жестокую эксплуатацию.

Таким образом, хотя всемирная история и расширила свое пространство при господстве капитализма и особенно империализма на основе развития промышленного производства и путей сообщения вплоть до широких культурных связей и обменов между странами, но все это ни в коей мере нельзя назвать подлинно свободными, равноправными отношениями между независимыми, суверенными государствами.

Вот почему сегодня народы зависимых и угнетенных стран повсеместно поднялись на решительную борьбу за свою свободу и независимость, создав то могучее антиимпериалистическое, национально-освободительное движение, которое убедительно показывает, что теперь уже невозможно осуществлять колониальное господство в прежних постыдных формах. Сегодня огромное число бывших колониальных и полуколониальных стран приобрели свою независимость в качестве суверенных государств, а это как раз и является доказательством наступающего краха капитализма и одновременно означает начало появления ростков подлинной всемирной истории.

Разумеется, капитализм внес известный вклад в подготовку всемирной истории, но он вместе с тем явился и причиной огромного отставания в своем историческом развитии народов целых континентов. Вот почему антиимпериалистическое, национально-освободительное движение народов этих стран сегодня приобретает особо важное значение в становлении подлинной всемирной истории. Освобождение всех народов от колониального гнета будет означать завершение краха капитализма, начало которому положено классовой борьбой пролетариата внутри самих

капиталистических стран и победой пролетарской революции в ряде стран, которые, собственно, и вызвали небывалый размах национально-освободительного движения во всех концах мира.

Одним словом, подлинная всемирная история станет возможной только тогда, когда победит принцип интернационализма благодаря окончательной победе пролетарской революции в странах капитала и национально-освободительного движения в зависимых странах.

Вторая половина XX века и является началом решающего этапа этого великого переворота.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

§ 1. Структура исторического времени

Если география, по существу, является понятием, основой которого служит пространство, то история как понятие берет за основу время. Когда говорят «историческое время», то обычно считают это вполне естественным, правильным сочетанием слов, ибо история в целом есть временное явление, а время всегда исторично. Основная категория, пронизывающая всю историю, прежде всего — время, ибо только при конкретном продумывании живого содержания этого времени и получается история.

А если так, какова же сущность этого исторического времени? Прежде всего надо полагать, что кроме исторического времени есть еще какое-то другое время, ибо в противном случае не было бы необходимости давать ему определение — «историческое». Ведь нередко понятие «история» применяется и к природе. Поэтому если имеется другого рода время, противоположное историческому, то это, возможно, и будет «природное время». Само собой разумеется, что раз в обоих случаях речь идет о времени, то между ними должна быть и известная общность. Но если такую общность признать в виде «исторического», это не даст нам решения вопроса, ибо мы вернемся к исходному положению в его постановке. То, что природа также имеет историю, служит подтверждением ее временного характера. Затем человеческая история сама возникла на основе природы и развивалась как продолжение ее истории. И получается так, что будто и нет никакой необходимости в том, чтобы историческое время выделить отдельно. Начнем прежде всего с анализа структуры природного времени.

Природное время — такое время, в котором господствует закономерность причинно-следственной необходимости. В мире природы нет действия человеческой свободы. Как бы природа ни изменялась и ни развивалась исторически, однако в основе этого движения всегда господствует закономерная необходимость, и кроме нее нет никакой другой силы. Природа не создана ни богом, ни человеком. Прежде, в условиях господства религиозного мировоззрения, гармонию в природе объясняли волей бога, но наука нового времени не могла исходить из подобного толкования. При научном подходе к природе нельзя было не стать на материалистические позиции, ибо наука не может быть наукой, если она не придерживается строгой закономерности. Природное время — это отражение в сознании человека природы, где господствует причинно-следственная закономерность.

Время, определяющееся на основе этой закономерности, является таким временем, которое движется от прошлого к настоящему и потому имеет направление от прошлого. В мире природного времени «настоящее время» не может иметь какого-нибудь самостоятельного значения, ибо, подчиняясь необходимой закономерности и двигаясь от прошлого, природное время никогда не идет согласно своему «свободному» самоопределению.

Следовательно, здесь не может быть также и никакой субъективности, противоречащей окружающей определенности и устанавливающей в противовес ей свою ориентацию. Вселенная развивает свое материальное движение на основе только тех условий, которые имеются в окружении. Движение материи имеет определенную закономерность, и, следуя этой закономерности, материя непрерывно и безгранично повторяет одинаковое движение. Однако в процессе такого повторения в природе появляется и нечто новое в форме кажущейся случайности, хотя это и происходит чрезвычайно медленно. Затем из этого бесконечно длинного временного процесса, из неисчислимого продолжения так называемого «застойного времени», начало которого мы не в состоянии численно даже представить, начинает закладываться невиданная до сих пор форма, проявляющаяся обычно в виде скачка, возникает явление, называемое историческим изменением. Земля, будучи частью солнечной системы, также возникла из движения туманности и, остывая, затверде-

вала; затем суша отделилась от воды; процесс сжатия вызвал образование гор и долин, появились материки и моря. Возникновение органического мира из неорганического также произошло без всякого вмешательства божественной силы. Здесь не действовали мистические силы религии, точно так же как не было необходимости и в предположении существования духа целесообразности. Когда сотни тысяч лет назад произошли существа от определенного вида человекообразных обезьян, которых считают предками человека, здесь также обошлось без вмешательства какого-то особого создателя или творца.

Так закономерность в природном времени породила человека на Земле, и он стал создавать свою историю. Кстати, эта история не закончилась и после того, когда человек стал сознательно описывать ее. Она продолжает действовать и в нашем современном историческом мире. Нередко говорят, что человек обладает свободой. При этом подчеркивают, что в отличие от природы он обладает такой особенностью, как возможность действовать в качестве свободного субъекта. Видимо, так оно и есть. Но человек не обладает всемогуществом, свобода его определенным образом ограничена. Говорят, первый человек мог сам себя определить, однако он не мог породить себя. Человек *рожден* другим человеком. Вот здесь-то и действует бесконечное ограничение средой. В целом процесс исторического развития природы со времени появления Земли становится условием существования человека. Более того: то, например, что я, будучи членом определенного общества, рожден японцем в данном веке данной эпохи, отнюдь не является результатом моей свободной воли, а дано вне меня закономерностью. Мой характер, мои склонности, вкусы, мое воспитание в большей своей части не созданы мною, а даны мне внешней для меня средой в той или иной форме из прошлого.

Человек действительно владеет настоящим временем. Причем владеет *своим* настоящим временем, которое определяется не просто и не только прошлым. А если так, то к нам, людям, можно подойти как к субъектам морального долга. Если бы все поведение человека определялось только прошлым и ничего бы не было, кроме ограничения среды, то не оказалось бы и той основы, которая отделяет историю человека от истории животных и растений или от истории возникновения Земли, и история че-

ловека целиком бы слилась с историей природы. История человека, с одной стороны, является продолжением и развитием истории природы, а с другой — отличается чем-то таким, что отделяет ее от простой истории природы. Это связано с тем, что человек хотя и бесконечно ограничен прошлым, но в то же время не до конца определен этой ограниченностью.

Обладая настоящим временем, человек обладает творческой свободой, изменяющей старое и созидающей новое, будущее. Рожденный из окружающей среды, он становится человеком этой среды. Но, становясь человеком, он уже не является частью среды, а, удалившись от нее, становится свободным творческим субъектом, пытающимся изменить эту среду, исходя из своего сознания и своей воли.

Историческое время не является тем временем, которое определяется только прошлым. Здесь уже имеется творческое, настоящее время. Без такого настоящего времени не может быть и так называемой «истории человека». В отличие от прежнего природного времени такое время можно назвать «практическим». Это — творческое время, когда наше *я* в качестве свободного субъекта определяет с позиций настоящего времени и мир и себя, в противоположность необходимому, природному времени, которое определяется прошлым.

Сущность творческого времени мы подробно рассмотрим в главе «Исторический субъект», а сейчас попытаемся выяснить связь между тем, что определяется настоящим временем, и тем, что определяется прошедшим. Естественно, что эта проблема связана с философской проблемой свободы и необходимости, и поэтому здесь нет возможности для подробного ее изложения. Следует напомнить только о непримиримой противоположности в понимании данной проблемы между материализмом и идеализмом. Идеалисты отрывают настоящее от прошлого, затем абсолютизируют это настоящее через свободу *я*, которая и определяет настоящее; и здесь проявляется метафизическая сущность человека. Наиболее типичным и ясным выражением этих идеалистических идей является философия Нисиды Китаро, в которой ограниченные и отчужденные действия отдельного человека якобы связаны с богом, с вечным «теперь» через самоопределившееся абсолютное ничто или абсолютное настоящее время. Такая

же мысль связана и с идеей небытия в восточной религии. Если мы подобное настоящее время включим в историческое время, то из последнего исключается закономерная необходимость, и тогда между историей природы и историей человека может быть только полная противоположность. Мир природы является целиком причинно-следственным на основе прошлого, а мир человека создается лишь на основе свободного настоящего времени, в полном отрыве от прошлого. Если стать на такую позицию, следует признать, что и падение феодального общества и создание гражданского общества нового времени также основаны на свободе человека, и далее, что сегодня свобода воли человека может избрать любой путь в отношении капитализма — сохранить его или уничтожить. Человек действует, следуя свободной воле, поэтому даже в такую эпоху, как наша, стоит только пожелать этого, он снова может построить феодальное общество, и в таком случае тем более нет необходимости в историческом прогрессе — от капитализма к социализму, к коммунизму. Ясно, что для господствующих классов это самая подходящая идея. Связь идеализма с господствующими классами, хотя она с каждой эпохой и меняет свою форму, непрерывно сохраняется на протяжении тысячелетий.

Материалисты вовсе не отрицают свободу человека. И из того, что они рассматривают историю человека как дальнейшее развитие истории природы, отнюдь не следует, будто между историей человека и историей природы нет никакого различия. Но та свобода, которую признают материалисты, не является какой-то особой свободой, оторванной от закона и необходимости и противопоставленной им. Материалисты не ставят свободу человека за пределы мира необходимости, а опосредуют ее через этот мир и в нем ищут путь к счастью человека. Свобода чревата творчеством. Исторический мир — такой мир, где благодаря творчеству человека непрерывно создается новое.

Однако это творчество не выходит за пределы закономерной необходимости природы. Находясь в реальном мире, управляемом закономерной необходимостью среды, человек познает эти закономерности (правильно отражает их в своем сознании) и, исходя из познания, отыскивает в данной среде путь к своей счастливой жизни и осуществляет его на практике. Причем в своих действиях он не игнорирует закономерности среды, не отбрасывает

их и не противоречит им, а, познав, использует их для своей жизни.

Мы родились в современном капиталистическом обществе и в нем живем. Это неопровержимый факт, и он всюду сопровождает нас. Это и есть то прошлое, которое еще до нашего рождения определило наше настоящее. Хотя и говорят, что человек как индивид свободен, владеет настоящим временем, не ограблен прошлым и т. д., однако, основываясь только на таком понимании, практически ничего нельзя осуществить. В том мире, в котором мы живем, все опутано сетью капиталистической системы — ее промышленностью, транспортом, связью; здесь совершенно невозможно оторваться и стать свободным от капиталистической товарно-денежной экономики. Даже если ты решил удалиться в горы или уйти в море, то и в этом случае не сможешь оторваться от общественных отношений, опутывающих все твое существование — постоянно и везде. Ведь дорога, ведущая в горы, построена здесь людьми, связанными с капиталистическим производством; гэта и всевозможная обувь также созданы внутри нынешних экономических отношений; лодки и суда на морских просторах тоже являются одним из средств для выкачивания прибыли при помощи все той же капиталистической эксплуатации какой-либо паровой компании.

Больше того, получив жизнь в этом мире, ты вынужден и жить в нем — даже при всем твоим глубоким недовольстве современными производственными отношениями, даже если ты считаешь своей миссией революционное преобразование существующего общества. Независимо от того — богач ты или пролетарий, раз ты вошел в существующие отношения, у тебя уже нет иного пути, как жить, сообразуясь с данными условиями. Тот, у кого есть небольшой капитал, уплачивает очередной налог, чтобы открыть, например, лавку; у кого в кармане нет и гроша, идет наниматься на завод или в магазин, чтобы работать, получая помесячную или поденную зарплату...

Иного пути в капиталистическом мире и нет. Конечно, будучи человеком, ты обладаешь известной «свободой» — скажем, наняться тебе на работу в той или иной компании или не наняться. Но такая свобода не имеет никакого значения, поскольку речь сейчас идет о том, чем жить. Хотя для бедняка и имеется свобода выбора профессии, но он не может, например, поступить в выс-

шую школу, точно так же как и стать главой крупной капиталистической компании. Хотя он и обладает свободой попытаться поступить на службу, скажем, в крупный банк или в газетную компанию, но если там не пожелают взять его, он не сможет поступить на эту службу, а если и бывает, что ему дается согласие на поступление в такое учреждение, то практически это все равно неосуществимо обычно при экзамене на вступление в должность 990 человек из 1000 отсеиваются, поскольку выдерживают экзамен всего лишь 10 человек.

К. Маркс в «Предисловии» к своей книге «К критике политической экономии» писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»¹.

И при таких условиях у тех, кто не владеет средствами производства и ощущает на себе нерациональность и противоречия подобного эксплуататорского общества, возникает настоятельное требование изменить его или построить новое общество уже для самих себя. Всюду поднимается движение с требованием возвращения свободы — потерянной или захваченной — и построения такого общества, где бы все люди могли жить свободно и мирно, причем такое движение, разумеется, не предписывается прошлым. А это уже означает, что человек владеет настоящим временем и у него появляется намерение освободить себя от прошлого. Человека сделало человеком именно то, что он овладел творческим настоящим, отрицающим прошлое.

Историческая наука всегда имеет своей целью описание прошлого, но ведь и прошлое является не чем иным, как траекторией своего настоящего — практического, творческого настоящего. Историческое повествование отнюдь не простое описание прошлого. Прошлое следует рассматривать именно как творческое настоящее. Реальная история есть история развития от свободы к свободе!

Но здесь еще мало материализма. История, куда включается такая свобода, ищет в ней направление закономерной необходимости. Следовательно, в основе свободы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6.

находится именно необходимость. Каков же реальный путь пролетариев, потерявших свободу и свой истинно человеческий характер в условиях капиталистического общества, тот путь, на котором они смогут на деле отвоевать свою свободу? Некоторые, следуя своей «воле», избирают путь экзистенциализма и религии, другие — путь анархизма, третьи — путь улучшения капитализма. Субъективно все эти люди обладают свободой в выборе названных путей. Но возникает вопрос, достигнут ли они действительно когда-нибудь мира подлинной свободы на этих путях? Полагая, что идут по нужному пути, они вскоре оказываются в тупике. Значит, стремление исходить только из своей субъективной свободы, конечно, еще не приведет и не может привести объективно ни к какой свободе. В этом мире по-прежнему будут возникать депрессии и кризисы; рабочих будут увольнять, выбрасывать на улицу, а служащие, чтобы сохранить свою должность, должны прибегать ко всякого рода лжи и заискиваниям. Капиталисты же, чтобы как-нибудь избежать экономического кризиса, создают военную промышленность за счет повышения налогов на трудящихся, затем искусственно разжигают военную истерию, втягивая в войну все тех же трудящихся. Спрашивается, можно ли назвать подлинной свободой те пути, которые обычно избираются, основываясь только на субъективной свободе?

Например, свободный выбор больным определенного лекарства, рассчитывающим на то, что оно должно восстановить его здоровье, далеко еще не является настоящим, правильным путем к его выздоровлению. И, наоборот, лекарства, которые объективно полезны для здоровья с точки зрения медицинской науки, могут субъективно восприниматься нами как неприятные. Точно так же обстоит дело и при выборе путей к подлинной свободе, к преодолению противоречий капиталистического общества, проявляющихся в виде эксплуатации угнетенных масс, в виде отчуждения человека. Здесь нужно ориентироваться не на «свободу» действия, следуя тем или иным субъективным представлениям и чувствам, а на строгий путь научного познания, сообща добываясь подлинного разрешения противоречий капиталистического общества.

Наилучший метод лечения любой болезни не в том, чтобы следовать «свободной воле» больного, а скорее в подавлении подобного субъективного своеволия и в осу-

ществлении научного метода лечения данной болезни. То же относится и к «лечению» всех противоречий современного капиталистического общества: здесь имеется единственный объективный путь — уничтожение частной собственности на средства производства и превращение этих средств в общественную собственность всего народа. Другими словами, иного пути к освобождению человечества, кроме пути научного социализма, нет.

Итак, человек творит историю. Без свободы человека нельзя создать подлинной истории. Но здесь следует помнить, что хотя историческое время и продвигается вперед на основе и во главе настоящего времени, однако это настоящее время тесно связано с необходимостью, идущей из прошлого. Подобно тому как при переходе от феодализма к капитализму свобода воли в решениях и действиях различных личностей опосредовалась определенной закономерностью, так же действует и будет действовать свобода воли людей и при переходе от капитализма к социализму, ибо изменение этой закономерной необходимости просто невозможно. Что бы ни говорили, по тот, кто вступает на иной путь, неизбежно рано или поздно придет к своему поражению.

Таким образом, научный социализм, стоящий на материалистических позициях, рассматривает историю человечества как единый естественноисторический процесс. История опосредует неограниченную свободу и одновременно сама опосредуется на основе высшей закономерности. Сначала из неорганического возникло органическое. В процессе развития органической жизни возникает человеческая жизнь и ее история. Точно так же закономерно развивается и история человечества: через рабство, феодализм, капитализм — к социализму, коммунизму. Свобода означает не уход от этой закономерности, не вступление на произвольный путь, не отрицание закономерности, а познание ее на научной основе и применение этих знаний на практике, что и должно привести к освобождению человека. А кто станет увлекаться только «идеей» свободы, тот ничего иного не добьется, кроме потери подлинной свободы.

Таким образом, действия человека, основанные на убеждении, что он в этих действиях обладает такой свободой, которая дает ему возможность не считаться с прошлым, не могут быть ни правильными, ни всемогу-

щими. Несомненно, бывает и так, что мы идем наперекор закономерной необходимости, но в таких случаях возмездие неизбежно обрушивается на нас само собой. Обладая свободой, человек может ошибиться в выборе реакции на то или иное воздействие окружающей среды. Однако к подлинному счастью не может быть нескольких путей. Ибо объективная необходимость только одна. Правильными наши действия будут лишь в том случае, если мы основываем их на познании соответствующих явлений. Свобода настоящего времени не разрушает причинно-следственной необходимости, идущей от прошлого, а, познав ее, определяет направление будущего, которое должно естественно вытекать из прошлого. Именно на такой основе и открывается путь к счастью. А это значит, что ведущим началом нашей истории является скорее закономерная необходимость, идущая от прошлого, а не свобода настоящего времени. Тот, кто абсолютизирует свободу настоящего времени и игнорирует историческую закономерность, в конце концов обязательно становится перед судом истории.

Рядом со свободой всегда находится и необходимость. В основе настоящего имеется прошлое. Если свобода настоящего времени игнорирует и разрушает закономерную необходимость, она не может быть претворена в действительность. Особенность человеческой истории состоит в том, что закономерная необходимость осуществляется не в качестве причинно-следственной необходимости в природе, а через опосредование сознательной свободы в конкретном настоящем времени человека. Несомненно, без такого настоящего времени (субъективного решения и действия людей) история не могла продвинуться вперед ни на шаг. Несомненно и то, что историческое время состоит из непрерывного ряда мгновений подобного настоящего времени, но вместе с тем эта непрерывность не нарушает необходимого направления в общем историческом развитии. Несмотря на то что настоящее время бывает заполнено самыми разнообразными и подчас неудачными попытками, ошибками, окольными путями, однако в результате, в конечном итоге все это представляет собой не что иное, как следование по пути объективной необходимости. Животное действует по инстинкту, человек — сознательно. Поэтому и особенность человека в том, что он владеет настоящим временем. Но если исходить только

из этого и неправильно пользоваться своей свободой (субъективно, произвольно), то можно вызвать такие вредные последствия, которые окажутся даже хуже инстинктивных действий. Игнорирование прошлого, так же как и абсолютизация настоящего, отнюдь не приводит к развитию подлинной истории человека. В этом смысле чрезвычайно опасными являются такие формы абсолютизации настоящего времени, как «абсолютное небытие» и «само себя определяющее абсолютное настоящее время»¹.

Кроме тех двух видов исторического времени, которые мы рассмотрели выше, — природного необходимого времени, идущего от прошлого, и практического, сознательного, свободного настоящего времени, — здесь необходимо остановиться еще на одном, а именно на так называемом целесообразном времени, движущемся таким образом, что в его центре стоит будущее время.

Человек в своих действиях все планирует, преследует определенные цели, и все приводит в какой-то определенный порядок. Создание человеческой истории вовсе не слепое, механическое движение, подобное тому, которое происходит в природе. Человек всегда действует сознательно, преследуя определенную цель. Само собой разумеется, что и история не просто и гладко развивается в направлении той или иной цели, поставленной отдельной личностью. Обычно происходят столкновения, возникают противоречия множества отдельных волей, и в целом нередко получается результат, противоположный ожидаемому участниками этих столкновений.

В связи с этим нельзя не отметить, что среди историков немало есть и сторонников так называемой телеологической точки зрения. Таковы, например, представители исторической школы христианской религии. Они утверждают, что история человечества есть осуществление замыслов всемогущего бога и что человек перед ним совершенно бессилён; он не в состоянии, например, увеличить или уменьшить свой рост хотя бы на самую ничтожную величину, без божьей воли не теряет даже и одного волоса на своей голове. Человек не может управлять судьбой человечества, дать определенное направление истории в целом. И у него не остается иного пути, как следовать предначертаниям бога. «Да будет воля твоя!..»

¹ Нисида Китаро, Определение небытия в самосознании, 1931 (на японском языке).

Что касается Гегеля, то он, хотя и имел общую с религией тенденцию в объяснении истории человечества, но относительно сознания свободы занимал прогрессивную позицию. Человек первобытной эпохи совершенно не обладал сознанием такого понятия, как «свобода», и в этом отношении он был почти подобен животным, у которых нет этого сознания. В восточном мире сознанием свободы обладал только один-единственный человек — монарх, а остальные люди беспрекословно подчинялись его воле. В древнегреческом обществе свободой была наделена лишь малочисленная аристократия, от которой все другие находились в полной зависимости. Впервые, по мнению Гегеля, свобода становится возможной для всех людей у народов Европы нового времени, в особенности у народа Германии, где в то время жил и сам философ. По Гегелю, прогресс истории как раз и выражается в движении человечества по направлению к сознанию свободы. Здесь мы находим у него то самое открытие, которое и сегодня еще не потеряло свое жизненное значение. Однако значение это не в том, что некий законодатель устанавливает в историческом мире или за его пределами историческую цель, и не в том, как утверждает Гегель, что эта цель (свобода) была осуществлена уже в гражданском обществе Европы нового времени.

Безусловно, мы всегда ставим перед собой ту или иную цель и, следуя ей, действуем, но возникает эта цель не в пустом пространстве, точно так же как и не благодаря «самоопределению абсолютного небытия» или идее «абстрактного разума», а в реальной окружающей нас среде. У человека желание возникает соответственно возможностям, имеющимся в реальной действительности. Желания людей древнего мира и современных людей, потребности свободы человека в условиях феодализма и в условиях капитализма, разумеется, не одни и те же. Нельзя также сказать, что одинаковыми являются и требования свободы у рабочих и интеллигенции. Основой для определения цели на будущее всегда служит реальная действительность среды настоящего времени. Именно настоящее время выдвигает требования к будущему. Вообще в истории нет такого времени, которое вытекает просто из будущего. В ней всегда действует сила, определяющая будущее, исходя из настоящего, а настоящее в свою очередь определяется из прошедшего. Вот почему настоящее время не может

определить прошедшего, а будущее — настоящего. При изложении истории нельзя забывать строгую последовательность времен, эту единую линию. В истории все времена последовательны и взаимно связаны; здесь недопустимы как взаимонезависимость времен, так и представление их в виде параллельных линий.

Конечно, настоящее время всегда определяет прежде всего настоящее время, но бывает и так, что оно определяет прошедшее (прошлая история всегда пишется с позиций настоящего времени), однако это настоящее обычно строится на основе прошедшего (необходимость стоит рядом со свободой). Подобным же образом и так называемое целесообразное время, где будущее определяет собой настоящее, постоянно включается в историческую практику. Но и эта будущая цель на самом деле всегда возникает и формируется на основе настоящего времени, к тому же само настоящее время прочно связано с прошедшим. Именно поэтому историческое время по своему происхождению и представляет единую, прочную линию. Итак, мы пришли к обычному времени, которое движется от прошедшего через настоящее к будущему. На данной основе выступает и такая связь времен, как настоящее — прошедшее и будущее — настоящее. Однако не это составляет основное течение времени. Сознание человека не разрушает естественную закономерность и историческую необходимость, а, напротив, позволяет правильно действовать и тем самым ускорять исторический ход событий. Тот, кто идет наперекор этой исторической необходимости, неминуемо готовит себе поражение¹.

§ 2. Застойное время и время, периодически повторяющееся

В нашем реальном мире все находится в движении, изменении, в процессе возникновения и исчезновения.

¹ Подобно тому как в эпоху падения феодализма сторонники сохранения этой формации потерпели поражение, так неминуемо произойдет и с теми, кто в эпоху падения капитализма пытается сохранить империализм. Субъективно все эти защитники отживающего обладают свободой консерватизма. Однако такая «свобода» в конечном итоге терпит крушение. И чем упорнее они отстаивают ее, тем трагичнее их конец. Ибо подобная «свобода» ничего общего не имеет с подлинной свободой

Абсолютный покой, вечная неподвижность могут существовать только идеально, в представлениях человека. Движение есть форма существования материи. Поэтому в выражении «застойное время», естественно, содержится какое-то противоречие. Всякое время характеризуется прежде всего тем, что оно течет, движется. Однако скорость движения бывает различной. Если современное все ускоряющееся время, когда, скажем, спортивные состязания рассчитываются по секундам, а некоторые скорости подобны движению электрона, сравнить с прошлым, то скорости прошлого могут показаться слишком медленными. Вспомним хотя бы те времена, когда, например, путешествие до 53-й конечной станции по дороге Токайдо¹ считалось столь долгим, что перед ним раскидывалась прощальная чара, или тем более — древние времена, когда наши предки в течение исключительно долгого периода почти нисколько не изменяли свой образ жизни, способ производства материальных благ.

Как история природы, так и история человечества развиваются с нарастающей скоростью. Если взять историю небесных тел, историю планеты Земля, то здесь историческое время неизбежно начинается с такого прошлого, к которому наш счет времени в годах уже не может быть применен. А когда ставится вопрос об определении времени возникновения из неорганического органического, далее из органического — живой жизни, организмов и, наконец, из живых организмов — выделения совершенно нового вида их, названного человеком, то здесь уже рассматриваются не факты, а их разъяснение, истолкование. И в зависимости от того, с какого уровня признается появление человека, принимаются различные данные. Некоторые относят появление человека на миллион лет назад, другие признают более короткие сроки — 500 тыс. лет и даже 300 тыс. лет. Во всяком случае, на протяжении этих сотен тысяч лет не происходило больших изменений ни в жизни человека, ни в мире животных. Поэтому, подходя к указанному времени с нашей, современной точки зрения, вряд ли будет основание для особенно больших возражений, если мы определим его как «застойное время». Даже если принять во внимание нечто подобное

¹ Токайдо — дорога между Эдо (Токио) и Киото XVIII века — Прим. перев.

«хроникам», или своеобразным записям, которые стали появляться после зарождения слов, а затем и письменных знаков, то и такие записи исторического времени явились достижением уже новейшей эпохи, которая по сравнению с доисторическим временем представляет совершенно незначительный срок, едва насчитывающий около трех с половиной тысяч лет. Да и в новую эпоху вначале на протяжении очень длительного времени монотонно повторялся одинаковый образ жизни без малейших изменений. Даже значительно позднее, когда человечество вступило в эпоху средних веков, в так называемую «темную эпоху» (здесь не место для спора о том, насколько правомерно это название), этот период растянулся почти на целое тысячелетие. Сравнительно быстрое движение исторического времени начинается с XV—XVI веков. Но и эта быстрота ни в какое сравнение не идет с головокружительными историческими изменениями нашего времени.

В том, что историческое время развивается с нарастающей быстротой, имеется определенная закономерная необходимость. Кто раньше сидел, с течением времени стал на ноги; кто стал на ноги — зашагал; кто просто шагал — побежал. Затем пешеходов и бегунов последовательно заменяют лошадь, велосипед, поезд, трамвай, автомобиль, самолет, и притом не только обычный, но и реактивный со сверхзвуковой скоростью. Развитие радио и телевидения свело на нет все расстояния на земном шаре. Теперь изменения одного нашего года, пожалуй, равняются изменениям, происходившим за десятки и даже сотни лет в прошлые времена. Если наше движение и в дальнейшем будет таким же стремительным, как сейчас, то через десять или сотню лет изменения окажутся настолько поразительными, что теперь их даже и представить невозможно. И конечно, сопоставляя с таким динамичным временем времена древней эпохи или средних веков или прошлые времена Индии и Китая, отнюдь не будет ошибкой, если мы назовем их «застойными».

Говорят, что начало истории человечества относится к эпохе делювия. Эта эпоха называется также ледниковой, поскольку северное полушарие подвергалось влиянию чрезвычайно холодного климата. Здесь огромный район многократно покрывался ледниковыми толщами, что каждый раз приводило к изменениям в мире живых существ.

часть животных погибала, другим приходилось перебираться в новые районы. Считают, что ледниковый период продолжался 500—600 тыс. лет, а эпоха делювия началась с третьего оледенения, 100—200 тыс. лет назад.

В течение этого последнего периода часть людей также погибла, другие переменили место своего поселения. В продолжение этих десятков тысяч лет каменные орудия людей оставались без каких-либо значительных изменений и усовершенствований. А это как раз и свидетельствует о той невообразимой застойности, которая характеризует культуру человечества глубокой древности. И действительно, люди в течение столь длительной эпохи почти в 200 тыс. лет оставались лишь охотниками—собираателями плодов. С наступлением среднего периода делювия, последнего периода оледенения, начинается сравнительно быстрое для того времени развитие культуры каменных орудий, названной «мустьерской». Доисторический человек этого периода носит название «неандертальского» и занимает довольно обширное пространство на старом материке.

С окончанием последнего периода оледенения в предыстории человека снова происходят большие изменения. На смену первобытному приходит неантроп, новый человек, человек современного вида. Неантроп обладает уже сравнительно большими способностями и более богатой культурой. Полагают, что самое крупное событие в истории человечества произошло 20—25 тыс. лет назад, когда человек научился добывать огонь и изобрел лук и стрелы. Происходит качественное изменение каменных орудий, впервые изготавливаются различные предметы из кости и рога, а это привело к новым изменениям: появились древние формы произведения искусств — фигуры женщин, вырезанные из рога. Изображения животных на каменных стенах пещер и до сих пор высоко оцениваются как произведения искусства, но создавались они как заклинания для успешной охоты.

С установлением теплого климата на северном полушарии снег и лед постепенно начали таять, и на севере Европы появляются леса с разнообразным пернатым и животным миром. Соответственно меняется и культура человека. Если в конце ледникового периода преобладала культура, в основе которой находилась охота на северного оленя, то с наступлением новых географических

условий она получает уже и новое содержание. В Европе появляются три различные культуры с центрами в Южной Франции, на севере Европы и в бассейне Дуная, и все они так или иначе перекрещиваются между собой. Указанный период охватывает 7—5 тыс. лет до н. э. В эту эпоху охотничьи племена уже широко используют лук и стрелы, приручают собак, начинают владеть топором, рубят деревья и даже изготавливают из них лодки.

Когда, где и как человек начинает заниматься земледелием, явившимся подлинной революцией в его жизни? Самые древние следы земледелия находят в остатках жилищ доисторической эпохи в долине реки Нил. Здесь обнаружены топоры из шлифованного камня, при помощи которых древние люди рубили лес, расширяли площади обрабатываемой земли и т. д. Хлебные злаки срезались деревянными серпами с насаженными на них каменными зубьями и обмолачивались каменными цепями. Основными культурами были просо, ячмень и лен. Древние люди занимались также охотой и рыболовством, разводили домашний скот — свиней, коров, овец, коз. Именно здесь человек за 10 тыс. лет до н. э. положил начало культуре нового каменного века.

Все вышеизложенное представляет собой историю человечества, являющегося прямым объектом таких наук, как геология, антропология, археология. Начало писаной истории, безусловно, относится к значительно более позднему периоду, около четырнадцати веков до н. э. Но даже и в первые 100—200 лет н. э. трудно или вообще невозможно найти какие-либо существенные изменения, в то время как каждые современные 5—10 лет приносят такие коренные изменения, которые без преувеличения можно назвать поразительными. Особенно это относится к периоду после окончания второй мировой войны. В этом смысле, если начальное время нового летосчисления тоже назвать застойным, это отнюдь не будет ошибкой. Застойный характер исторического времени присущ для эпох неразвитых культур человечества. И наоборот, вместе с развитием культуры историческое время обычно приобретает все нарастающую скорость. Та история, которая развивается ускоренно, обязательно обладает и высокой степенью культуры. Но это весьма широкое определение; в действительности же так происходит не

всегда и не везде. Например, в древние времена Китай достиг в своем развитии довольно высокой культуры, и можно сказать, что Япония сумела развить свою национальную культуру только под влиянием этой материковой культуры, однако в последующие многие века в Китае проявилась тенденция довольно значительного культурного застоя. Да и не только в Китае, но и в большинстве восточных стран в сравнении с Западом можно с полной определенностью отметить подобную же тенденцию. В чем же здесь причина?

Одной из причин этого, как уже указывалось, явилось различие в географических условиях. Но к ним следует добавить и еще одно весьма важное обстоятельство, которое нельзя забывать, — это политический строй, общественные отношения. Там, где в классовом обществе политика носит жестокий, деспотический характер, где народ подвергается крайнему угнетению, там история не может продвигаться вперед. Вообще в антагонистическом классовом обществе прогресс неизбежно тормозится, поскольку привилегированный класс может сохранить себя только на основе подавления растущих сил трудового народа. И когда среди нового класса вырастает такая сила, которая разрушает это положение, тогда история, подобно бурному потоку, начинает свое стремительное движение вперед.

Но и застойное время не является абсолютным покоем, окостенением. Поскольку человек живет и развивается, поскольку содержанием исторического времени служит история, в ней неизбежно не может не быть и какого-то движения, изменения, каких-то поворотов, рождения и смерти. В процессе всего этого старая эпоха постепенно отмирает, а новая шаг за шагом нарождается, растет и наконец сменяет собой предшествующую эпоху.

Земной шар, вращаясь вокруг своей оси, постоянно сменяет день и ночь, а двигаясь вокруг Солнца, переходит от весны к лету и от осени — к зиме. Эти смены происходят безостановочно. Почти повсеместно люди совершают обряды совершеннолетия, женитьбы, похорон и другие ритуалы, различающиеся между собой в основном только по форме. И хотя здесь из поколения в поколение повторяется одно и то же, но это все же движение. И хотя это — движение, оно вместе с тем представляет собой повторение одного и того же. Такому времени мы

даем особое название — «циркулирующее», то есть периодически повторяющееся, и включаем его также в историческое время. Поэтому застойное время следует понимать скорее именно в смысле циркулирующего времени.

Однако, хотя оба эти времени и можно назвать одинаково — циркулирующими, все же они по своему содержанию различны. Сутки, четыре времени года, год, столетие, эпоха и т. д. — все это временные категории, между которыми в смысле циркулирующего времени нет различия, но в плане исторического времени его циркуляция, смена эпох имеет особенное значение. В истории каждая эпоха имеет особые формы жизни и культуры, отличные от других эпох, но все они появляются отнюдь не случайно и не неожиданно, а закономерно, будучи заложенными еще в старой, предшествующей эпохе. Новое зарождается в процессе упадка, разрушения старого; затем оно растет, зреет и приводит наконец к полному расцвету эпохи. С течением времени откуда-то опять начинают появляться новые тенденции, со всех сторон вскрываются различные противоречия и противоположности, и вскоре эта в прошлом цветущая эпоха начинает терять свою опору, постепенно увядает и гибнет, уступая место новой эпохе.

Когда-то и древнегреческая культура, как творческая вершина исторической культуры мира, сияла ослепительно, и культура Древнего Рима господствовала над всем миром того времени в такой степени, что даже появилась поговорка — «все дороги ведут в Рим». И все это теперь принадлежит только прошлому. Не думается, чтобы современные нам греческая и итальянская нации смогли вернуть добрые старые времена, с тем чтобы взвалить на себя, подобно прошлому, историческую миссию. То же самое можно сказать и в отношении христианской религии, диктаторскому господству которой в средние века подчинялись безоговорочно, а позднее она лишилась этой роли.

Культура нового времени, наступившая на основе непримиримой критики средневековой культуры, построенной на христианской религии, своим центром считала, безусловно, Европу, а по мнению европейцев, и весь мир ограничивался именно Европой, за пределами которой ничего не было. Но и эта эпоха европейского мира

в настоящее время оставила период своего полного расцвета далекому прошлому.

Развитие капитализма нового времени по мере приближения к вершине своего роста все более осложняется усилением тех неразрешимых противоречий, которыми чревато это общество. Борьба между классами и нациями вскоре обнаруживает признаки неизбежного падения этих антагонистических общественных отношений. И не только признаки! Уже во многих странах полностью разрушен этот отживший эксплуататорский строй и заменен новым свободным социалистическим строем с новыми общественными отношениями.

Таким образом, в историческом мире происходят непрерывные, ни на миг не останавливающиеся изменения. Этот процесс безграничных изменений идет через бесконечные периодические повторения (рождение, рост, расцвет, увядание, смерть). Конечно, как в феодальном, так и в капиталистическом обществе имеется общая судьба в том отношении, что и там и здесь происходит зарождение, рост, расцвет и гибель. Но из такой неопределенной общности мы еще не можем сделать для себя определенных практических выводов. Для нас важно то, что в основе перехода, развития каждого общества имеется своя, особенная необходимость. Здесь-то и встает задача прежде всего добросовестного анализа этой необходимости, чтобы на ее основе определить линию развития на будущее. Но если исходить только из того, что в каждой эпохе имеются повторяющиеся циклы зарождения — смерти, это еще не будет суждением научного уровня.

Хотя и востойное время и периодически повторяющиеся входят в качестве известных моментов в историческое время, однако следует заметить, что отнюдь не они имеют в нем значение существенных факторов. Историческое время нужно рассматривать совершенно конкретно, реально, отбросив всякую абстрактную всеобщность. И тогда мы ясно поймем, что самое важное историческое значение, которым обладает историческое время, находится не в абстрактном времени, подобно востойному и периодически повторяющемуся, а в конкретном, которое одновременно обладает значением и прогресса, развития; и в таком случае для нас станет ясной та закономерность, которая неизменно ведет вперед, в направлении к рефор-

ме, а затем и к революции, знаменующей собой огромный качественный переворот в истории.

И хотя в застойном и повторяющемся времени, если их рассмотреть более глубоко и подробно, также можно отметить случаи некоторого прогресса и развития, однако более важным и значительным историческим временем является прогрессирующее время, время реформ и революций, к рассмотрению которого мы сейчас и переходим.

§ 3. Прогрессирующее время

В настоящее время почти все признают ту неоспоримую истину, что история прогрессирует и развивается. Но раньше придерживались как раз противоположного взгляда.

Однако нельзя сказать, будто в древности движение в истории вообще отрицалось. Его, конечно, тоже признавали, но представлялось оно в обратном направлении. Вначале человечество находилось в счастливым «золотом веке», созданном богами; затем эта счастливая пора постепенно становится несчастной и наконец совсем исчезает. Например, легенда Гесиода о пяти веках — золотом, серебряном, медном, веке героев и железном — и есть не что иное, как история человечества, постепенно приближающаяся к своему концу.

У Платона мир сотворен богами, и этот мир насчитывает уже 72 тысячи лет своего существования, причем первая половина его была наполнена гармонией, а вторая впадает в хаос. В период хаоса боги снова появляются, и начинается повторение, возвращающее к прежней истории. В древности в категории времени не могли выявить никакого активного значения. По мнению Горация, время просто истощает ценность мира — и не больше.

Прогресс представлялся тогда скорее как повторение особого времени. Понятие о прямолинейном времени возникло сравнительно недавно, для древнего же человека время представлялось в форме круга или *спирали*. Совершив круг, оно возвращается к старому, история периодически повторяется. Именно поэтому историческое описание имело для древних лишь нравоучительное, практическое значение. Даже Фукидид, этот признанный зачинатель научного изложения истории, говорил, что его

целью является показ того времени, когда «будущее когда-нибудь повторится, как одинаковое».

Христианская религия подхватила эту идею цикличности и на ее основе обещала человечеству счастье в будущем. Однако это счастье обещалось уже не на земле, а в потустороннем мире. Поэтому не имелся в виду и прогресс в земной истории; напротив, утверждалось религиозное учение о «конце света».

Идея прогресса в истории получает свое признание уже в новое время, да и то после XVIII века. Зачянятелем той теории, в которой общество связывается с прогрессом знания, принято считать аббата Сен-Пьера. В противоположность Геспиоду он ведет историю вверх; начав с железного века, переходит к медному, затем — к серебряному и золотому векам, причем процесс этот опосредуется развитием сознания. Значительно убедительнее эта мысль раскрывается в теории исторической науки Вольтера и на еще более высоком теоретическом уровне — в философии всемирной истории Тюрго, где она уже господствует.

По Вольтеру, история отнюдь не прогрессирует прямолинейно в одном направлении, а, напротив, представляется как смена прогресса и регресса, разумного и неразумного, заполненная ошибками, застоєм и несчастьями. По Тюрго, она также не прогрессирует на основе разума; каждая нация рождена в процессе контактов с другими нациями, состоящих из неразумных импульсов, злых намерений и войн. Но для него любое темное дело, любая ошибка являются не чем иным, как ступенями к прогрессу, звеном прогресса. Дикость не отрицание прогресса, а скорее своеобразный росток его. К тому же эта мысль явилась господствующей для XVIII века, поскольку находит себе место даже в детерминизме энциклопедистов Гольбаха, Гельвеция и других.

В XIX веке эта мысль о прогрессе в истории получает широкое распространение уже как достоверное и непоколебимое положение. Известно, что Фихте мыслил историю в качестве процесса от инстинкта к свободе, а Гегель представлял ее в виде процесса самообнаружения «мирового духа» или же прогресса в сознании свободы. Причем и Фихте и Гегель всемирную историю представляли в качестве прогрессивного процесса от несовершенства к совершенству. К тому же эта мысль была под-

тверждена прогрессом науки того времени. Вслед за эволюционной теорией Дарвина в области биологии появляется эволюционная теория Спенсера для общества. Одновременно выступают Огюст Конт и Карл Маркс, и каждый из них, исходя из своих собственных убеждений, обосновывает теорию о том, что история человечества вовсе не является чем-то застывшим, раз навсегда данным или же циклически повторяющимся, а представляет прогресс, развитие на основе определенных закономерностей. Эта теория получает затем все более широкое распространение¹.

Однако в XIX веке вместе с этими теориями, признающими, что одна эпоха служит подготовкой, ступенью для последующей, появляются и такие, в которых в противоположность первым утверждается, что каждая эпоха уже в самой себе содержит свою оригинальную основу. Первым, кто выступил с подобной теорией, был Гердер, но типичным представителем этого направления следует считать все же Ранке.

Так называемое «развитие» является в исторической науке Ранке основной категорией. Однако по своему содержанию оно полностью отличается от общепринятого понятия прогресса и совершенствования. Понятие «прогресс» родилось из доверия к цивилизации и имело широкое распространение как идея просветительского рационализма XVIII века. Эта идея включала в себя и такое положение, которое рассматривало древний мир и средние века как предшествующие ступени нового времени. В целом это означало, что каждая последующая эпоха ставится на более высокую ступень, чем предшествующая, и таким образом отрицается оригинальное значение предшествующих эпох, являющихся якобы только ступенью, готовящей последующую эпоху. Ранке выступает против подобной теории. В древней культуре имеется своеобразная высота, и культура нового времени, как бы совершенна она ни была, считал он, представляет собой такую особенность, которая не позволит ей вернуться к вершине древней культуры.

Согласно Ранке, ценность всех эпох оправдывается не на основе последующих эпох, а только богом, ибо, как

¹ См.: Судзук и Наритака, Прогрессивность и историзм. Историческое государство как понятие (на японском языке).

утверждал он, все эпохи равны перед богом и непосредственно примыкают к нему. Ценность каждой эпохи находится в ней самой. Другими словами, каждая эпоха является не просто звеном в непрерывном процессе, а особой сущностью. Следовательно, каждая из них обладает и собственным абсолютным значением. И хотя между ними имеется связь, в которой не трудно разглядеть прогресс, это вовсе не является тем, что принято рассматривать как прямолинейное развитие. У каждой эпохи есть своя определенная тенденция. И было бы бессмысленно игнорировать различие этих своеобразных тенденций и признавать только общий прогресс от одной эпохи к другой. Тенденции можно описать, но нельзя свести их к одному понятию¹.

Однако и эти идеи, если рассматривать их с точки зрения исторической науки, также являются историческими, ибо их материальная основа заложена в исторических условиях общества тех эпох. В древнем обществе не было понятия «прогресс»; там господствовали скорее идеи регресса и падения. Эпоха древних людей не была прогрессирующей, и это отражалось в их сознании. Их эпоха в целом была скорее застойной; и то, что культура древнего мира, достигнув вершины своего расцвета, начала движение по наклонной плоскости, ведущей к падению, свидетельствует лишь о неразрывной связи указанных идей с их положением. Понятно, что не могла появиться идея прогресса и в средневековом застойном обществе.

Возникновение и широкое распространение понятия «прогресс» было вызвано именно теми изумительными событиями (открытие Америки, открытие морского пути, огибающего южный мыс Африки, промышленная революция и т. д.), которые бурно, стремительно двигали и изменяли историю. Другими словами, гражданское общество нового времени в период быстрого развития капитализма Западной Европы начало крупными шагами продвигаться вперед, и именно тогда на основе радужных надежд людей того времени относительно будущего человечества появилось и широко распространилось это понятие прогресса.

¹ См.: Судзуки Наритака, Ранке и мировая история (на японском языке).

Хотя имеющиеся у нас идеи иногда и кажутся нам «чистой» теорией как продукты «чистого» разума какого-либо индивида, как истины, однако следует иметь в виду, что мышление человека осуществляется не в безвоздушном пространстве, а в определенной исторической среде, отражая реальную действительность данной эпохи и общества.

Именно поэтому ни одна истина не может быть осознана, пока не наступила ее эпоха. Философия Платона и Аристотеля принадлежит Древней Греции, философия Декарта и Спинозы отражает начальный период гражданского общества нового времени; точно так же и немецкая идеалистическая философия явилась философией определенного периода — периода расцвета капитализма нового времени. Естественно, что новые истины рождаются в голове гениев, но ведь и гении не изолированы от истории, они отражают эпоху, будучи сами острее, где как в фокусе кристаллизуется сущность исторической действительности.

После смерти Гегеля, начиная с 30-х годов XIX столетия капитализм постепенно углубляет свои противоречия и начинает обнаруживать признаки своего упадка. Отражая эту действительность, в сознании человека все больше начинают проявляться колебания в понимании прогресса. История не просто прогрессивный процесс. Каждая ее эпоха носит в себе независимое, абсолютное значение и ценность. И подобно тому как древняя культура не явилась подготовкой для прогресса средневековой культуры, так и средневековая не была ступенью к культуре нового времени.

Каждая эпоха связана только с богом! И капитализм, как бы он ни развивался, никогда не потеряет своего значения, чтобы стать ступенью для следующей, более высокой эпохи.

Монархия как таковая несет в себе свое историческое значение и потому не отрицает себя, двигаясь к демократии, как низшая ступень политического строя к более высокой ступени. Но если даже это произойдет, если монархия станет демократией, а капиталистическое общество превратится в социалистическое, это еще не значит, что здесь имеется прогресс истории... Вот какие идеи излагает Ранке в своем исследовании об императоре Максимилиане!

Кто мыслит с позиций эксплуататорского, господствующего класса, тот чем яснее ощущает угрозу падения этого класса и его общества, тем больше старается отрицать признание данного факта. Некоторые люди прикидываются, будто не видят этого закономерного процесса. Другие прибегают к софистике, чтобы утверждать вечное и абсолютное существование обреченного на падение капиталистического общества (в Японии принято говорить о беспредельном благополучии императора на небе и на земле). Наконец, есть и такие, которые в переходе к новой общественной системе видят не прогресс и развитие, а разрушение и падение. Когда Шпенглер провозгласил свой тезис о «закате Европы», был 1918 год, второй год после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России. В его сознании закат капитализма отразился как «закат Европы».

Идеология господствующих классов отражена также и в той теории Ранке, в которой отрицается исторический прогресс в культуре. Разумеется, если нашу историческую культуру рассматривать как набор отдельных, разрозненных фактов, то может показаться, что она развивается отнюдь не прямолинейно — вместе и наряду со временем. Древнегреческое искусство остается неизменной, вечной ценностью, хотя на его основе появилось искусство как средних веков, так и нового времени. Такие произведения японского искусства, как каллиграфия Оно-но Митикадзэ¹, обладают столь высокой степенью художественного мастерства, что их уровня до сих пор не в состоянии достичь ни один человек. Мы теперь, хотя и небрежно, но быстро пишем иероглифы авторучкой. Это, конечно, практично и удобно, но с точки зрения эстетической нельзя сказать, что здесь имеется какой-то прогресс. Точно так же и те японские мечи, которые ковал в эпоху феодализма такой мастер, как Горо Масамунэ, теперь, при машинном производстве, не могут быть созданы. Таким примерам нет конца. Можно сказать, что мораль и религия в прежние времена в известном смысле имели большее влияние в жизни людей, чем в наше время. Теперь уже нет таких проповедников морали, каким был

¹ Оно-но Митикадзэ — каллиграф X века.

Накаэ Тодзю¹, и возможность появления религиозных проповедников типа Хонэн и Синран² также почти исчезла. И с этой точки зрения можно было бы сказать, что в развитии культуры нет прогресса. Или же возьмем картины Леонардо да Винчи, Сэсю³, Танию⁴. В них заключена такая красота, какой не найти ни в одной современной картине, и все же само собой разумеется, что эпоху средневековья нельзя признать более прогрессивной, чем наша, современная эпоха. Однако, чтобы лучше выяснить эту проблему, следует рассмотреть подлинную научную различия исторических обществ и получить научное представление о той базе, которая поддерживает содержание и движение многообразных исторических культур.

Именно в этом вопросе материализм и идеализм занимают противоположные, непримиримые позиции. Идеалисты, как уже отмечалось, в основе истории находят разум, дух, бога, «абсолютное ничто» и другие нематериальные, метафизические идеи, а материалисты кладут в ее основу способ производства материальных благ, необходимых для жизни человека, точнее — так называемые экономические, производительные силы общества, которые включены в данный способ производства и берутся в качестве основной движущей силы истории человечества. Развитие «разума», «духа» и прочих религиозных и моральных идей не имеет в себе собственного базиса; все возникает и развивается, опосредуясь через процесс производительного труда человека. Поэтому-то и нельзя не стать на материалистическую точку зрения. Идеализм пытается поставить человека на голову, а материализм, опираясь на реальную действительность, вновь ставит его с головы на ноги.

¹ *Накаэ Тодзю* (1608—1648) — основатель японской школы субъективного идеализма «Оёмэйгакуха», которая на первый план выдвигала религиозные основы этико-политического учения древнего конфуцианства. — *Прим. перев.*

² *Хонэн* (1133—1212) — основатель буддийской секты *Дзёдо*; *Синран* (1173—1262) — основатель буддийской секты *Синсю*. — *Прим. перев.*

³ *Сэсю* — пейзажист XVI века, его картины представляют собой лирические и философские размышления о природе. — *Прим. перев.*

⁴ *Танию*, или *Тан'ю* (1602—1674) — представитель японской живописной школы Каю, получившей большое развитие в XVII веке. — *Прим. перев.*

Как бы умело ни выступал даже наиболее талантливый пропагандист с призывом к дальнейшему прогрессу, но, если производительные силы, входящие в базис данного общества, не достигли определенного уровня развития, общество в целом все равно не в состоянии будет подняться на более высокую ступень исторической культуры. И наоборот, если общество действительно имеет развитые производительные силы, то и культура его не может оставаться в состоянии застоя, неподвижности, как это было в старину. Если производительные силы не развиваются, не прогрессируют, то и в обществе в целом не может быть прогресса, а это как раз и свидетельствует о застойности исторического времени. И наоборот, если в обществе происходят большие, все ускоряющиеся изменения, это означает, что в нем происходит и быстрое развитие производительных сил. Говоря несколько выше о застойности исторического времени, мы имели в виду, что неразвитость производительных сил общества приводила к применению одинаковых орудий производства, одинакового способа производства.

Касаясь специфики восточной культуры, часто утверждают, что восточный мир отстал от Запада в материальном, экономическом отношении, но зато в духовном отношении он достиг такой вершины культуры, которая не может пойти ни в какое сравнение с западной. Однако подобное суждение не выдерживает критики, ибо духовная культура здесь абстрактно отрывается от материальной, предавая забвению основное положение диалектики, рассматривающей эти две стороны во взаимодействии. Представлять же духовную культуру без материального базиса — такой же идеализм, как если бы мы стали создавать представление о работе сердца без материального носителя его работы. Вот почему прогресс и развитие истории нельзя рассматривать, не опираясь на развитие производительных сил, являющихся их основой. Производительные силы, будучи основным фактором движения на протяжении всей истории, обладают неограниченной способностью непрерывного роста.

Общество, имеющее в своей основе высоко развитые производительные силы, почти всегда обладает высоким уровнем развития как в материальном, так и в духовном отношении. И с этой точки зрения можно сказать, что история в целом всегда прогрессирует. Хотя частично,

временами она и включает в себя разного рода регресс, падение, застой, но в целом, опосредуя все это, она совершает бесконечный прогресс. К тому же понятие так называемого прогресса является, вообще говоря, количественным. Особенно наглядным это становится тогда, когда речь идет о прогрессе производительных сил. Так, сравнение производительных сил промышленности Западной Европы 1913 года, то есть кануна первой мировой войны, с данными 1956 года показывает, что здесь произошел рост в два раза, а в Советском Союзе — в сорок раз. Эти цифры ясно выражают именно количественный рост производительных сил. Но помимо количественных в истории постоянно происходят и качественные изменения. Вершиной подобных качественных изменений являются социальные революции. В отличие от времени количественных изменений время качественных изменений обладает некоторыми особенностями, к рассмотрению которых мы сейчас и переходим; мы назовем его «реформирующим».

§ 4. Реформирующее время

Как мы уже говорили, наша историческая действительность представляет собой отнюдь не неподвижный, застывший, покоящийся мир, а мир, где непрерывно происходит движение, изменение, развитие. Исторический мир — не мир уже готовых, данных нам форм, как представляет себе Буркхардт¹, а формирующийся, становящийся. В этом смысле историческая наука может быть названа наукой зарождения, изменения, развития, наследования. Именно поэтому та или иная эпоха формируется на основе того, что уже существует, и того, что еще только зарождается; она включает в себя одновременное существование различных явлений. В каждую эпоху и в каждом обществе вместе с уходящим в прошлое, которое еще не совсем исчезло, тихо спит, как бы набираясь сил, то, что затем сильно разовьется в последующую эпоху и в новом обществе. Если говорить о сегодняшней Японии, то здесь пережитки феодального и монархиче-

¹ Я. Буркхардт (1818—1897) — швейцарский историк культуры и искусства, отрицающий закономерность и прогресс в истории.— *Прим. перев.*

ского сознания не только не исчезли, но временами в отдельных уголках нашего общества даже поднимают свою голову и проявляют необузданную силу. Однако как бы реакционные силы старого ни пытались подавить, растоптать молодую, нарождающуюся силу, призванную формировать следующую эпоху, эта новая сила все более крепнет и все решительней приступает к формированию грядущей эпохи, все увереннее наступает на господствующие силы современного капиталистического мира, подобно океанскому приливу, сокрушающему на своем пути даже каменные скалы. Карл Маркс дал подобной эпохе глубокий научный анализ.

Ранке тоже говорил об одновременности случаев и событий в истории, но он не признавал той неоспоримой истины, что связь эта между отдельными фактами, явлениями и событиями в основе своей имеет определенную закономерность. Если он связь между историческими фактами объясняет волей бога, то мы, материалисты, исходим из того, что одновременность фактов в истории символизирует и проявляет «созревшее время».

Так, в 1517 г. Мартин Лютер с религиозных позиций выступил против торговли папскими грамотами об отпущении грехов — индульгенциями. Одновременно и князь Фридрих Саксонский не мог оставить без внимания торговлю индульгенциями на территории своих владений, но уже по особым — политическим и экономическим причинам. Здесь — факт одновременности двух исторических событий. Если взять историю революции Мэйдзи против Бакуфу, то и здесь встретимся с одновременностью появления двух теорий — теории почитания императора и теории изгнания иностранцев. Но наряду с теорией почитания императора появляется не только теория изгнания иностранцев; одновременность характеризует и такие факты в экономической жизни страны, как быстрый рост кустарной промышленности, работающей на скупщика, и мануфактуры, которые сопровождают денежную экономику, развитую горожанами того времени. И таких примеров можно привести бесчисленное множество. В наше время одновременность событий выражается в стремительном росте борьбы пролетариата во всех странах капиталистического мира, в выступлениях народов стран Азии, Африки и Латинской Америки, низведенных империалистами до положения колоний и полукolonий, с тре-

бованием своей независимости и свободы, а также — что исключительно важно сейчас как факт, формирующий будущую историю, — во все возрастающей опасности термоядерной войны. В этих совпадениях — внутри них — кроется логическая необходимость, проявляющаяся в форме случайности.

Но как бы ни было, все эти события представляют собой не что иное, как известные предпосылки, через которые история движется в определенном направлении. И когда наступает время изменений, когда оно созревает, тогда со всех сторон начинают действовать тенденции к восстанию.

В прогрессирующем, развивающемся времени имеются две стороны. Одна из них, оставляя без изменения качество, только расширяет, увеличивает, наращивает количество, другая вносит качественные изменения, превращая старое качество в новое, совершенно отличное от прежнего. Разумеется, случаются и противоположные этому процессы. Например, вместо количественного увеличения происходит иногда уменьшение; в данном случае качественное изменение будет иметь тенденцию уже не развития, а скорее вырождения, уничтожения. Однако если взять историческое время в целом, то здесь наряду с бесчисленным множеством таких уменьшений, вырождений, уничтожений именно через опосредование подобных явлений происходит все же прогресс, поступательное развитие.

Со времени возникновения жизни на земном шаре здесь появлялись и исчезали самые различные виды животных. Но если этот процесс взять в целом, то можно видеть, что в конечном итоге непрерывно совершается рождение новых видов и тем самым осуществляются прогресс и развитие животного мира. То же самое можно наблюдать и в жизни людей. Жизнь одного человека поистине кратковременна. Носясь по волнам успехов и неудач, то поднимаясь высоко, то падая в бездну, строя несбыточные планы на сто лет, эта жизнь в конце концов угасает в мире, где нет ни радостей, ни печали. Бывает и так, что не только один человек, но и племя в целом и даже нация переживают процесс падения. Однако если взять всю многовековую историю, то через опосредование бесконечного множества чередований таких светотеней человечество все же постепенно вступало на путь

подъема к высотам культуры. Таким образом, в целом историческое время является прогрессирующим; в нем имеются как количественная, так и качественная стороны, тесно и неразрывно между собой связанные.

Вот почему каждая вещь имеет определенную качественную сущность, находящуюся к тому же не в покое, а в постоянном движении, изменении, развитии. Движение внутри одного и того же качества есть не что иное, как количественное изменение и развитие. Однако, переступив определенный порог, количественное развитие сразу же приводит к новому, качественному изменению. Здесь следует подчеркнуть, что в человеческом обществе развитие производительных сил и производственных отношений происходит также по этому закону. Производственные отношения определенной эпохи и определенного общества соответствуют их производительным силам. Например, там, где производительные силы были сосредоточены в сельском хозяйстве, в котором поле обрабатывалось мотыгой, а урожай собирался при помощи серпа и с использованием домашних животных, основным орудием производства являлась, безусловно, земля. Следовательно, собственники земли, крупные землевладельцы, крепко держали здесь в своих руках как экономическое господство в обществе, так, естественно, политическую и военную власть. Именно таким образом сложились производственные отношения феодального общества.

Но когда с развитием науки и техники начинается бурный рост промышленности, применяющей вместо ручных орудий труда машины, и когда эта промышленность перегоняет сельское хозяйство и занимает ведущее место в экономике общества, тогда вместо земли в качестве основного средства производства выступает капитал. И тогда на смену феодальным производственным отношениям приходят капиталистические отношения, как соответствующие производительным силам новой эпохи. Это и есть всем известный объективный закон исторического материализма, закон развития общества.

Если развитие производительных сил происходит в рамках одних и тех же производственных отношений, оно является только количественным. И пока производственные отношения соответствуют данной ступени развития производительных сил, развитие последних продолжается нормально, быстро или медленно. Но как только

количественное развитие производительных сил переходит определенную границу, то те же самые производственные отношения, которые до этого способствовали развитию производительных сил, начинают терять эту свою функцию и становятся препятствием их развитию. Яичная скорлупа является защитой желтка до тех пор, пока там происходит процесс созревания, но когда этот процесс заканчивается и дальнейшее развитие жизни внутри скорлупы становится невозможным, скорлупа разбивается и раздается писк цыпленка, который должен начать новую жизнь уже в окружении атмосферы.

Итак, в движении исторического времени имеются две формы: одна выражает собой количественное развитие внутри одного и того же качества, другая — революционное, качественное развитие, изменяющее прежнее качество. Первая реализуется с большей или меньшей скоростью, но независимо от этого всегда обладает характером постепенности; вторая, напротив, разорвав эту постепенность, обычно сразу осуществляет качественное изменение, что у Гегеля называется перерывом постепенности.

Хотя прогрессирующее время и революционизирующее время по своей сущности не отличаются одно от другого и имеют глубокие закономерные связи, их нельзя считать идентичными и механически подменять одно другим. Без прогрессирующего, количественного времени, в отрыве от него невозможно представить и революционизирующее время. Революция не субъективное явление, которое может созреть по замыслу выдающейся революционной личности. Если мы отвлечемся от определенной ступени развития производительных сил общества, то для нас станет непонятным и история перехода от феодализма к капитализму. Конечно, именно в переходные эпохи на исторической арене довольно часто выступают талантливые и героические личности, но то, что порождает такие личности, представляет собой, безусловно, объективную закономерность общественного развития, а отнюдь не результат деятельности гениев. И то революционное время, которое идет от капитализма к социализму, точно так же имеет характер объективной закономерности.

Какой бы жестокой ни была эксплуатация в капиталистическом обществе, пока его производственные отношения продолжают соответствовать производительным

силам, осуществить революцию с целью перехода от капитализма к социализму будет просто невозможно.

К. Маркс в «Предисловии» к своей книге «К критике политической экономии» формулирует это положение следующим образом: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»¹.

То же самое имеет место и в природе. Если желток не созрел, а скорлупу уже разбили, то из яйца не выйдет живой цыпленок. Конечно, в эпоху Маркса внутренние противоречия капитализма еще только начали проявляться на отдельных участках, и из этих противоречий в лоне старого общества пока не появились те материальные условия существования, которые могли породить «новые более высокие производственные отношения». Поэтому и Парижская Коммуна, хотя и представляла чрезвычайно ценный опыт в истории человечества, в истории революций, по времени еще не достигла той ступени, которая могла бы на деле обеспечить ей успех. Во второй половине XIX века все социальные противоречия обострились уже с исключительной силой, однако производительные силы все еще имели известный простор для своего развития.

Подлинно революционное время, направленное против капитализма, что бы ни говорили, принадлежит все же XX веку, когда капитализм достиг стадии империализма. Настает эпоха революций; производственные отношения в капиталистическом мире больше уже не соответствуют производительным силам, что проявляется в крайнем обострении противоречия между частной собственностью на средства производства и общественным характером производства.

Это обстоятельство выражено прежде всего в показателях производственных мощностей промышленности. Как определенную веху всемирной истории возьмем 1913 г., канун первой мировой войны. За последующие сорок лет промышленность мирного характера Западной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.

Европы и США не дает почти никакого роста. Правда, к 1929 г. эта промышленность достигла довольно большого подъема, но последующий мировой экономический кризис отбросил ее на исходные позиции. За период с 1929 по 1951 г. Америка почти удваивает свое производство, а Западная Европа дает прирост его лишь на несколько десятков процентов, но в обоих случаях рост идет почти исключительно за счет военной промышленности. Однако, как известно, производство на войну — нездоровое явление, и потому рост военной промышленности не сопровождался ростом покупательной способности народа. Это становится особенно понятным, если указанные данные роста промышленности в капиталистическом мире сравнить с ее ростом в Советском Союзе. Здесь благодаря революции созданы новые производственные отношения, соответствующие производительным силам, и поэтому за тот же период — с 1929 по 1951 г. — промышленность СССР выросла в 13 раз, в сравнении с дореволюционным уровнем — в 39 раз! И если принять во внимание успешное выполнение очередных пятилеток, этот рост даст увеличение промышленности уже в 50 и более раз!¹.

В то же время капиталистические государства отмечают у себя в этот период или медленный рост, или даже застой с тенденцией на регресс. В самом деле, сколько раз здесь возникали экономические кризисы? В 1900 г., 1903, 1907, 1920, 1924, 1929—1933, 1937, 1938, 1948—1949 гг. ...И каждый раз эти кризисы сопровождались огромным обострением социальных столкновений. А Советский Союз, несмотря на свой стремительный рост, ни разу не пережил ни депрессии, ни кризиса. И это благодаря новым производственным отношениям.

Очень важным показателем является рост среднегодового национального дохода. Если взять США, которые сегодня считаются самой высокоразвитой капиталистической страной, получается следующая картина:

1870—1900	1900—1919	1920—1938	1945—1952
4,7%	2,8%	1,0%	0,8%

¹ Промышленность Советского Союза в 1967 г. выросла по сравнению с 1913 г. в 71 раз («Страна Советов за 50 лет», Сборник статистических материалов, М., 1967, стр. 28—29). — *Прим. перса.*

Другими словами, национальный доход в США с каждым годом резко падает, что свидетельствует о явном несоответствии здесь капиталистических производственных отношений новым производительным силам. Это несоответствие проявляется, например, в следующих данных: 1% населения США держит в своих руках 59% национального богатства страны, 12% составляют средние слои населения, которым принадлежит 33% всего богатства, в то время как 87% населения, пролетарские массы в 150 млн. человек, имеют только 8% богатства страны. Эти цифры не нуждаются в комментариях; они наглядно показывают крайнюю степень неравного распределения богатства. Поэтому становится понятным, откуда берется столь чудовищный рост прибылей монополистов. В 1938 г. эта прибыль составляла 3300 млн. долларов, а в 1951 г. она увеличилась в 13 раз и составила 42 900 млн. долларов. При таком баснословном росте прибылей было бы естественно ожидать и соответствующего роста заработной платы рабочих. В действительности же происходит совершенно обратное. Доля заработной платы рабочих в стоимости промышленной продукции за те же годы снизилась на $\frac{1}{3}$. К тому же этот процесс наблюдается не только у рабочих. Покупательная способность крестьян снизилась на 35% только за период с 1947 по 1953 г. За тот же период количество разорившихся крестьянских дворов составило 7 млн.! Это наглядный показатель степени той жестокой эксплуатации, которая осуществляется капиталом в отношении деревни.

Такое экономическое могущество капитала закономерно приводит к монопольному его господству и в политической области. Достаточно сказать, что в тех же США, которые всячески рекламируют себя как свободную страну, представляющую мировую демократию, в парламенте вплоть до 1948 г. не было ни одного представителя от рабочего класса. Примерно то же самое наблюдается и в Японии, для которой также характерна тесная связь между капиталистами и политическими деятелями: крупные суммы денег, выдаваемые во время выборных кампаний, взяточничество, всяческого рода коррупция являются здесь общеизвестным фактом. Но в Америке эта связь проявляется не столько в косвенной, сколько в прямой, ничем не прикрытой форме. Там в

кабинет министров, в правительство страны непосредственно направляют руководителей монополистических компаний, предоставляя им полную возможность заправлять политикой. Следовательно, политика в Америке служит не интересам трудящихся масс народа, а только обеспечению все возрастающих прибылей монополистов. Военные расходы по бюджету США в период с 1937 по 1952 г. возросли в 60 раз, составив 70% всех расходов. Естественно, что для покрытия подобных расходов соответственно повышаются и налоги с народа. Только прямые налоги за эти же годы увеличились здесь в 12 раз.

Таким образом, капитализм, дойдя до пределов своего развития, превращается в своеобразный насос, выкачивающий из неимущих масс свое богатство как в форме прямой эксплуатации, так и в виде налогов. И это относится не только к Америке, но и к другим капиталистическим государствам. Так, если в Англии в конце XIX века налоги составляли 6—7% национального дохода, то в 1911 г. они поднимаются до 11%, в 1924 г. составляют уже 23, а в 1950 г. доходят до 38%. Во Франции в конце XIX века налоги составляли 10% национального дохода, а к 1950 г. поднимаются до 29%. О Японии и говорить не приходится, поскольку мы, японцы, непосредственно ощущаем это в собственной жизни.

Все эти факты чрезвычайно ясно выражают сущность загнивающего капитализма. Они же порождают и мировые войны. Мало того, что хозяева капиталистической экономики для поддержания своих максимальных прибылей нещадно эксплуатируют, ввергают в нищету и безработицу неимущие массы народа в своих странах, но они поработают слабые и малые народы мира, еще более жестоко эксплуатируя и угнетая их. Мир капитализма теперь уже не уверен в том, что он сможет сохранить свое существование без войн, которые в наше время могут стоить жизни многим миллионам людей.

И тут для каждого здравомыслящего человека становится совершенно ясным, что капитализму нельзя позволить дальнейшее его существование. Историческая необходимость, которая должна породить новые, более высокие производственные отношения, созрела уже не-

сколько десятков лет назад. И чем больше она зреет, тем больший ужас переживает относительно своего настоящего и будущего тот класс, который хотя и обречен на гибель, но при существующей социальной системе монополюльно владеет всем — прибылями, властью, славой. Вот почему он не жалеет никаких средств для того, чтобы как-то воспрепятствовать этому перевороту. Чтобы разрушить материальную и духовную мощь огромной господствующей системы капитализма, раскинувшейся, словно сеть, по всему миру и состоящей из давно установившейся антинародной власти в виде буржуазных законов, государственного административного аппарата, парламента, армии, полиции, суда, тюрем, школы, буддийских храмов, газет, радио, телевидения, местных органов и различных обществ, требуется необычайная сила. Однако народы многих стран, преодолев все трудности, уже сравнительно давно перешли на более высокую ступень общественной жизни. И поскольку новые, социалистические производственные отношения дают неограниченный простор развитию своих производительных сил, эти страны стремительно наращивают высокие темпы своего роста и на этой основе с каждым годом все больше и больше укрепляют мощь своих государств.

Но каким бы зрелым ни было время, взрыв революции в качестве практических действий народа может произойти лишь с наступлением определенного момента, которого следует не пассивно дожидаться, а сознательно и активно бороться за его приближение. Однако и искусственно, лишь по собственной, субъективной воле создавать его также нельзя. Здесь необходима тесная взаимосвязь между изменениями объективных условий, закономерно ведущих к переходу, и совершенством субъективных, соответствующих движению объективных условий. И если правильно схватить тот самый момент, когда эти две линии сходятся в одной точке, тогда возникает великое историческое событие, преобразующее мир, начинается движение, которое содержит в себе огромную будущность. Революция не совершается по субъективному желанию революционера, так же как и не является простым мятежом недовольных. Здесь должен выступить такой талантливый руководитель, который, приняв в свое сердце то, что пере-

полняет душу широких масс, правильно схватил бы именно решающий исторический момент в деле революции. Только гениальная личность, вобравшая в себя исторические судьбы нации, может вовремя схватить и правильно использовать этот критический момент истории, который не терпит промедления даже на одну секунду. В. И. Ленин накануне Октябрьской революции так характеризует этот момент в «Письме членам ЦК»: «Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно... теперь все висит на волоске... Надо, во что бы то ни стало... решать дело сегодня непременно вечером или ночью...»¹

Именно так революционер Ленин определил этот решающий исторический момент, самый великий момент во всей многовековой истории человечества. Рождение новой эпохи всегда происходит через определенный кризис, но то, что разрешает этот кризис, не является просто силой одного человека, а должно быть заложено в самом развитии истории. Здесь уже необходима не вера в какую-то сверхъестественную силу, а глубокое познание тех закономерных сил развивающейся жизни, которые таятся в основе истории. Чреватое новым, время всегда кристаллизует свою энергию именно в одном мгновении.

Итак, наше историческое время через количественные изменения, развитие вызывает качественные изменения, а качественные в свою очередь ведут к количественным изменениям. Эти две стороны одного целого — прогресса,— неограниченно опосредуя указанный процесс, как раз и двигают вперед всемирную историю.

Именно качественные изменения в обществе, выделяя в истории новую эпоху, и являются тем важным объектом, на который историк всегда должен обращать внимание при исследовании тех или иных событий и явлений. Историческое время не непрерывная прямая линия, лишенная перерывов при переходе от эпохи к эпохе; оно чревато бесконечными перерывами и скачками. А если так, то что же представляет собой эпоха в истории и на основе чего делят историю на эпохи?

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 435—436.

§ 5. Проблема периодизации истории

Революция создает новую эпоху. Но историческое время, повторяем, не является простой прямой линией, какой она кажется нам в природном времени. Оно взбирается вверх в виде бесконечной спирали, состоящей из подъемов и спадов. Старое разрушается, новое возникает и сменяет его.

В представлении идеалистов Ранке и Ниссида историческое время — это процесс света и теней, рождения и смерти. Подразделяя это время на эпохи, историки излагают тем самым и историю. Всемирная история разделена на несколько эпох, каждая из которых рождается, растет, расцветает, клонится к упадку и наконец гибнет и в этом процессе получает отличную от других цельную жизнь. Историки-идеалисты выделяют некие абсолютные отрезки, отделяющие одну эпоху от другой, утверждая, что каждая данная эпоха не является подготовкой для следующей за ней эпохи (более прогрессивной), а обладает независимым значением и ценностью, которую нельзя подменить культурой любой другой эпохи. Каждая эпоха, продолжают они, примыкает только к богу. То, что определяет эпоху, — вовсе не причинно-следственное время, не временной закономерный процесс, непрерывно идущий от прошлого, а так называемое «вечное теперь». В основе истории находится абсолютное «вечное время», стоящее выше исторического времени, — то «вечное теперь», которое охватывает и прошедшее, и настоящее, и будущее время. Наше историческое настоящее время постоянно устанавливается в качестве подобного вечно самоопределяющегося теперь. Здесь как раз и имеется та свобода, которая отличает историю человека от истории природы!

И подобная философия признавалась историками прошлого, не вызывая особых возражений. Разумеется, в зависимости от времени и места в истории появлялось множество самых различных мнений о том, как и какие эпохи следует выделять. Бывало и так, что историки и философы одной и той же эпохи решали этот вопрос с прямо противоположных позиций. Но основным расхождением в проблеме периодизации истории явилось расхождение между материалистами и идеали-

стами, между сторонниками революционного рабочего класса и сторонниками буржуазии.

Здесь нет возможности для подробного изложения бесконечного множества способов деления истории на эпохи, и мы остановимся лишь на некоторых из них. Средневековую христианскую точку зрения представляет Августин. Подразделение эпох он начинает с «царства божьего», и здесь ясно проявляется та практическая цель, ради которой он и создает свою схему. Как уже было сказано, ограбление Рима варварскими племенами массы восприняли в качестве наказания от римских богов, которых они стали игнорировать после того, как приняли христианство. Августин берет под защиту христианскую религию и пытается объяснить это ограбление совершенно иной причиной. Он утверждает, что в современной истории проявляется противоположность между небесным и земным царствами, между царством бога и царством дьявола. Эта противоположность и породила Авеля и Каина, а история человечества и есть процесс борьбы двух начал — следования богу и сопротивления богу; такая история идет по сложным путям и наконец, достигнув последнего суда, кончается победой «царства божьего». Вот суть этой божественной комедии. Августин именно с этих позиций берет за основу Ветхий завет и строит свою схему подразделения эпох¹.

В отличие от христианской, средневековой периодизации истории люди нового времени становятся на совершенно иные позиции. Фихте, немецкий философ-идеалист, в своих берлинских лекциях 1804—1805 гг. выдвигает известную концепцию деления всемирной истории на пять периодов.

Первый период — эпоха первоначального рая в истории человечества, когда непорочность человека еще не разложилась на противоположные полюсы разума и инстинкта. Особенность следующего периода — так называемой героической эпохи — заключалась в том, что на данной ступени начинается грехопадение человечества. Среди людей появляются индивиды с превосходными силами — «герои», у которых возникает желание оказывать влияние на всю массу народа. Но в ответ на по-

¹ См. стр. 32 настоящего издания.

добные претензии появляются многочисленные силы, стремящиеся оказать сопротивление такому влиянию, ограничивающему свободу людей. Это было требованием свободы, протестующей против слепой веры в безусловное подчинение авторитетам. Третий период — эпоха полного торжества греха, когда каждый человек заботится только о себе, не проявляя никакого интереса к жизни всего человечества или общества в целом, и когда полностью отсутствует интерес к каким-либо истинам; в эту эпоху, кстати сказать, жил и сам Фихте. Затем за этой в высшей степени «грешной эпохой» наступает четвертая — период установления справедливости и торжества «чистого разума». Когда действительность становится все более темной, человек в таких условиях не может не искать света. Поэтому разум постепенно оттесняет господство инстинкта и пытается сам господствовать над собой. Здесь человек опирается на сознание «чистого разума», через науку познает самого себя, вскрывает на этой основе истину в вещах и почитает ее в качестве наивысшего блага.

В последнюю, пятую эпоху разум перестает быть просто наукой или познанием; это период реализации познанного. Здесь уже возникает полная справедливость, разум человека становится на путь бесконечного совершенствования, и вновь восстанавливается потерянный рай...

Такая периодизация человеческой истории как нельзя лучше проявляет сущность субъективного идеализма Фихте. Он не берет факты исторической действительности и не стремится добросовестно, научно анализировать их, а просто априори строит историю; что же касается содержания реальной истории, то оно остается у него вне априорной истории. У Фихте человечество обладает только одной судьбой — именно как проявление единственного, абсолютного «разума». Материя не источник бытия, а всего лишь материал для осуществления «разума», «материал для ощущения». «Разум» осуществляет себя через историю человечества. Здесь-то и появляется априорная история, и для понимания ее нет никакой необходимости обращаться к фактам практической, реальной истории. Наоборот, реальная история должна рассматриваться и оцениваться на основе априорной истории! Этот идеалистический взгляд на

историю вновь получил свое развитие в философии истории Гегеля.

Однако все эти исторические теории принадлежат уже прошлому. В настоящее время приняты только два способа периодизации истории. Историки-идеалисты делят ее на древнюю, средневековую, нового времени и современную. Материалисты же, исходя из того, что эпохи возникают на основе изменения экономического базиса, дают другое деление истории: первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический. Конечно, внутри каждого из этих двух лагерей имеется много различных направлений. Например, среди идеалистов немало споров о том, где провести границу между древней и средневековой эпохами, с какого пункта можно выделить новую и современную эпохи или же как быть, если какая-нибудь страна отстает от наступления определенной эпохи всемирной истории? Но все эти проблемы являются объектом уже собственно исторической науки, и поэтому здесь нет необходимости в детальном их рассмотрении.

Задача философии истории заключается в том, чтобы выяснить основу противоречий, возникающих при делении истории на эпохи. Подлинно научная периодизация истории должна опираться не на идею априорной истории, подобно тому как это имеет место у Фихте, а исключительно на объективную реальность, с тем чтобы закономерность познавалась именно из этой фактической основы, а не из априорных идей.

При всем коренном различии идеализма и материализма при подходе к проблеме периодизации истории между ними имеется и некоторое «совпадение». Так, «древняя эпоха» идеалистов совпадает с «рабовладельческой эпохой» материалистов, «средние века» первых — с «феодализмом» последних и т. д. Поэтому, если отбросить различие в названиях одних и тех же эпох, можно подумать, что материалистов и идеалистов разделяют здесь лишь названия и между ними нет существенных расхождений. Но даже и внешнее их различие отнюдь не случайно, а обусловлено определенными причинами.

Это, казалось бы, чисто внешнее различие основано на глубоко различном отношении к практике. История всегда есть описание прошлых событий. Без некоторого

отдаления от тех или иных событий невозможно писать и их историю. Но ведь и сами историки, описывающие прошлые события, живут не в прошлой истории, а в настоящей и стоят на точке зрения настоящего времени. К тому же это настоящее несет в себе прошлое и одновременно является историческим, практическим временем, в котором люди, исходя из прошлого, стремятся строить, создавать будущее. Именно в подобном историческом, практическом мире и живет историк и, как ученый, вносит здесь свою лепту, выполняет свою историческую миссию. История, разумеется, должна преследовать лишь одну цель — быть добросовестным отражением объективных фактов прошлого. Но общество, где подобный ученый пишет историю, неразрывно связано с практической жизнью, где люди пытаются строить будущее, исходя из познания прошлого. А если так, то историк обязан отражать в своем изложении это прошлое с исключительной добросовестностью, без всяких извращений и вместе с тем выполнять такие функции, которые служат уже практике настоящего времени.

В каждом историческом изложении отражаются современные задачи, практические требования современности. Перед историками средних веков ставилась задача добиться распространения христианства в качестве всемирной религии. И отсюда возникло учение Августина. Для идеалиста Фихте современная ему реальная действительность отразилась в его сознании как общество, заполненное грехами. Прямо сущий ад!.. Отсюда рождается новый, светлый мир человеческого разума, который должен был породить мир идеальной практики. Однако гражданский класс, будучи новым классом, нес на себе свою собственную историческую миссию. Родившись в средневековом, христианском, феодальном обществе, он явился выразителем той исторической силы, которая создавала новую эпоху с идейных позиций освобождения от авторитарности церкви. И для утверждения этого нового исторического требования на свет была вытащена древняя эпоха. Культура средних веков — это еще не вся культура человечества. В нашем прошлом господствовал светлый дух утверждения реального мира, который вовсе не признавал потусторонний, будущий мир, отрицающий реальный мир. Еще до по-

явления в этом мире религии, требующей во имя бога отречения от всего земного, была эпоха, когда человек, полный своих человеческих желаний, в подлинно реальном мире мог вести подлинно человеческую жизнь. Мы стремимся к новому, чтобы освободиться от абсолютного господства мрачной авторитарности церкви, изучаем жизнь древних, чтобы на этой основе перестроить и свою жизнь. Таков был Ренессанс.

Вот откуда возникло деление истории на древнее, средневековое и новое время. Оно возникло из практических потребностей людей гражданского класса нового времени. Ими владело желание преодолеть средние века и построить новую историческую эпоху.

В наше время некоторые буржуазные историки выдвигают еще четвертую эпоху, примакающую к новому времени, так называемую «современную эпоху». Но эта «современная эпоха» на самом деле представляет собой не что иное, как простое продолжение нового времени, и ничем, в сущности, не отличается от него. Эти историки, независимо от их субъективных намерений, полностью стоят на классовых позициях буржуазии. Хотя сами они постоянно подчеркивают и заявляют, что находятся-де на справедливых позициях — «надклассовых», «не односторонних», «общечеловеческих», на позициях объективной истины и т. д., однако все эти их заявления не новы. Они взяты из наследия буржуазии нового времени, которая с самого начала провозгласила такую же абстрактную «надклассовую», «общечеловеческую» позицию. Но если и сегодня, в условиях крайнего обострения классовых противоречий, эти принципы все еще продолжают отстаиваться, значит, здесь проявляется уже явно практическая позиция современной буржуазии. Теперь буржуазные историки всеми силами пытаются скрыть классовый характер современного общества и рассматривать историю как «внеклассовую», «общечеловеческую». И все это призвано для молчаливого утверждения существующего общественного строя в качестве вечного и неизменного.

А для тех, кто стоит на революционных позициях рабочего класса, современность уже не представляется эпохой, являющейся простым продолжением нового времени. Современность для них — это эпоха падения гражданского общества нового времени, то есть капита-

листического общества, следовательно, эпоха нового качественного поворота, который должен привести к более высоким производственным отношениям, к более высокому общественному строю. Это революционная эпоха.

Перерождаясь, капитализм вступил в стадию финансового, монополистического капитала, стал империализмом. Углубление общего кризиса капитализма выразилось в том, что во всем мире начались социальные революции и национально-освободительные движения, и это тот путь, который — в противоположность долго господствовавшей в истории человечества антагонистической системе эксплуататорских классов и угнетенных классов, господствующих наций и угнетенных наций — ведет к совершенно новой истории, призванной навеки покончить с эксплуатацией человека человеком, со всякими войнами. Такова эпоха мировой революции.

Таким образом, хотя и материалисты и идеалисты употребляют один и тот же термин — «современная эпоха», но в понимании ими данного термина заложено исключаящее друг друга содержание. Научный, материалистический метод периодизации истории берет за основу способ производства, производственные отношения и имеет поэтому историческое, практическое значение.

Объективная истина истории проявляется в ее закономерном процессе, когда человечество переходит от бесклассового первобытного общества через ряд классовых, антагонистических обществ (рабовладельческое, феодальное, капиталистическое) и снова к бесклассовому обществу, но уже совершенно отличному по своему высокому уровню от первобытного общества, — к социализму, коммунизму. В этом и проявляется закон отрицания отрицания, непрерывный процесс развития от низшего к высшему с повторением старого на новой основе.

Ни один историк современного общества не может стоять в стороне от основного противоречия современности — противоречия между буржуазией и пролетариатом. И хотя на словах некоторые историки утверждают, что стоят на «третьих», «нейтральных» позициях, однако на деле они защищают позиции определенного класса, а именно буржуазии.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ

§ 1. Среда и исторический субъект

Наш исторический мир не является ни простым материальным миром, где не действуют субъективные силы, ни миром, который строится на основе только и просто воли и сознания субъекта, без влияния определенной, объективной среды. Конечно, историю человечества создает человек, и если бы не было целеустремленной сознательной деятельности самого человека, не появилась бы и так называемая «история человечества». Но подобная сознательная деятельность осуществляется отнюдь не в пустом пространстве, точно так же как и не является чем-то построенным из ничего. Деятельность человека всегда осуществляется в определенной природной и социальной среде и конкретизируется в процессе непосредственной, глубокой взаимосвязи с ней. Идеализм отрывает субъективное существование человека от определенной реальной среды и абстрактно рассматривает среду как среду, субъект как субъект, метафизически изолируя их друг от друга. Прежний, механистический материализм односторонне преувеличивал значение материальных условий среды и считал, что человек — порождение лишь материальной среды, поэтому и так называемая «субъективная свобода» является у него не чем иным, как просто иллюзией, определяющейся материальной средой.

Однако современный, диалектический материализм, полностью признавая вывод естествознания нового времени о том, что человек формировался в недрах природы, считает вместе с тем, что его становление в исто-

рии развития вовсе не ограничивается лишь односторонним воздействием на него природной среды. Порождаемый и определяемый природной средой, человек сам в свою очередь оказывает воздействие на эту среду и изменяет ее, исходя из своей субъективной свободы как средства удовлетворения своих жизненных потребностей. Следовательно, наша историческая действительность в любом случае постоянно включает в себя два взаимопротивоположных начала и развивается как единство этих противоположностей. В философии Нисиды это положение проявляется в таких выражениях, как «определение среды, то есть определение субъекта» или «определение субъекта, то есть определение среды», «противоречивая самоидентичность среды и субъекта». Но диалектический материализм при рассмотрении взаимосвязи среды и субъекта не применяет таких неопределенных выражений, как «то есть» или «самоидентичность», а дает научный анализ каждой из этих сторон и конкретно выясняет их взаимосвязь.

Исторический мир с самого начала не является неким «унифицированным», «согласованным», «идентичным», «единым» миром, который не включает в себя никаких противоречий. Он скорее является миром взаимопротивоположностей, взаимопротиворечий, следовательно, миром взаимоотношений, взаимосвязей двух взаимоборющихся начал. Особенно ясно обнаруживается эта сущность мира в отношениях среды и субъекта. В этом смысле мир истории, будучи продолжением, ростом, развитием мира природы, является вместе с тем и высшей конкретизацией этого мира природы.

В. И. Ленин еще в работе «К вопросу о диалектике» подчеркивал: «Развитие есть „борьба“ противоположностей»¹. Эта закономерность обнаруживается уже в развитии явлений природы.

Так, в атоме, например, относительное равновесие во вращении электронов вокруг ядра порождается из борьбы двух противоположностей: энергии электростатики — как силы притяжения и энергии движения — как силы отталкивания. В электричестве также имеются две противоположности — положительный заряд и отрицательный; в магните — северный и южный полюсы. Все

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

частицы материи, подобно электрону внутри атома, имеют двойственный характер: будучи частицей, они находятся в то же время и в волнообразном движении.

Этот принцип борьбы противоположностей особенно ясно проявляется и в мире живых существ. Жизнь всегда противостоит смерти. Можно сказать, что жизнь есть непрерывная борьба со смертью. Жизнь включает в себя смерть, смерть включает жизнь. Где нет жизни, там нет и смерти; нет смерти — нет и жизни. В каждом отдельном индивиду смерть через некоторое время обязательно побеждает жизнь, но на уровне вида, наоборот, жизнь побеждает смерть. Развитие вида происходит через опосредование смерти и жизни индивида.

С еще большей наглядностью бросаются в глаза противоречие и противоположность между средой и субъектом после того, как возникло историческое, социальное существо — человек. Хотя животные и растения и в равной степени относятся к живым существам, но первые в отличие от последних в основе своей органической жизни обладают возможностью свободного передвижения, и вследствие этого можно сказать, что в них в каком-то смысле уже заложено то, что с течением времени станет ростком субъективного отношения к окружающей природе. Между неживым и живым, даже между растениями и животными нет ярко выраженной, разделяющей их линии; движение, изменение и развитие природы происходит непрерывно. Поэтому, строго говоря, не может быть и четкого разделения между животными и человеком. Но по формам своего развития человек приобрел специфически человеческие черты, которые четко выделяют его из остального животного мира.

Однако что же выделяет человека из животного мира? Идеалисты, как правило, видят этот признак в разуме, утверждая, что человек — сознательное существо. В таком случае, спрашивается, каким же образом наделен человек этим разумом? При метафизическом, не историческом понимании данного вопроса человеку приписывают с момента его появления точно такой же уровень развития разума, каким он обладает и сегодня; а когда говорят, что разум-де дан человеку богом, то здесь для дальнейших вопросов уже не остается и места. Естественно, что подобный догматизм противоречит

духу рационализма нового времени, выразители которого стремятся понимать вещи научно, реалистически. Современная наука неопровержимо доказала, что жизнь возникла из неживого, а человек эволюционно развился из животного мира. А раз так, то и разум должен рассматриваться как продукт исторического формирования.

Но в таком случае отличие человека от животного следует видеть не в разуме, а в том первоначальном основополагающем факте в жизни человека, который имел место еще до разума и послужил источником для появления самого разума. Современный диалектический материализм считает такой основой труд для производства жизненно необходимых материальных благ. Именно через труд человек впервые становится субъектом, противостоящим природной среде.

Хотя животные и свободно, как бы по своей воле, передвигаются в природе, однако этим они еще не противопоставляют себя природе. Они во всех отношениях являются частью природы и, определяясь ею, не знают таких действий, как преобразование среды по своему замыслу, изменение ее с целью превращения в средство удовлетворения своих жизненных потребностей. Животные действуют на основе инстинкта — единственной высшей основы, определяющей все их поведение. Но этот инстинкт исходит не из их «свободы» и «творческих идей», а определяется средой и видом животного. Он формируется в длительном и непрерывном процессе жизни данного вида на основе точного реагирования на стимулы внешней среды. Следовательно, жизнь животных, как бы ни была она подвижна, все же определяется средой. И поскольку они являются частью среды, то можно сказать, что и способ их жизни остается без изменений, так же как и сама среда.

Что же касается человека, то после длительного периода жизни на деревьях, когда все четыре конечности использовались им только для передвижения, он становится наконец на землю, на пару своих задних конечностей (и уже здесь обнаруживается его «восстание» против природы в виде неподчинения земле) и начинает использовать передние конечности в качестве рук. Затем наступает длительный период тренировки рук путем хватания предметов и метания их, в результате чего зарождается труд, создающий вещи. А создание вещей оз-

начает, что появляются новые вещи, которых не было в природе и которые не даются ей; человек начинает целенаправленно воздействовать на природу, обрабатывать и изменять ее, с тем чтобы вновь созданные вещи можно было использовать для своих нужд. Достигнув такого положения, человек впервые перестал жить так, как жил до этого внутри природы в качестве ее составной части, и начал новый образ жизни, когда, отделившись от природы, берет ее уже в качестве своего объекта, своей среды. Безусловно, природа — это материнское лоно человека; без природы, без земли человек не мог бы появиться и существовать. Но, несмотря на это, он все же выступил против своего материнского лона, против природы, и в стремлении покорить ее начал смелый поединок с ней, и это явилось первым шагом человека в его так называемой «субъективности».

Развитие чувств и идей, мышления и разума происходит уже значительно позднее. Отбирая материалы природы, создавая вещи, человек должен был познавать их истинный характер. Его глаза постепенно становятся все более зоркими, слух обостряется и способность наблюдать природу безгранично развивается благодаря дифференциации нервной системы. Все это с течением времени развивает и творческие силы человека, изменяющие природу, повышает производительность труда, направляет его на создание жизненных благ для удовлетворения своих потребностей. Человек уже перестает быть рабом природы и становится ее героем.

Таким образом, хотя диалектический материализм и рассматривает исторического человека как субъективное существо, но в отличие от идеализма он не отрывает его от среды, не изолирует метафизически в качестве некоего обособленного существа, а подчеркивает, что каждый реальный субъект, индивид определяется своей средой, и, следовательно, его нужно рассматривать в неразрывной связи со спецификой этой среды. Речь идет не о человеке вообще, не о субъекте вообще, а о реальном человеке, который субъективизируется под воздействием окружающей его среды. Человек вообще, субъект вообще — это не что иное, как идеалистически абстрагированный действительный, реальный человек. Далее, поскольку объективная материальная среда также представляет историческое реальное бытие, то и его следует

рассматривать не только и не просто как объективное существование, но и как известным образом связанное с субъектом.

Это положение у К. Маркса является неизменной основной позицией, проходящей через всю его жизнь, начиная с «Тезисов о Фейербахе». «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский, — пишет Маркс, — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *дейтельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но самую человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика берется и фиксируется только в грязно-торгашеской форме ее проявления. Он не понимает поэтому значения «революционной», «практически-критической» деятельности»¹.

Нередко говорят, что материализм, будучи «объективизмом», придает среде главенствующее значение и представляет собой детерминизм, игнорирующий субъективность человека, его сознательную деятельность. Однако подлинный, диалектический материализм, в отличие от механистического, к которому примыкает и фейербаховский, берет действительность не только как объект мышления и интуитивного познания, но и как практику чувственной деятельности человека. И то, что действительность берется не просто в качестве объекта, но и субъективно, придает диалектическому материализму исключительную особенность, отличающую его как от всех форм прежнего материализма, так и от всего идеализма. Механистический же материализм, как известно, рассматривает человека наравне со всей другой материей только в качестве объекта, поэтому историче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 1.

ское, творческое значение подлинно субъективной активности человека не может не быть упущенным из виду при таком подходе. Ухватившись за этот недостаток механистического материализма, идеалисты самодовольно обрушились с критикой на весь материализм, противопоставляя ему свою философию и пытаясь сконструировать мир, в центре которого находилась бы активная сторона субъективности человека. Однако в данном случае была предана забвению, игнорированию чувственная сторона объекта, которая органически включается в нашу действительность, и мир оказался построенным на принципах субъективного идеализма. Отбросив объективную сторону из нашей действительности, которая состоит из среды и субъекта, движется на основе единства этих противоположностей и приобретает подлинную конкретность, идеалисты односторонне абсолютизировали только субъективную сторону и на этой основе пытались построить мир. Здесь как раз и проявился коренной недостаток идеализма, противоположный недостатку механистического материализма.

Фейербах, как известно, подверг этот абстрактный идеализм критике и поднял вопрос об объективно существующей действительности, которую нельзя растворить в идеях и понятиях. И здесь проявился его материализм. Однако он не сумел разглядеть субъективную сторону активности человека как практику исторического творчества (понимая практику лишь в ее грязно-торгашеской форме) и искал сущность объективного только в познавательной, теоретической деятельности. Поэтому в понимании общественных отношений он остался на идеалистических позициях, будучи не в состоянии заметить историческое, практическое значение, которым обладает истинно живая человеческая субъективность.

В противоположность этой абстрактной односторонности идеализма и механистического материализма К. Маркс подверг действительность анализу в том виде, как она есть, — как разрыв, противоположность, борьбу, единство среды и субъекта, как объект в качестве субъекта (здесь отличие диалектического материализма Маркса от механистического материализма) и как субъект в качестве объекта (здесь отличие его от всего идеализма) — и представил деятельность человека как объективную категорию. Именно в этом и заключается эпохальное значение диа-

лектического материализма Маркса, невиданного ранее ни в одной философии.

Таким образом, для Маркса исторический субъект не является абстрактной идеей, подобной гегелевскому «разуму» и «мировому духу», оторванным от реальной природной и общественной среды, а связан во всех отношениях с действительностью определенной среды. В связи с этим небезынтересно вспомнить, как Маркс в «Предисловии» к своей книге «К критике политической экономии» формулирует одно из основных положений исторического материализма, как он определяет исторический субъект: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»¹.

Поскольку человек родился, он должен и жить. От этой необходимости не избавлен никто — ни философ, ни священнослужитель, ни проповедник морали, ни даже идеалист! Но чтобы жить, никак нельзя обойтись без жизненных средств данной эпохи. Другими словами, нет иного выхода, кроме использования продуктов, транспорта, средств производства каждой данной эпохи. Каким бы особенным человеком ни был, например, Иисус, но ему ничего не оставалось, как жить в мире вещей, созданных в иудейском обществе, существовавшем более двух тысяч лет назад. Точно так же и феодальные монархи, жившие сотни лет назад, какой бы властью и могуществом они ни обладали, но жизнь свою могли поддерживать опять-таки не иначе, как на основе потребления тех предметов, которые создавались трудом крестьян и ремесленников той эпохи. Они не могли путешествовать в поездах, не могли говорить по телефону. То же самое относится и к нам, современникам. Мы родились в эпоху высокоразвитого производства и соответствующих производственных отношений. А это и есть «определенные, необходимые, от их [нашей] воли не зависящие отношения», и поэтому правятся они нам или не правятся, но ничего другого не остается, как жить при этих производственных отношениях. В наше время в Японии проживают многие социалисты и коммунисты, которые

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6.

уже сейчас хотели бы отменить капитализм и построить новые общественные отношения. Но даже и этим людям, чтобы жить, невозможно отойти хотя бы на короткое время от тех производственных отношений, которые существуют в реальной действительности и называются капитализмом. Даже в тех случаях, когда выпускаются брошюры и листовки, пропагандирующие коммунизм, приходится зависеть все от тех же капиталистов, ибо издательства, типографии, переплетные мастерские находятся в их руках. Кроме того, в условиях капиталистических производственных отношений те, кто имеет деньги, вкладывают капитал в какое-либо производство, а у кого их нет, продают свою рабочую силу другим как единственный свой товар, ибо у них нет иного пути жизни, кроме как стать наемными рабочими. И те, кто владеет деньгами, и те, у кого их нет, короче — все люди при том социальном строе, который называется капитализмом, не имеют иного выхода, как создавать и продавать вещи, подчиняясь производственным отношениям данного общества.

Поэтому когда некоторые говорят, что человек-де является свободным субъектом или, будучи историческим субъектом, якобы не зависим от материальных условий среды, или же когда тот или иной идеалист с самодовольным видом провозглашает, что «человек не может не подняться выше современности», то все это свидетельствует прежде всего об игнорировании ими того неоспоримого факта, что жить в пустоте совершенно невозможно. Начиная от способа жизни, от понимания вещей, от направленности интересов, желаний и кончая идеями и понятиями, — словом, везде и во всем нельзя быть свободным от тенденций, форм, особенностей данной эпохи. Исторический субъект неизбежно является «историческим» и никак не может представляться «чистым» субъектом. Мы, японцы, живем в капиталистической Японии, и как бы субъективно ни мыслили, ни действовали, мы целиком и полностью поставлены в определенные условия окружающей нас среды, то есть в общественные, исторические условия.

Поэтому, если социалисты и коммунисты, руководя массами и намереваясь перестроить существующее общество, будут опираться, подобно идеалистам, лишь на «чистые идеи» и «вечные идеалы», у них ничего не по-

лучится, несмотря на все их субъективные усилия. Разумеется, у коммунистов имеются высокие идеалы, но за эти идеалы они отдают всю свою жизнь, существенно отличаясь в этом отношении от идеалистов, которые на словах ратуют за идеалы, провозглашают идейность, а в действительности, установив тесные связи с господствующей властью эпохи, извлекают из этого как материальные, так и духовные выгоды. Однако эти идеалы коммунистов — вовсе не порождение «абсолютного ничто» и «вечного теперь». Социальные противоречия капитализма, достигшего стадии империализма, породили пролетариат и коммунистов как субъект революции. Этот субъект революции не мог появиться раньше, чем производительные силы капитализма достигли определенной степени своего развития. Точно так же в истории не было ни случайным, ни неслучайным то, что в 40-е годы XIX века появились такие материалисты-диалектики, как К. Маркс и Ф. Энгельс, и одновременно такой экзистенциалист, как Кьеркегор.

Когда противоречия капиталистического общества, достигнув определенной степени, конкретизируются, среди людей данного общества возникает понимание и тех исторических задач, которые должны быть разрешены их собственными силами. Невыносимые условия жизни приводят людей к мысли, что если в таком случае не принять соответствующих мер, то дальше жить будет невозможно. Значит, так называемые исторические задачи ставятся перед субъектом, а ни в коем случае не возникают из самого субъекта и тем более не даются богом или «абсолютным ничто». Эти задачи возникают исторически, социально из глубин объективных условий специфической среды каждой данной эпохи.

Как уже сказано, в 40-х годах XIX века на исторической сцене одновременно выступили Маркс и Кьеркегор. Это были мыслители одной и той же эпохи, следовательно, у них имелась и известная общность исторических задач, определенных средой. Но, несмотря на эту общность, Маркс как историческая личность становится на позиции диалектического материализма, поставив своей целью разрешение выдвинутой эпохой задачи через социалистическую революцию, а Кьеркегор пытается разрешить эту задачу с позиций религиозной идеологии, путем изменения своей души. Здесь материализм и

идеализм проявились как два взаимопротивоположных принципа в исторической, субъективной направленности людей, призванных воспринять эту переломную эпоху. Наметились два пути — путь объективного изменения общества и путь субъективной перестройки своих понятий.

Оставим пока в стороне вопрос о том, какой из этих путей правильный. Субъективная практика людей вовсе не носит характера реализации каких-то «вечных идей», а все более соответствует реальным, конкретно-историческим условиям среды, проявляется и определяется ею.

«Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, — пишет Маркс в предисловии к своей книге «К критике политической экономии», — и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»¹.

Именно эти слова Маркса: «...человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить» — и выражают наиболее точно отношения среды и субъекта, ту взаимосвязь, которую невозможно разорвать. Это чрезвычайно важное открытие Маркса. И совершенно не случайно, что пролетариат начинает овладевать революционными идеями, ибо современный рабочий класс выступает как исторический субъект, создающий всемирную историю по-новому. Социальная, историческая среда — капиталистическое общество — сама закономерно породила и развивала этот активно действующий субъект — пролетариат — в качестве революционного класса данного общества и возложила на его плечи решение исторической миссии — свершение социалистической революции. Революция готовится не просто по воле человеческого разума вообще, а с позиции общественно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.

го, массового сознания пролетариата, угнетенного, эксплуатируемого класса. Для пролетариата революция является вопросом жизни или смерти, и если он отвергает смерть и избирает жизнь, у него нет иного пути, как взять на себя эту историческую миссию — свершение революции.

§ 2. Класс как исторический субъект

Человек стал человеком именно потому, что его жизнь не ограничивается просто объективным существованием, что он превратился в субъекта действий, которые могут быть запланированы на основе свободы и ответственности его самого. В качестве телесного, материального существа он, подобно другим живым существам, подчинен всем физическим, химическим и биологическим законам, действующим в природе. Однако человек обладает одной существенной особенностью, которая выделяет его из мира животных и растений. Хотя он, как мыслящий субъект, также появился под влиянием определенных условий среды, но затем в каком-то отношении сам становится над ними и, следуя своей свободе, может совершать или не совершать то или иное действие.

Но подобное определение, будучи общим, относящимся ко всем индивидам человечества, носит скорее абстрактный, идеалистический характер. Человек реального, исторического мира живет отнюдь не по этой формуле. Еще Гегель отмечал, что в восточном мире, единственно свободным человеком являлся монарх, а все остальные люди, находившиеся в подчинении монарха, конечно, не могли обладать подлинной свободой индивида. Точно так же и в Древней Греции многочисленные массы народа потеряли свою свободу именно под гнетом крайне малочисленной аристократии. Но история человечества, как подчеркивал Маркс, создается не монархами и малочисленными привилегированными классами, а производительным трудом масс, создающим необходимые для жизни продукты. В антагонистическом классовом мире силой, двигающей историю в качестве реального исторического субъекта, обладают, как правило, господствующие классы данного общества. Именно этими классами и похищена свобода народных масс, которые, потеряв свой

человеческий характер, молча живут и молча умирают. Только в первобытной общине, где средства производства находились в коллективном владении, не наблюдалось таких явлений, как неравенство, основанное на частной собственности, и поэтому субъектом, формирующим историю, являлись тогда все члены общины; там было просто невозможно, чтобы какое-то меньшинство похитило свободу большинства. Начиная же с рабовладельческого общества во всех последующих формациях, поскольку общество становится классовым, народные массы лишаются свободы именно господствующими классами. Разумеется, люди угнетенного класса не могли примириться со своим столь тяжелым, нечеловеческим положением. И в реальной жизни чем больше они лишались свободы, тем сильнее крепла и не могла не крепнуть их решимость подняться на борьбу за свою свободу. Но было ясно, что если народные массы добьются своей цели, если они получают свободу, то эксплуататорский строй потерпит крах, а его господствующие классы потеряют все свои привилегии, в том числе «свободу». Вот почему эти классы не могли не создать аппарат своего господства, именуемый «государством». Здесь и политика и законы, и войска и полиция, и суд и тюрьмы — все направлено на то, чтобы всячески ограничивать деятельность народных масс, низводя их до самого низкого уровня. И в результате массы в качестве исторического субъекта были полностью лишены практических действий, столь необходимых им для достижения собственного благополучия и свободы.

Так, рабы в рабовладельческом обществе были лишены всех элементарных прав человека и не располагали даже минимальной свободой, чтобы можно было выступить с протестом против всемогущей и страшной системы государственной власти. Они могли воспользоваться лишь той «свободой», которая позволяла по мере возможности саботировать порученную им работу, либо при удобном случае убежать тайком, или же, когда жизнь становилась невыносимо тяжелой, просто начинать восстание. Но и эти «свободы», разумеется, всячески пресекались, и рабы каждый раз подвергались еще более тяжелым наказаниям. Положение крепостных крестьян несколько отличалось от положения рабов, но по существу и оно было столь же тяжелым. Не так уж легко жи-

вется и современным рабочим в условиях капитализма, ибо не случайно их называют наемными рабами.

Таким образом, проблема исторического субъекта в реальном обществе глубоко связана с классовой проблемой. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная сила*»¹.

Господствующий класс, монополично владеющий средствами материального производства, господствует на этой основе и в сфере средств духовного производства. Именно таким образом идеи и действия тех, кто сам не обладает средствами производства, подчиняются идеям и действиям господствующего класса данного общества. Сегодня у нас, в Японии, господствующий класс монополично владеет всем капиталом, самыми развитыми средствами производства, и поэтому он не только владеет банками и шахтами, предприятиями и транспортом, но и крепко держит в своих руках газетные компании, журналистику, радио и телевидение, школы и церкви, издательства и типографии. Именно таким образом ничтожное меньшинство господ направляет сознание, идеи и желания, симпатии и антипатии, чувства и мысли, идеологию и мораль огромного большинства людей. Хозяином в экономике страны, в политике, в военном деле, в воспитании и образовании, в идеологии и морали, господствующий класс становится субъектом истории.

Исторический субъект — это не абстрактный человек вообще и не народные массы, а господствующий класс каждой данной эпохи. И не случайно, что в прошлом историю излагали как историю королей, аристократов, духовенства, военных — словом, малочисленных привилегированных классов. Именно эти классы осуществляли свою волю, приводили в движение историю. Отсюда следует вывод, что будущая история, покончив с подобной классовой односторонностью, обязательно станет историей подлинно народных масс. Но прошлая история была историей классовых обществ, поэтому ни в коем случае нельзя забывать то положение, что руководство

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 45.

историей находилось не у народных масс, а целиком и полностью во власти немногочисленных привилегированных классов.

Однако из этого вовсе не следует, будто сила народных масс не имела значения в истории. Хотя народные массы — то ли в виде рабов, лишенных всех элементарных прав и свобод человека, то ли в виде крепостных феодальной эксплуатации, прочно и насильно привязанных к земле, или, наконец, в виде наемных рабочих, являвшихся единственным источником сверхприбылей капиталистов, — и управлялись по воле господствующих классов и совершенно лишены были возможности непосредственно проводить политику в своих интересах, но экономические, производительные силы, которые представляют единственно высшую основу народной жизни, не могли не зависеть от их труда. Народные массы, хотя и страдали от всевозможных форм угнетения, эксплуатации, вторжений и испытывали неимоверные жизненные невзгоды, но из необходимости сохранения своей жизни, изнывая под тяжестью изнурительного ручного труда, постоянно изобретали различные новые средства и орудия, чтобы хоть как-то повысить производительность своего труда.

В тех же случаях, когда гнет и эксплуатация трудящихся становились слишком жестокими, угрожающими самому их существованию, неизбежно вспыхивали мятежи, и все подвергалось разрушению и огню; некоторым удавалось бежать от своих угнетателей, другие смело выступали с требованием снижения налогов и отмены пошлин. Разумеется, все эти формы сопротивления не могли не оказывать какого-то воздействия и на политику господствующей власти. Но самое примечательное здесь в том, что они убедительно сигнализировали о наступлении переходной эпохи, требующей смены субъекта истории, ибо противоречия между производительными силами и производственными отношениями все больше и больше начинали сужать возможность для беспрепятственного существования прежней социально-экономической системы и все более ясно стала проявляться закономерность, в силу которой на смену старого господствующего класса должен выступить новый класс.

Блестящим подтверждением этой закономерности является стремительный рост горожан нового времени и

их выступление против господствовавших классов средневековой феодальной системы. Разделение труда и в особенности исключительно быстрый прогресс промышленного производства по сравнению с сельским хозяйством, развитие торговли и денежных отношений не могли не привести господствовавшие классы феодального общества к неумеренной роскоши, а затем в свою очередь и к их неизбежному экономическому банкротству. Реальная власть в области экономики незаметно переходила в руки нарождавшейся буржуазии. В этот период управление народом формально находилось еще в руках феодальной аристократии, но фактически она уже ничего не могла предпринять без участия горожан. Земля по-прежнему оставалась владением королей и крупных феодалов, но ее значение как основного средства производства заметно снижалось по мере развития промышленного производства, и в то же время с каждым днем повышалось значение капитала. Крупные феодалы, монополю владевшие землей, не могли не почувствовать, что их положение становится все более шатким. И все это получило отражение в том великом, ранее невиданном повороте, который теперь стал наблюдаться и в идеологии, и в морали, и в искусстве. Начиная с середины периода Токугава¹ в Японии возникает бурное развитие нового направления в искусстве, известное под названием «Укиё-э», означающее мир земной, повседневный или народный. В изобразительном искусстве этого периода большое место занимает цветная гравюра на дереве, основным сюжетом которой является быт горожан — ремесленников, актеров, гейш, а также природа родины. Одновременно появляются реалистические повести с иллюстрациями: «дзёрури» — баллады под аккомпанемент струнного инструмента, повествующие о ярких эпизодах из крестьянского движения в Японии; кукольный театр; народный театр «Кабуки», очень близкий к «дзёрури» по своим сюжетам и музыке; «хайкай» — жанр японской поэзии — стихотворения из 17 слогов; новый музыкальный инструмент — трехструнный сямисэн и т. д. и т. д. Все эти новые явления в области искусства и литературы, порожденные стремительным ростом горожан, в корне подрывали господствовавшие

¹ *Токугава* — династия правителей Японии с 1603 по 1887 г.

ранее догмы искусства и морали феодалов, переворачивали старые порядки и положили начало бунтам городской бедноты. Это и есть эпоха революции, эпоха смены исторического субъекта. А сколько раз на протяжении мировой истории происходили такие смены! К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» писал: «При Бурбонах властвовала *крупная земельная собственность* со своими попами и лакеями, при Орлеанах — финансовая аристократия, крупная промышленность, крупная торговля, т. е. *капитал* со своей свитой адвокатов, профессоров и красnobасв. Легитимная монархия была лишь политическим выражением наследственной власти собственников земли, подобно тому как июльская монархия — лишь политическим выражением узурпаторской власти буржуазных выскочек»¹.

В наше время мы вступили в великую эпоху смены исторического субъекта. И этого не могут не признать даже самые закоренелые консерваторы. Экономическим базисом современного буржуазного общества, безусловно, являются капиталистические производственные отношения; капитал — основное средство производства — находится в монопольном владении капиталистов. Над этими производственными отношениями воздвигаются политика и законы, юстиция, полиция и войска, воспитание и образование. Словом, теперь не может быть сомнения, что в капиталистическом мире субъектом истории является сегодня буржуазия.

Но уже с начала XX века развитие производительных сил решительно выходит за рамки капиталистической системы и создает новую эпоху, когда производственные отношения все больше и больше перестают соответствовать их уровню развития. Именно в этом причина все углубляющихся мировых кризисов, мировых войн и, наконец, все более обостряющейся классовой борьбы, как проявление растущей организованной и сплоченной силы пролетариата. К тому же следует напомнить, что на борьбу теперь повсеместно поднялись народы Азии, Африки и других континентов, которые раньше всячески угнетались и грабились как колонии, поскольку были лишены своей самостоятельности и свободы; они высоко подняли знамя антиимпериализма, антиколониализма

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 145.

лизма. Монопольное господство буржуазии внутри своих стран и на мировой арене оказалось ныне распатанным до самого основания.

И действительно, начиная с Октябрьской социалистической революции 1917 г. от капиталистической системы с ее эксплуататорскими производственными отношениями отпадают все новые и новые части и вместо них в ряде стран строится новая, более высокая общественная система с новыми, социалистическими производственными отношениями. Установление соответствия этих отношений уровню производительных сил, осуществляемое в социалистическом мире на плановых началах, вызывает здесь в свою очередь такие невиданные темпы дальнейшего роста производительных сил, которые приводят капиталистический мир в замешательство и вызывают серьезное беспокойство их правителей. Именно поэтому империалисты то пытаются заслат в социалистические страны своих агентов с целью организации так называемых «внутренних мятежей», то подвергают эти страны блокаде, чтобы лишить их возможности получать военное снаряжение и все необходимые им товары. Нередко они прибегают и к прямым диверсиям, к открытому использованию реакционных элементов в социалистическом мире, с тем чтобы добиться здесь раскола и лишить его единства. И все эти меры направлены на то, чтобы своим вмешательством во внутренние дела социалистических стран препятствовать их успешному развитию.

Выступая против социалистических стран, империалисты ведут широкую и разнузданную пропаганду среди народов своих стран. Через радио и телевидение, через газеты и журналы они всячески стремятся внушить своему народу мысль, будто новая, социалистическая система является какой-то «страшной силой», насаждающей всеобщий принудительный труд и причем якобы не отличающийся от фашизма, будто народ в этих странах полностью потерял свою свободу и находится на положении заключенных. Все это нацелено на то, чтобы насаждать в широких массах антикоммунистические, антисоветские настроения.

К сожалению, эта политика и пропаганда идеологов империализма одно время пользовались известным успехом. Именно поэтому некоторая отсталая часть народных масс, несмотря на свое огромное недовольство су-

шествующим капиталистическим строем, его разлагающейся, гнивающей политикой, все еще имеет некоторое опасение в отношении коммунизма. А это говорит о том, что предубеждения, которые через аппарат буржуазной пропаганды насаждаются в народных массах, обладают большой живучестью и силой.

Наше время уже не является той эпохой, когда историческим субъектом монопольно владела буржуазия. Японское государство, например, несомненно буржуазное, и оно продолжает свое существование только потому, что опирается на силу полиции и юстиции. Судебные процессы по «делу Митака и Мацукава», насилие полиции в событиях Сунагава¹ и другие провокации известны мне не по газетным сообщениям, а по непосредственному восприятию. И это не могло не убедить меня в том, что сегодня государственная власть в Японии служит отнюдь не благополучию и свободе трудя-

¹ «Дело Митака и Мацукава» — одна из провокаций, устроенных летом 1949 года правительством Иосида и штабом американских оккупационных войск с целью подавления деятельности Коммунистической партии Японии и левых профсоюзов, боровшихся против массовых увольнений рабочих и служащих. Цепь этих провокаций началась с того, что 5 июля 1949 г. был найден труп Симояма, генерального директора государственных железных дорог. Газеты и радио подняли в связи с этим шумную кампанию, утверждая, что убийство совершено якобы коммунистами и активными членами профсоюзов. На самом же деле Симояма был убит по указанию правительства Иосида за его отказ подписать приказ об увольнении ряда коммунистов.

15 июля была организована вторая провокация. Из депо на станции *Митака* на большой скорости неожиданно вышел состав электропоезда без машиниста, в результате чего произошла железнодорожная катастрофа с человеческими жертвами. После этого сразу же начались аресты коммунистов и левых членов профсоюзов.

17 августа была устроена еще одна провокация. На главной железнодорожной линии Тохоку, близ станции *Мацукава*, с рельсов сошел поезд, в результате чего побибли три человека. Это также послужило поводом к новым массовым арестам коммунистов и членов профсоюзов. Небезынтересно заметить, что все эти провокации были направлены в то же время и на подготовку войны в Корею в 1950 г.

События в Сунагава связаны с борьбой японского народа за освобождение острова Окинава, превращенного американцами в военно-воздушную базу. Жители деревни *Сунагава* выступили тогда против расширения местной американской военной базы. — *Прим. перев.*

щихся народных масс, а прежде всего малочисленному привилегированному классу, который к тому же поддерживается огромной силой мирового империализма. Но я уверен, что теперь даже при наличии такой мощной поддержки буржуазные государства уже не в состоянии подавить ту невиданно упорную силу сопротивления народных масс, которая все шире поднимается с самых низов. Повторяем, сегодня уже не та эпоха, когда гегемония буржуазии монопольно выступала как исторический субъект. С целью укрепления своей власти она попыталась однажды прибегнуть к фашизму, но и это судорожное усилие закончилось, как известно, провалом. Само собой разумеется, что этот провал еще не означает окончательной победы пролетариата и его союзников. Противник под влиянием исторических событий еще много раз будет переходить от состояния бессилия к состоянию угрожающей опасности, и чем больше буржуазия будет оказываться в безвыходном положении, тем чаще она станет применять реакционное законодательство, реакционную политику, и все это будет еще больше угнетать трудящихся. Именно поэтому нельзя сказать, что в дальнейшем уже не будет отступлений и шатаний в рабочем движении. Однако, поскольку в капиталистическом мире соответствие производственных отношений производительным силам уже утеряно, поскольку противоречия между общественным характером производства и частной собственностью на средства производства достигли крайнего обострения, постольку это основное противоречие полностью сохраняет свою силу, и у капиталистов по-прежнему не будет возможности для смягчения или ликвидации классовых противоречий и борьбы в современном обществе. Ибо для эксплуататорской системы совершенно закономерно, что, потерпев поражение в своем движении сопротивления, рабочие будут подвергаться еще более усиленному гнету, но чем больше они будут испытывать на себе этот гнет, тем более закаленными станут и, крепко сплотив свои ряды, будут накапливать новую, революционную энергию. Вот почему можно сказать, что переход исторического субъекта от буржуазии к пролетариату является закономерностью всемирно-исторического значения. К. Маркс в своей знаменитой работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» писал: «Буржуазные революции, как, на-

пример, революции XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, революции XIX века, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно:

Hic Rhodus, hic salta!
Здесь роза, здесь танцуй!»¹

Каков же исторический смысл перехода исторического субъекта от буржуазии к современному пролетариату? В далеком прошлом, в первобытной общине историческим субъектом являлись все члены общины в целом. Там тоже имелись как политические, так и военные вожди, но они были не больше, как представители общей воли членов общины, и в такой общине не могла иметь место система господства и эксплуатации, подобно классовому обществу. После того как развились производительные силы и на их основе появились соответствующие им классовые производственные отношения, другими словами, после возникновения классового общества, исторический субъект неизменно оказывался монополией привилегированных господствующих классов каждого данного общества. Так в истории сменялись историче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 122—123, а также 602, прим. 48.

ские субъекты от рабовладельцев к феодалам и от феодалов — к капиталистам. Значение пролетарской революции заключается в том, что она кладет конец длительному периоду существования антагонистического классового общества и снова устанавливает общество без классов, без эксплуатации. Современный пролетариат не может окончательно освободить себя, если в мире останется хоть один эксплуатируемый класс или хотя бы одна эксплуатируемая нация. Во всяком случае, наличие эксплуатируемого класса означает, что остается еще и эксплуатирующий класс, а если не уничтожить полностью всех эксплуататоров, то невозможно довести до конца и освобождение пролетариата. Безусловно, слова Маркса о необходимости покончить с предысторией человечества имеют важное значение для современной истории. Эта задача теперь непосредственно встала перед нами и ведет нас вперед. И понять ее подлинное значение это, несомненно, и есть первостепенная проблема философии истории.

§ 3. Пролетариат как исторический субъект

Таким образом, стало ясно, что сегодня пролетариат как субъективная сила новой исторической формации должен сменить буржуазию. Но каково значение этой смены для истории человечества? В прошлом буржуазия нового времени, вырвав свою суверенную власть и свою свободу у феодальной аристократии, являвшейся историческим субъектом средневековья, заверяла, исходя из теории «естественного права» или «врожденных прав человека», что она приведет человечество к положению, в котором оно будет вечно пребывать в достойных его условиях. Идеологи буржуазии провозглашали, что будет построено единое человеческое общество на основе «надисторических», «универсальных» законов разума, называемых гуманизмом и демократией. Они считали, что из всех этапов истории — древней, средневековой и новой — именно новая является завершающей, высшей эпохой в истории человечества.

Однако история от нового времени перешла к современности, и мы можем воочию убедиться, что теория буржуазных идеологов не отражает подлинного хода истории. Горожане нового времени, представляя третье со-

словие, полагали, что их освобождение и есть освобождение всего человечества, поэтому они призывали освободить весь народ от сословных ограничений, требовали полной отмены господства феодальной власти, искоренения всей феодальной идеологии, чтобы предоставить свободу и равенство всем людям.

На самом же деле то, что ими было получено, представляло собой не более как формальную свободу и формальное равенство, на основании которых фактическую свободу мог получить только класс буржуазии. И в этом обществе фактического неравенства на самом его дне оказался многочисленный класс пролетариев, лишенный своей свободы, стонущий под гнетом буржуазии. Буржуазная революция сыграла, конечно, прогрессивную роль, поскольку отменила сословное общество средних веков и установила более высокую форму исторического общества, но она не создала и не могла создать такого общества, где бы действительно имелись свобода и равенство всего человечества, как обещали в самом начале идеологи буржуазии. Несомненно, буржуазная революция намного продвинула вперед историческое развитие, но по существу она сделала не больше того, что на смену одного классового общества поставила другое, не менее антагонистическое общество. Сломав одну систему классового господства, она не сделала ничего другого, как поставила на ее место другую систему господствующей власти. И эта новая система классового господства на место крепостных крестьян, которых эксплуатировали в условиях феодальной экономики, у которых попрались все человеческие права и которым ничего другого не оставалось, как молча работать, поставила многомиллионные массы пролетариев, ввергнув их в положение наемных рабов, жизнь которых переполнена горем и тревогой. Горожане нового времени представляли свой либерализм и свою демократию в качестве вечных, неизменных законов человечества. Но это было всего лишь субъективное представление, подобно тому как феодальные короли абсолютизировали систему господства сословной иерархии, ссылаясь на неизбежность божьей воли.

С тех пор как в обществе появились антагонистические классы, господствующие классы неизменно отбирали свободу и благополучие у народных масс и на этой основе строили свою свободу и свое благополучие. Ма-

териальное процветание и развитие культуры рабовладельцев могло быть достигнуто только через лишение свободы и прав множества людей и превращение их жизни в нечеловеческую. Слава и богатство господствующего класса феодального общества стали возможными только в результате жестокой эксплуатации и угнетения, попрания человеческих прав тех многочисленных людей, которых, прикрепив к принадлежавшей им земле, заставляли работать в качестве основной производительной силы. И то, что современные капиталисты присваивают материальные богатства, достигается именно на основе их частной собственности на средства производства. У пролетариата же, составляющего огромную массу народа, нет иного выхода, как предстать перед собственниками средств производства в качестве продавцов своего товара — рабочей силы — по самой низкой цене, то есть стать наемными рабами. Для удовлетворения личной прихоти одного человека должны лишаться своей свободы и своего счастья сотни и тысячи людей. И если даже на один этот факт посмотреть с позиций гуманизма и демократии, неизбежно придешь к выводу, что подобное положение просто позорно и недопустимо в таком высококультурном обществе, каким является современное цивилизованное общество. Однако, поскольку это общество классовое, избежать такого положения в нем просто невозможно. А это значит, что все несчастья и тревоги человечества еще более растут, человечество ввергается в такую пучину тяжелых испытаний, которых раньше в истории еще никогда не было.

Тем не менее для пролетариата нет и не может быть выхода в том, чтобы ради своего личного счастья эксплуатировать других. Пролетариат, хотя и поднимается благодаря революции до положения господствующего класса, отнимает политическую власть у буржуазии и осуществляет свою классовую диктатуру, но не эксплуатирует буржуазию ни в качестве рабов, ни в качестве крепостных. Он ставит своей целью уничтожение классов, уничтожение классовых противоречий и противоположностей, уничтожение того отношения между людьми, которое выражается принципом — сильный пожирает слабого, выживает наисильнейший. Пролетариат утверждает новые отношения между людьми — отношения свободы и равенства, дружбы и взаимопомощи. Дикта-

тура пролетариата является не более, как временной, неизбежной мерой, чтобы создать и укрепить это новое общество. Поэтому при диктатуре пролетариата буржуазия лишается всех своих привилегий и прекращает свое существование как класс. В основе нового общества лежит принцип — счастье и свобода каждого члена данного общества неразрывно связаны со счастьем и свободой всех его членов.

А если так, то каким же образом строится это новое общество? Почему именно пролетариат выступает в качестве столь высоко нравственной личности, способной претворить в действительность свои высокие идеалы? Ведь в реальной действительности капиталистического мира пролетариат низведен до такого состояния, что он даже потерял свою человеческую природу. Но пролетарское движение — это не просветительское движение идеалистов и персоналистов, а движение протеста против лишения свободы и прав трудящегося человека; загнанные в самый дальний угол общества в качестве угнетенного класса, пролетарии не имеют иного способа освобождения, кроме как самим подняться на борьбу. Только эти исторически неизбежные условия среды ставят перед пролетариатом определенные задачи, решение которых необходимо выдвигает его в наступающей новой исторической эпохе в качестве исторического субъекта данной эпохи, причем те же условия среды обеспечивают ему средства и силу для решения этих задач.

Как уже говорилось, в основе развития истории лежит непрерывное развитие экономических, производительных сил общества. Причем наиболее эффективным стимулом для развития производительных сил служит развитие орудий производства. В глубокой древности человек занимался сельским хозяйством при помощи каменных орудий. На смену этой эпохе пришла эпоха железных орудий. К. Маркс так писал в «Ниппете философии»: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»¹. Важное значение прогресса орудий производства для развития производительных сил настолько ясно, что здесь не остается места для каких-либо споров. Когда существовали только примитив-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 133.

ные орудия производства, пользоваться ими мог, естественно, каждый человек в отдельности. Например, когда в сельском хозяйстве применялись лишь такие орудия, как лопата и мотыга, разумеется, не было необходимости опираться на огромный коллектив, ибо эти орудия успешно использовались отдельными лицами. Каждый субъект экономического производства — в масштабе народа или семьи — удовлетворял все свои жизненные потребности в своих узких рамках, не прибегая к такому экономическому фактору, как обмен в области производства. И то, что в феодальном обществе каждое княжество являлось независимым в экономическом отношении от других княжеств, было следствием низкого уровня развития производительных сил той эпохи.

Но в новое время гигантское развитие машин, использующих пар и электрическую энергию, привело к небывалому до сих пор развитию производственных мощностей. И все эти машины вместе с другими средствами производства находятся в частной собственности капиталистов. Однако подобно тому, как маг своим заклинанием вызывает появление на земле злого духа, а затем оказывается не в состоянии управлять им и впадает в дрожь, видя в нем угрозу для своей жизни, так и современный капитализм, хотя и вызвал огромное развитие производительных сил, но он уже не в состоянии господствовать над ними. Наоборот, именно из-за производительных сил возникли такие социальные противоречия и такой хаос, которые породили перепроизводство, кризисы и прежде всего — пролетариат как грозную, противостоящую ему силу. В результате мир превратился в арену непрерывных классовых битв. Смысл этих событий сводится к тому, что класс капиталистов уже потерял свою роль господствующего исторического субъекта по отношению к гигантски развившимся производительным силам. Точно так же, как в свое время в феодальном обществе развившиеся производительные силы заставили феодальную знать отказаться от роли исторического субъекта, чтобы уступить ее буржуазии нового времени, так и современная буржуазия, потеряв силу исторического субъекта, при помощи которой она могла управлять развитыми ею производительными силами, достигла той грани, когда она с необходимостью должна будет передать новому историческому субъекту свое господствующее положение.

А раз так, то на чем же все это основано? В свое время либерализм в экономике дал простор развитию производительных сил, до этого скованных цеховыми ограничениями феодального общества. В настоящее же время при анархии производства, вызванной частной собственностью на средства производства, чем больше развивается машинное производство, тем меньше отношения частной собственности соответствуют этим развившимся производительным силам. Не спасает и то положение, что частные предприятия становятся отделениями тех или иных компаний, а компании объединяются в тресты и картели. Управление производительными силами, достигшими ныне гигантских масштабов, уже не по плечу отдельным капиталистам, какой бы огромной возможностью они ни обладали. Пока капиталисты будут пытаться сохранить себя как собственников средств производства, до тех пор не смогут получить своего разрешения и такие противоречия, как противоречия между развившимися производительными силами и производственными отношениями, между частной собственностью на средства производства и общественным характером производства, между в высшей степени рациональным управлением внутри отдельного предприятия и анархией производства в целом обществе. Другими словами, капиталисты исторически потеряли свое качество господствующего субъекта развившихся производительных сил. В основе этого явления лежат социально-экономические причины, поэтому оно не случайно, а закономерно. И сколько бы капиталист ни перестраивал свои мысли по-новому, сколько бы он ни совершенствовал свой характер, сколько бы ни обращался к религии и не полагался на бога и как бы усердно ни выполнял предписания секты Дзэн¹, он все равно не исправит своего положения. Наступил час, когда роль исторического субъекта не может не перейти от капиталиста к рабочему.

Монополизация капитала, колоссальное развитие промышленности в виде огромных предприятий привели к тому, что тысячи и десятки тысяч рабочих вынуждены совместно трудиться в одинаковых условиях эксплуата-

¹ Секта Дзэн — одна из самых влиятельных буддийских сект в Японии, располагающая 20 760 храмами и выпускающая огромное количество литературы. — *Прим. перев.*

ции и выносить одинаковые страдания. Эти условия производства коренным образом отличаются от условий труда при феодализме, когда крепостной крестьянин вдали от других обрабатывал свой клочок земли. При капитализме сложились такие производственные отношения, когда рабочие изо дня в день в процессе совместной работы вместе переживают и горе и радость, обмениваются своими думами и чаяниями. Пытаясь хоть сколько-нибудь повысить свой жизненный уровень, а вернее, оградить свою заработную плату от постоянных снижений, которые капиталисты осуществляют по мере развития производства, рабочие сознают, что их попытки будут совершенно бессильны, если они станут выступать поодиночке; поэтому они приходят к выводу, что нет другого средства отстаивать свою жизнь, кроме как сплочение своих рядов. Здесь-то и начинается исторически неизбежная классовая борьба между капиталистами и рабочими. Ибо развитие капитализма порождает с течением времени такую могучую силу организованности рабочих, которая вполне может противостоять силе капитала. Эта организованность постепенно и все с большим успехом продвигает их от экономической борьбы к политической. И то, что класс капиталистов, установив свою безраздельную диктатуру, ограбляет трудящихся и отнимает у них все их политические права, только ускоряет подготовку и свершение революционного переворота, передающего роль исторического субъекта от буржуазии к пролетариату, к рабочему классу.

Когда рабочий класс, взяв в свои руки государственную власть, впервые выступает на исторической арене в качестве исторического субъекта, он прежде всего лишает буржуазию частной собственности на средства производства, превратив последние в государственную или общественную собственность. Это означает, что хотя рабочие и являются господствующим классом, но ни один его представитель не становится частным собственником. Рабочий класс в целом владеет и распоряжается всеми богатствами страны. И здесь проявляется его функция как исторического субъекта, соответствующего развившимся производительным силам. От субъекта-индивида к общественному историческому субъекту — такова сущность перехода от буржуазного субъекта к пролетарскому. Именно это качественное изменение и придает новую

жизнь производительным силам, которые при капитализме были скованы, а теперь начинают свой новый процесс развития. Наступает конец несоответствия производственных отношений уровню развития производительных сил.

Особенно ясно это становится тогда, когда развитие производительных сил в современных капиталистических государствах сравниваешь с поразительным ростом производства в социалистических странах.

В капиталистических государствах даже в тех случаях, когда у них и имеется определенный рост промышленности, развитие мирных видов производства, как правило, отстает, неоднократно прерываясь при этом экономическими кризисами и финансовыми потрясениями. В то же время одностороннее раздувание военной промышленности, чреватое опасностью мировой термоядерной войны, стало теперь для монополистического капитала одним из важнейших источников огромных прибылей.

В таком социалистическом государстве, как Советский Союз, где роль исторического субъекта народного хозяйства уже давно перешла от буржуазии к рабочему классу, за период с 1917 по 1952 г. производительные силы возросли в 40, а производство электроэнергии даже в 70 раз! И несмотря на такой гигантский рост, процесс развития промышленности в течение всего этого периода ни разу не нарушался здесь ни депрессией, ни кризисами. Даже во время глубочайшего мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. экономика Советского Союза не была затронута ни малейшими колебаниями. Если взять лишь один этот факт, то и тогда становится очевидным, что исторический субъект, который успешно может руководить развившимися производительными силами нашего времени, никак уже не может быть отдельной личностью. Как бы ни были талантливы отдельные личности, какими бы выдающимися способностями они ни обладали, но в одиночку они уже не в состоянии выступать в качестве хозяев современной истории. Только сила, представляющая организованность всего общества, только сила, реально объединяющая всех трудящихся, в состоянии управлять современной историей в качестве субъекта гигантски развившихся производительных сил. Наше время как раз и вступает в подобную эпоху.

Чтобы яснее представить, какое значение для истории имеет переход производительных сил в достояние самих трудящихся, совершим небольшую экскурсию в бескрайние пустыни Средней Азии. Здесь борьба человека с природой носила особенно упорный характер. Помимо всего прочего, она отягощалась еще и необходимостью борьбы с теми реакционными силами, которые устанавливали свое господство над народами, населяющими эти пустыни. Поэтому борьба продолжалась на протяжении многих веков, и простой человек никак не мог освободиться из-под двойного гнета: природы и угнетателей. С одной стороны ему угрожала природа с ее непрекращающимися песчаными бурями, беспощадным зноем, а с другой — люди из его же племени, называвшие себя баями, вождями племени и безвозмездно отбиравшие у него продукты труда, добываемые потом и кровью. Кроме того, местные люди труда периодически подвергались набегам извне, во время которых завоеватели бесчинствовали и грабили все их достояние, а вожди племени, становясь сторонниками чужеземных захватчиков, получали за это чины и ордена. Проходили века, а человек пустыни так и не смог достичь хоть какого-нибудь прогресса в своей жизни. Затем настало такое время, когда Среднюю Азию захватили царские генералы, построив там в оазисах всевозможные форты. Вслед за генералами сюда пришли русские купцы, заставившие местных жителей продавать им за бесценок обширные земли и вынудившие их разводить за непомерно низкую плату единственную и притом невероятно трудоемкую в тех условиях культуру — хлопок. Иногда губернатор приказывал местным жителям высаживать акации и ольху по обе стороны проложенных в пустыне дорог. Но получалось так, что приказ выполнялся точно, а деревья неизменно засыхали, ибо они не соответствовали ни климатическим, ни почвенным условиям пустыни. Был и такой случай, когда в 1898 г. местных жителей заставили соорудить для орошения голых степей канал, названный именем Николая II. Но не прошло и 5 лет, как канал этот пришел в негодность, превратив соседние поля в настоящие болота.

Шли века. И хотя человек труда продолжал упорную борьбу с пустыней, но все его усилия непременно кончались лишь поражением. Только Октябрьская соци-

алистическая революция 1917 г. породила новую общественную организацию людей, во главе которой стоял российский пролетариат вместе с трудящимися окраин и в связи с которой появились новые субъективные условия в борьбе с природой и ее пустынями. Затем возникли и реальные планы этой борьбы. Они не растягивались на века, а были предельно сжаты в пятилетки. Они указывали, что наступление на пустыню следует начать со строительства сети прекрасных дорог. А когда эти дороги откроются, по ним пойдут не пушки и войска, как это было в прежние времена, а рабочие и машины, необходимые для развития хозяйства. Затем дороги должны обрасти полями, плодовыми садами, шахтами, городами, заводами. В Голодной степи, где мероприятия царского губернатора закончились бесславным поражением, были запланированы необозримые хлопковые поля «Пахта-Арал». Там должна была появиться река со многими ответвлениями, выложенными бетоном. Рядом с вышками промысла «Нефте-Даг» планировались соляные промыслы на бухте Кара-Бугаз, а в самом центре пустыни Кара-Кум — серный завод.

Таков был грандиозный план борьбы с природой в бескрайних среднеазиатских пустынях, план ее преобразования. О подобном плане раньше не могли даже и мечтать, но он был успешно претворен в жизнь. Советские ученые подготовили и обсудили проект, по которому Аму-Дарья, впадавшая в Аральское море, должна была впадать в Каспийское. Для борьбы с песчаными бурями решено было насаждать на обширных площадях однолетние травы и другие растения. И в результате всех этих усилий Средняя Азия коренным образом изменила свой облик.

Говорят, что $\frac{3}{4}$ населения нашей планеты не в состоянии иметь достаточного пропитания. Однако, если трудящиеся, став историческим субъектом, начнут сами не только производить, но и распределять и потреблять продукты, то человечество, увеличившись даже в четыре раза, может питаться вполне досыта. До сих пор природные угодья дробились на основе частной собственности на отдельные кусочки, каждый из которых обрабатывался индивидуальным хозяином в отрыве от других. Но ведь природа — это одно целое и обладает такими связями, которые нельзя разрывать. Выруби де-

са — и пересохнут реки; распаши пастбища — оскудеют поля; опустоши луга — начнет хозяйничать песок пустыни. Если люди заботятся только о себе и нисколько не задумываются над тем, что будет на земле через 10 лет, не задумываются над будущим человечества, то это неизбежно приведет к непоправимым социальным бедствиям. И чтобы избежать такого положения, надо вернуть природе ее целостность. А это не под силу ни отдельным либеральным личностям, ни личностям свободной конкуренции; подобное могут сделать только трудящиеся в целом, как организованная сила исторического субъекта.

Это закономерное требование истории впервые осуществляется через борьбу пролетариата против капитала. Происходит поистине великий поворот, возвещающий конец предыстории человечества. Эпоха, когда средства производства представляли частную собственность и, следовательно, множество людей были лишены этих средств производства и подвергались эксплуатации и угнетению, навсегда уходит в прошлое. Трудящийся человек становится общественным собственником средств производства и на этой основе историческим субъектом, свободным от всякой зависимости от другого человека, капиталиста. Он сам себе господин и потому становится подлинным господином природы. Современные производительные силы, которые, развиваясь при господстве капитализма, переходили от энергии пара к энергии электричества, а затем и к атомной энергии, достигли такого уровня, что стали угрожать самому капиталистическому строю, ибо грандиозные масштабы этих производительных сил больше уже не подчиняются руководству отдельных личностей. Только руководство нового исторического субъекта, имя которому — организованные народные массы трудящихся, в состоянии превратить эти производительные силы из «злого духа», угрожающего человечеству, в орудие счастья и процветания, покорное воле человека. На этой основе и атомная энергия станет мощным средством для установления мира и счастья на Земле. Когда среда прогрессирует, то в соответствии с ней обязательно должен прогрессировать и исторический субъект. В противном случае одностороннее развитие объекта без установления соответствующего субъекта уг-

рожает чудовищными бедствиями человечеству. И в такой критический период вопрос о том, кто будет решающим субъектом истории — навсегда ли останется буржуазия или им станет пролетариат, — есть вопрос жизни или смерти, гибели или процветания всего человечества. Час пробил. И насколько глубоко прав был К. Маркс, когда он провозгласил в своем знаменитом «Предисловии»: «...человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить...»¹ Именно такие реальные задачи и ставит перед собой современный пролетариат: создание нового мира, нового общества без классов и эксплуатации, где не будет ни войн, ни вражды, где все будут равны между собой и ни один человек не станет попирает достоинство другого ради своей выгоды, где одна нация не угнетает другую, а все дружно и совместно борются за мир и счастье человечества в целом. Именно теперь наступил тот «час», когда можно разрешить все эти задачи истории.

Подведя краткий итог всему сказанному, можно сделать такие выводы: гигантская энергия экономических, производительных сил, развившаяся в рамках буржуазного либерализма, при капиталистической частной собственности на средства производства стала угрожающим всему человечеству «злым духом», которым уже не в состоянии управлять ни одна буржуазная личность. И субъект истории, могущий управлять этой энергией, теперь уже не может воплощаться в отдельном индивидуе. Той силой, которая будет в состоянии подчинить своей воле гигантский рост производительных сил, может стать только организация рабочих, закаленных в процессе непримиримой классовой борьбы.

При социализме возникает общество без эксплуатации и антагонистических классов, и таким образом навсегда будет покончено с той частью истории, которая неизменно представляла собой историю классовой борьбы. Социалистическое общество уверенно берет в свои руки гигантские производительные силы, которые теперь уже не поддаются контролю капитализма, и превращает их в покорное орудие счастья и процветания человечества. В свою очередь эти производительные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.

силы благодаря социалистическому строю получают безграничный простор для еще более успешного развития, и на этом пути открываются двери в коммунистическое общество, которое и явится высшей ступенью культурного расцвета человека. Таким образом, переход роли субъекта истории от буржуазии к пролетариату имеет невиданное до сих пор значение.

§ 4. Нация как исторический субъект

Наше время является эпохой, когда историю начали потрясать, с одной стороны, классовое самосознание самых обездоленных, жестоко угнетаемых и эксплуатируемых трудящихся масс, пролетариата, а с другой — национальное самосознание зависимых и колониальных народов, уже давно лишенных независимости и потому потерявших свое историческое лицо, а ныне вновь выступивших на арену мировой истории. Именно поэтому эпоха пролетарских революций является вместе с тем эпохой национальных революций. Обе они глубоко и неразрывно взаимосвязаны, и это придает современной истории выдающееся значение.

Конечно, так называемое национальное самосознание возникло не сразу. Когда производительные силы находились еще на весьма низком уровне развития и, следовательно, не был развит экономический обмен, крайне трудно было расширять и общественные связи человека в такой степени, чтобы они выходили за рамки семьи или племени. В феодальном обществе, например, политика и экономика осуществлялись в рамках отдельных княжеств, вследствие чего на границах княжеств воздвигались заставы и многие другие преграды. В этом обществе все коммуникации постоянно контролировались, а отношения человека к человеку определялись на основе деспотизма как отношения господина и слуги. Следовательно, здесь не могло возникнуть и никакого национального самосознания. Хотя вскоре и появилось то, что было названо «нацией» и что должно было послужить основой для возникновения национального самосознания, однако для формирования реальной исторической нации необходимы были иные условия, а прежде всего более высокое развитие экономических, производительных сил общества и соот-

ветствующие им изменения производственных отношений и политических форм.

Эти изменения были достигнуты уже в гражданском обществе нового времени, именно тогда же появилось и национальное самосознание. В чем же в таком случае состоит сущность возникшей нации? Здесь не место для подробного рассмотрения данного вопроса, и мы остановимся лишь на некоторых его сторонах.

Важной основой для возникновения нации является, как известно, исторически сложившаяся устойчивая общность территории и языка, экономики и культуры. Но к реальному формированию национального самосознания нации эти элементы могли привести только в тесной, неразрывной взаимосвязи. В этом смысле имеется тесная связь между буржуазией нового времени и нацией как историческим субъектом.

Однако буржуазное общество остается ярко выраженным классовым обществом. Причем по мере своего экономического развития оно все более усиливает классовую дифференциацию и, наконец, доходит до такой глубины противоречий двух больших лагерей, которые становятся совершенно непримиримыми. В связи с этим и нация, как исторический субъект, не могла избежать возникновения классового раскола. В. И. Ленин еще в 1902 году, проживая тогда в Лондоне и достаточно хорошо познакомившись с ним, обратил внимание, что там имеются «две нации». Сравнивая предельное великолепие улиц буржуазного района с темными и узкими переулками рабочих окраин, с барачными общежитиями, он ясно почувствовал, что здесь и невозможны были общенациональные интересы.

Оставаясь лишенным свободы, человеческой сущности, ввергнутым в бесконечную нужду, эксплуатируемый пролетариат не имеет иного выхода из этого положения, кроме решительной классовой борьбы с капиталом. Поэтому обострение классовой борьбы в капиталистическом мире просто неизбежно. И чтобы эту борьбу хоть как-то смягчить, буржуазные идеологи всеми способами культивируют так называемый «патриотизм» и восхваляют высокое назначение «национального сознания». История человечества, проповедают они, есть история борьбы нации с нацией (а не история классовой борьбы), и для победы в этой борьбе есть

только один путь — сотрудничество труда с капиталом, так называемый промышленный патриотизм, отрешение от личных выгод во имя счастья своей страны; погоня за маленькими выгодами может привести к гибели отечества. Все эти поучения призваны любыми способами отвести внимание масс от реально существующей классовой эксплуатации и гнета и заставить их воспринимать интересы буржуазии как национальные.

Так современная буржуазия, вступившая в стадию империализма, подменяет национальное самосознание нового времени качественно иным сознанием, именно «национализмом». Прежде буржуазия возглавляла борьбу против феодального строя, разрушала таможенные барьеры внутри страны, объединяла нацию, открывала свободную международную торговлю и, отменив сословные ограничения, вырабатывала новую идеологию, прославлявшую свободу, равенство, любовь между народами. Буржуазия, став во главе крестьян, мелкой буржуазии, ремесленников, интеллигенции, в той степени, в какой она могла мобилизовать их, являлась патриотом, воплотившим в своем лице интересы большинства народа. Однако при всем этом нельзя забывать главного: буржуазия нового времени с самого начала объединяла этот патриотизм со своими классовыми интересами, преподносившими ею под названием народных интересов.

Но по мере все большей монополизации капитала классовые противоречия внутри каждой нации становятся все более ожесточенными, и когда интересы классов доходят до степени абсолютной непримиримости, буржуазия одной страны вступает в союз с буржуазией другой, а внутри страны пытается укрепить свои позиции через смягчение классовой борьбы. С этой целью она начинает насаждать среди масс идеологию национализма, направленную исключительно на защиту классовых интересов буржуазии. Этот национализм характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, затушевывая фактически существующее противоречие классовых интересов, идеологи буржуазного национализма выдвигают идеи «семейной добродетели» или «любви к капиталисту»; людям трудящихся классов прививают патриотизм и «сотрудничество» в духе национальной солидарности и на этой основе

притупляют, усыпляют их классовое самосознание, превращая их в покорных слуг капиталистов.

Во-вторых, народу прививаются самое глубокое недоверие и ненависть к другим нациям, внушается мысль, что между нациями и государствами нет якобы и не может быть никакой солидарности.

В-третьих, утверждается, что именно своя нация является самой превосходной, не имеющей равной себе во всем мире, и поэтому она обладает особой всемирно-исторической миссией, которая дает ей естественное право захватывать и закабалить другие страны. В Японии прошлого эти идеи получали такое выражение, как «лучший государственный строй, не имеющий себе равного в мире», «божественная страна Япония», «дух ямато», «императорский путь».

Однако, несмотря на усиление буржуазно-националистической пропаганды, пролетариат по мере созревания своего классового самосознания все меньше подпадает под влияние подобной идеологии. Поскольку исторический субъект нации целиком монополизирован буржуазией, пролетариат, наоборот, скорее потерял свое отечество, и он вообще лишен возможности самостоятельно создавать это отечество, его интересы всячески попираются своеволием буржуазии. К. Маркс и Ф. Энгельс именно в этом смысле писали в «Манифесте Коммунистической партии», что пролетариат не имеет отечества. Однако это вовсе не означает, будто рабочие являются просто космополитами, лишенными отечества и национального сознания. Это означает лишь, что объект патриотизма — субъект нации — похищен буржуазией.

Говоря о подлинном патриотизме в наше время, следует подчеркнуть прежде всего, что, по существу, он окончательно изгнан теперь из капиталистического мира. И хотя буржуазия на словах все еще назойливо твердит о «патриотизме», в действительности у нее имется сегодня только классовый эгоизм. Взять хотя бы современную Японию. Кто заключил здесь предательский договор с иностранной державой без ведома своего народа и поставил под угрозу его независимость (вернее, вовлек весь народ в военный блок, в систему мировой войны)? Кто без всякого стыда заключил административное соглашение? Кто в интересах «безопас-

ности» чужого государства предоставил Японию в качестве форпоста, лишив ее независимости и превратив в мишень атомных бомбардировок? Кто предоставил японские земли для 700 военных баз? Кто направил тысячи вооруженных полицейских против жителей этих земель, начавших движение протеста, и только для того, чтобы угодить чужеземному правительству, пролил кровь сотен убитых и раненых?!

Подобных фактов, свидетельствующих о таком национальном унижении, какого японский народ еще никогда не испытывал на протяжении всей своей истории, бесчисленное множество. Кто втоптал в грязь историю Японии, как не господствующий класс буржуазии, который все еще является здесь историческим субъектом и формирует историю страны по своему произволу?

Но пролетариат не может не иметь патриотического духа. Он безгранично любит свои национальные традиции и гордится ими и в этом отношении стоит неизмеримо выше буржуазии. Причем патриотизм этот сложился у пролетариата не под влиянием буржуазной проповеди, а самостоятельно, как более высокий, истинный патриотизм. Пролетариат не продает своего отечества иностранным властям. Наоборот, он оказывает им упорное сопротивление. Однако борьба пролетариата — это борьба не только против чужеземных властей, но и против господствующей власти своей страны, продавшей отечество. Вот почему эта борьба вдвойне тяжела.

Значение движения сопротивления заключается в том, что субъект нации переходит от буржуазии к пролетариату. Истинное национальное самосознание не в той лживой проповеди, в основе которой лежит классовый эгоизм буржуазии, а в движении национального сопротивления пролетариата, отдающего этому даже свою жизнь. Здесь закономерно сливаются в единое русло движение национального самосознания во всех странах мира и классовая практика пролетариата. Рабочие в борьбе за свое освобождение закономерно нуждаются к созданию внутри своей страны прочно организованных объединений, и одновременно появляется необходимость установления единства с рабочими других стран. Для рабочих, для пролетариев нет различия между великими и малыми государствами. И в тех и в других странах капитализма они постоянно

страдают от угнетения и эксплуатации и потому всюду являются товарищами по классу, по борьбе за свое освобождение. А раз так, то рабочие империалистических стран, в которых буржуазная власть захватывает, угнетает и эксплуатирует другие страны, другие нации, не могут равнодушно проходить мимо подобной действительности. Если же они последуют национализму своей буржуазии и станут оказывать ей содействие в угнетении малых, слабых наций, это отнюдь не поможет их собственному освобождению, ибо такое содействие неизбежно приводит к тому, что еще более укрепляется власть буржуазии и усиливается классовый гнет, направленный против рабочих.

Когда Ф. Энгельс говорил, что народ, угнетающий другие народы, не может быть свободным, он имел в виду именно это положение. «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы,— писал Энгельс в 1874 году в «Польской прокламации»,— сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого. Пока русские солдаты стоят в Польше, русский народ не может добиться ни политического, ни социального освобождения. Но при нынешнем уровне развития России не подлежит сомнению, что в тот день, когда Россия потеряет Польшу, в самой России движение окрепнет настолько, что опрокинет существующий порядок вещей. Независимость Польши и революция в России взаимно обуславливают друг друга»¹.

Таким образом, рабочие буржуазного государства по мере роста своего классового сознания все более решительно сопротивляются империалистической политике своего правительства. Какое сильное движение сопротивления подняли французские рабочие во время войны во Вьетнаме! А что было во время войны в Корее, какой протест доносился сюда из-за океана с требованием «Руки прочь от Кореи!», организованный отцами и старшими братьями тех юношей, которых отправляли на верную смерть? И по мере того как выясняется полная противоположность интересов буржуазии и народных масс, проявляется полная противоположность буржуазного национализма и подлинного патриотизма трудящихся.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 509.

В этом отношении и в зависимых странах господствующие классы охотно вступают в союз с властями империалистического государства, становятся предателями своего отечества и своего народа. В таких странах народные массы подвергаются двойному гнету и эксплуатации, и именно поэтому национально-освободительное движение возникает здесь всегда прежде всего в среде угнетенных, обездоленных трудящихся масс — студентов, рабочих, крестьянской молодежи. Затем оно захватывает мелких и средних торговцев и промышленников, мелких помещиков, национальную буржуазию, интеллигенцию, женщин — словом, становится таким движением, которое уже можно назвать всенародным.

А если так, то в современных условиях у буржуазии не остается возможности внутри своей страны по-прежнему осуществлять свою диктатуру, точно так же как она не может теперь господствовать и вовне. Субъект истории постепенно уходит из рук буржуазного государства и переходит в руки угнетенных классов и угнетенных наций. Это стало очевидным уже не только для специалистов-историков, но и для каждого человека.

Особенно ясно проявилась несостоятельность буржуазного строя после открытия внутриатомной энергии. Это величайшее открытие обладает такой силой, которая способна в корне перестроить всю жизнь человечества. Однако в условиях империализма оно служит только целям ужасающих разрушений. Уже одно это доказывает, что строй буржуазного господства не может больше справиться с развившимися производительными силами.

Несмотря на то что народы всего мира с исключительной страстностью выступают против применения атомных и водородных бомб, угрожающих самому существованию человечества, империализм тем не менее берет на свое вооружение прежде всего именно это злое оружие. Поэтому, если на историческую арену не выступит новый исторический субъект, который был бы в состоянии управлять атомной энергией в мирных целях, если человек не станет ее подлинным хозяином, а, наоборот, будет находиться под слепой угрозой все возрастающей опасности применения термоядерного оружия, человечество неизбежно придет к такому концу,

что само себя похоронит при помощи им же самим созданного оружия. Но нам думается, что человечество этого не допустит, поскольку оно не столь уж невежественно и не столь ограничено, чтобы смириться с таким позорным концом. Освобождение атомной энергии, представляющей высшую ступень развития материальных производительных сил, связано с ломкой экономической системы, основанной на частной собственности на орудия производства, и с построением новых производственных отношений. И именно в этом объективная основа, которая с необходимостью должна вывести на арену нового исторического субъекта.

Таким образом, исторический субъект новой эпохи закономерно должен появиться в результате успехов современной классовой борьбы и национально-освободительного движения. Человечество в процессе своей борьбы практически познает, что собой должны представлять принципы подлинной демократии, подлинной свободы, равенства и дружбы. Так вновь создаваемые социалистические нации на деле сами впервые в истории человечества создают принципы национальной демократии. И здесь впервые уничтожается принцип «сильный пожирает слабого», принцип, который господствовал на протяжении тысячелетий всей прошлой всемирной истории, и устанавливаются отношения дружбы между всеми нациями на основе равенства и взаимного уважения. Любовь к человечеству в этой части мира не является неким бесплодным идеалом, а практически устанавливается путем развития реальной экономики, политики, культуры и взаимного обмена этими достижениями.

Однако во всемирном масштабе все это — дело будущего. И наша цель вовсе не в том, чтобы утешать себя сладкими мечтами, а в том, чтобы активно и упорно создавать наш собственный национальный субъект в соответствии с уровнем развития современных производительных сил и на основе подлинной демократии как в экономике, так и в политике. Одним словом, общая историческая задача всех наций мира, в том числе и японской, — превращение себя в социалистические нации.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Свою книгу «Философия истории» я начал писать осенью 1956 г. Это было как раз то время, когда истина марксизма-ленинизма раскрылась для меня во всей своей глубине как единственно научная теория познания и революционного преобразования мира. Это произведение явилось завершающим звеном в целой серии моих работ, где я шаг за шагом критически преодолевал мои бывшие идеалистические воззрения.

И все же тогда мне и в голову не приходила мысль, что спустя более чем 10 лет после написания моя книга представит такую ценность, что удостоится внимания советского читателя. Выход ее в свет на русском языке — большая честь и подлинная радость для автора.

Приношу искреннюю благодарность и выражаю признательность моему другу Л. Ш. Шахназаровой за ее труд по переводу этого моего произведения.

Янагида Кэндзюро

Сентябрь 1968 года.
г. Омия

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	5
Предисловие	13
<i>Глава I. Историческое познание</i>	<i>15</i>
§ 1. Что такое история?	15
§ 2. Историческое описание и историческая наука	21
§ 3. Проблема взгляда на историю	28
1. Прагматический взгляд на историю	28
2. Религиозный взгляд на историю	31
3. Просветительский и идеалистический взгляд на историю	35
§ 4. Проблема взгляда на историю (продолжение)	41
4. Историзм	41
5. Позитивизм	46
6. Материалистический взгляд на историю	50
§ 5. Философия истории	53
<i>Глава II. Законы истории</i>	<i>59</i>
§ 1. История и природа	60
§ 2. Историческая свобода. О возможности законов истории	67
§ 3. Законы истории	78
1. Общие и специфические законы	78
2. Идеализм и материализм	80
3. Движущая сила развития истории — развитие материальных производительных сил	82
§ 4. Законы истории (продолжение)	87
4. Соответствие производительных сил и производственных отношений	87
5. Базис и надстройка	91
6. Классовый характер общества и классовая борьба	99
7. Историческая наука и философия истории	100
<i>Глава III. Историческое пространство</i>	<i>104</i>
§ 1. Историческое пространство и географическое пространство	104
§ 2. Противоречия и противоположности в историческом пространстве	112
§ 3. Развитие исторического пространства — расширение социальной сферы	124
§ 4. Проблема всемирной истории	134

<i>Глава IV. Историческое время</i>	148
§ 1. Структура исторического времени	148
§ 2. Застойное время и время, периодически повторяющееся	160
§ 3. Прогрессирующее время	168
§ 4. Реформирующее время	176
§ 5. Проблема периодизации истории	187
<i>Глава V. Исторический субъект</i>	194
§ 1. Среда и исторический субъект	194
§ 2. Класс как исторический субъект	205
§ 3. Пролетариат как исторический субъект	215
§ 4. Нация как исторический субъект	227
Послесловие к русскому изданию	235

Янагида Кэндзюро
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Редактор *И. Пронченков*. Художник
В. Щербаков. Художественный редактор
Л. Шканов. Технические редакторы
В. Мецзякова, Г. Живрина

Сдано в производство 5/XI 1968 г.
Подписано к печати 7/У 1969 г.
Бумага 84×108¹/₃₂. Бум. л. 3³/₄, печ.
л. 12,6+1 вкл. Уч.-изд. л. 12,89.
Изд. № 9/10232. Цена 99 к. Зак. 361.

Издательство «Прогресс»
Комитета по печати при Совете
Министров СССР
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 20
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Рижский пер., 2

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ

АРНАУДОВ М. Психология литературного творчества. София. 1964. Перевод с болгарского. 38 л.

Академик М. Арнаудов исследует психологию художественного творчества и, в частности, такие проблемы, как личность творца и ее связи, восприятие и наблюдательность, аффекты и художественное вживание, формы художественного опыта, роль воображения и разумной оценки.

Автор подкрепляет свои мысли огромным фактическим материалом. Он исследует творческий опыт Шекспира, Бальзака, Достоевского, Ботева и других классиков мировой литературы, использует их дневниковые записи и другие документы.

Книга М. Арнаудова представит несомненный интерес для литературоведов, искусствоведов, философов.